

Людмила Игоревна Белякова Призрак прошлого

С незапамятных времен жители окрестных сел возле небольшого городка панически боялись «водяного коня» и передавали рассказы о его зверствах только шепотом. Считалось, что мифический получеловек-полуконь в определенное время ищет своих жертв. И вдруг новости о растерзанных телах молодых женщин нарушили покой городка. Главный редактор газеты, бывший сотрудник Комитета государственной безопасности, рассказал своему лучшему журналисту Андрею Полевому историю «водяного коня». Андрей пытается выяснить все подробности этого загадочного дела. Однако древнее предание к делу не пришьешь, и подозрения местной милиции падают на шустрого и любопытного журналиста...

В этой книге вы вновь встретитесь с героями романа Л. Беляковой «Смерть на кончике пера».

В тот день главный редактор, получив от Андрея статью про ученых-эниологов, больше ничем грузить его не стал и отпустил на все четыре стороны.

Дома, даже не посетив кухню, Андрей присел за стол и в который раз положил перед собой записку Анны О.:

«Андрей, дорогой, извини, что я уезжаю не простившись, но это ненадолго. Мне нужно проверить, – ты сам знаешь что. Я устроилась воспитательницей в детский лагерь. Не надо меня разыскивать, хорошо? Я вернусь и найду тебя. Спасибо за все, что ты для меня сделал. Будь счастлив. Привет М. Ю.

Анна О. ».

«Девушка писала не волнуясь, не нервничая... Выполняла долг вежливости. Ведь могла бы позвонить, а? За столько-то времени! То, через что мы с ней прошли, вроде бы к чему-то обязывает».

Не хотелось себе признаваться, что он просто болезненно и глубоко обижен на Анну, не выказавшую той доли признательности, на которую он как будто был вправе рассчитывать.

«Да ведь буквально с колен поднял! Что бы с ней было, если бы не я? Хотя... Она же меня не просила... И ничем, следовательно, мне не обязана...»

Чувствуя, что вот-вот загонит себя в депрессию, Андрей решительно встал и пошел стряпать свой нехитрый холостяцкий ужин.

«Но ведь от ворот поворот Анна О. мне не давала – просто отлучилась по неотложным делам. Сделает – объявится. Надо просто подождать».

Аутотренинг, или горячий свежий чай, или все вместе помогло. Тяжелая волна отчаяния нехотя, как океанский отлив, уползла, оставив на берегу мусор идохлых рыбок. Появилась мысль сходить в «Подкову», но Андрей уличил себя в безумном желании найти там Анну О. Но ее там не могло быть по определению, а сидеть просто так, вспоминая всю эту почти неправдоподобную историю, – нет смысла. И Тамарку Зуеву встречать совсем не хотелось. Хорошо, что он уже неплохо ориентируется на этой русалочьей местности и ее помощь ему стала не нужна.

– Ты чем сейчас занят? – спросил Борода у Андрея на следующее утро.

– Позвоню эниологам, может, они уже что-то там обработали... Надо ж продолжение ваять.

– А, да... Но это все равно через номер. Пока не горит. Возьми там у Вали – есть небольшое заданье. На перспективу, а?

– Как скажете, шеф.

– Твоя тема – о скрытых пружинах событий, – услышал Андрей сказанное в спину, и эти слова ему почему-то не понравились.

– Валь, привет. Тут чего-то по факсу должно было прийти...

– Да, пришло. Я думала, это только для некролога, а тут такое...

– Опять кого-то убили? – завертелся ужом Андрей. – И я, как всегда, крайний?!

Выздороветь не дадут!

– Да нет, вроде нет.

– Вроде не убили или я не крайний?

– Не злись. Я свою долю, некролог то есть, уже набила.

Валя протянула ему два листика.

– А твоя доля – исследовательская журналистика. Ты ж у нас супер.

– Угу, то есть все-таки крайний.

Андрей сел за стол и принялся читать.

Первый лист, настуканный на пишущей машинке с нервно скачущими буквами, содержал этапы славной жизни заместителя директора одной из двух имевшихся в России канатных фабрик, нестарого еще человека, с молодых ногтей тянувшего лямку создания всевозможных веревок, шнуров и шпагатов. Второй лист, написанный от руки, был письмом вдовы в органы и повествовал о том, что несколько месяцев назад замдиректора стал мучиться головными болями, похудел, а когда принялся ходить по врачам, не получил ни точного диагноза, ни лечения. Говорил, будто у него в голове словно зверь кровожадный

поселился и мозги гложет, гложет...

В один прекрасный день, придя на работу, замдиректора свил петлю из той самой веревки, которой посвятил жизнь, и повесился в собственном служебном кабинете на люстре. Предсмертной записки не оставил.

«Да, замечательный материал – улет!.. Прямо руководство к действию».

Вдова просила расследовать причину гибели, подозревала, что это могло быть и убийство или, по крайней мере, доведение до самоубийства.

– Валь, я чёй-то не понял из контекста – эта история когда случилась? – поднял голову Андрей.

– Да месяц с лишним...

– А чего ты – «некролог, некролог»?

– Ну, это я так назвала. На сороковины заметочка. Я тебя дезориентировала?

– Пустяки. А ведь гадкая история!

– Гаже некуда. Ты чуешь, да? Довели мужика.

– Думаешь, довели?

– Просматривается. Жена видела, как он доходил.

На откопированном листке были дописаны фамилии и номера телефонов администрации канатного предприятия и домашний, вдовий.

– И чего они от нас хотят? Если органы ничего выяснить не смогли, мы-то тут при чем? Не нам их проверять.

– Мне кажется, – подняла жалостные глаза Валя, – они просто хотят, чтобы мы написали историю жизни и гибели человека. Он на это право имеет, даже если там и нет настоящего преступления. Наказать за такую доводку нельзя, а обличить можно. Мне кажется, Михал Юрич это имел в виду.

– Да... Но тут есть и еще что-то.

– Есть, Андрюша, есть... Какая-то злая воля. Чего-то они скрывают.

«Люди в белых халатах ничего не скажут. Они все друг друга покрывают. Тут надо консультироваться у тех, кто решительно не способен совершить смертельно опасной для больного ошибки».

– Валь, я отойду по этому заданию. – Андрей решительно встал.

Дошел до трамвайного кольца, отправился на свой любимый объект – в морг горбольницы. На улице стало прохладнее – видимо, кроме черемухи зацвел невзрачными зелеными цветочками еще и дуб. Небо нахмурилось рваными сине-серыми тучами.

В приземистое помещение морга Андрей входить не стал, попросил неприветливую санитарку в резиновом фартуке вызвать к нему заведующую. Появилась знакомая гражданка с буквой «М» на шапочке.

– Вот, опять к вашей любезности. Ведь приглашали?

Врачица натянуто улыбнулась.

– Пожалуйста. Давайте зайдем – холодно.

– Только неглубоко – я не могу привыкнуть к этому запаху. Мне кажется, он впитывается в одежду.

– Да... Но выветривается тоже легко.

«Чего не сделаешь, чтобы выполнить задание», – подумал Андрей и сделал-таки пару шагов внутрь склепа.

– Я по поводу гибели замдиректора канатной фабрики. Вы, конечно, не обязаны все помнить – он покончил с собой сорок дней назад.

– Нет-нет, помню... Предприятие уникальное в своем роде, его многие знали.

– И чем он болел?

– Ничем. Ничего не нашли. По инструкции, самоубийц мы можем и не подвергать аутопсии...

– Мария Алексеевна, ради бога!

– Чего вы всегда пугаетесь? Смерть – неотъемлемая часть жизни.

– Лучше бы была отъемлемая... Так что там с самоубийцами?
– Вдова настояла на полном исследовании, мы пошли навстречу. И ничего не нашли. Так, обычные возрастные изменения. Практически здоровый человек. Жил бы да жил.

– Но голова-то у него почему-то болела?

– Ну, невралгия, неврозы... Мало ли. Начальник ведь. Это стрессогенно.

Запах заношенных, лежалых тряпок непреодолимо проникал во все клетки тела изнемогающего Андрея.

– Диагноз наших коллег подтвердился. Это главное. Они ему говорили, что никаких органических изменений головного мозга у него не было. Рентген, сканирование – все чисто. Голова как голова. Наверное, просто усталость, скачки давления.

– Скажите, а его карточка сохранилась?

– Да, она здесь в поликлинике, в архиве. Год будет лежать, потом ее перешлют в областной архив – он в Зарайске. А через десять лет сожгут.

– А получить ее нельзя?

– Во-первых, нельзя, а во-вторых, что вы там поймете?

– Я не пойму – вы мне расскажете.

– Это не по правилам.

– А здорового человека до петли довести по правилам?

– Это вдова так думает. Наши врачи здесь ни при чем.

– А я и не говорю, что это ваши врачи. Тут кто-то другой постарался. Замдиректора по канатам был здоров и накладывать на себя руки, например из-за неизлечимого заболевания, у него не было никакой причины. Возможно, причина лежит в другой плоскости, немедицинской.

– Так там и поищите.

Снаружи дул порывистый, холодный ветер. Никогда Андрей не радовался ему так, как сейчас.

«Во, сейчас пропылесосит меня хорошенько! Только бы не до воспаления легких. Тут уж виноватых искать не станут... Или нашелся бы кто-то?...»

По небу, задирая носы, как глиссеры, неслись с неестественной скоростью разнокалиберные облака. На обратном пути Андрей зашел в основной корпус горбольницы. Во второй половине дня здесь было немногочисленно. Андрей долго изучал расписание приемов, бросил беглый взгляд на пункт охраны, ненавязчиво притулившись рядом со входом. Сейчас на него, крутившегося на самом виду, подозрительно смотрел охранник.

Пора было возвращаться в редакцию.

– Как успехи? Есть что-нибудь? – спросила Валя, пившая чай за своим столом.

– Угу. Надо в прокуратуру звонить.

– Ну ты и крут.

– Меня послали, я должен идти. Борода, поди, номер ваяет?

Андрей приличия ради стукнул в дверь и сунул в щель голову:

– Михал Юрич, вы заняты?

– А как же... А ты чего хотел?

– Кто вам прислал этот факс, ну про зам-Всевышнего по веревкам, – ему нельзя позвонить?

– Неуважительно ты как-то об усопшем... Позвонить можно. Телефон запиши, скажешь – ты мой лучший корреспондент.

– Балуете вы меня.

Приятель Бороды был на обеде, и девушка на коммутаторе обещала соединить их, как только представится возможность. Возможность появилась минут через двадцать. Андрей сказал, что занимается делом замдиректора-самоубийцы и спросил про медкарту: нельзя ли устроить так, чтобы с помощью органов ему можно было с ней ознакомиться?

– А у вас есть медицинское образование, разобраться сможете?

– Там дело не в здоровье. Болен он ничем смертельным не был, и поэтому его не

лечили. Я хочу знать, как складывались у него последние дни перед роковым шагом. Где был, что делал... Может, я ничего не узнаю, но хочу кое-что проверить. Не можете ли вы добыть мне разрешение взглянуть на его медицинскую карточку?

– Этого не требуется. У нас в деле есть ксерокопия.

– Ух, здорово! – искренне обрадовался Андрей.

– Да... Я отдам распоряжение. Ждите. Сегодня будет. Но никому не показывайте. Ознакомьтесь и уничтожьте. Это конфиденциальная информация.

– Конечно, конечно. Михал Юрич нас тут в ежовых рукавицах держит.

«Ага, мехом внутрь... Надо запомнить».

Еще час Андрей ждал, потом позвонил телефон. Валя сказала: «Да, включаю» – и из факса, как фарш из мясорубки, ленись и нехотя, полезли листы.

«Вот сейчас опять нарою чего-нибудь такого, потом три месяца только на это работать и буду!» – вдруг припомнил он, как «шил дело» Анны К.

Он решительно потрянул головой и постарался вникнуть в суть происходящего.

...Энтузиаст канатного производства был действительно здоровым человеком, а частые, практически каждодневные, записи о посещении поликлиники появились за месяц с небольшим до смерти. Потом следовала недельная пауза – и роковой прыжок с рабочего стола. Андрей чертыхался про себя, разбирал почерки врачей, но все же составил график больничного передвижения замдиректора.

– Получается что-нибудь? – участливо спросила Валя. – Чего-то ты молчаливый в последнее время.

– А разве обычно я болтливый? – нарочито удивился Андрей, не отрываясь от листков.

– Нет, но обычно ты веселый.

«Замечают коллеги. В провинции все у всех на виду», – невесело подумал он.

– Повеселишься тут... Я думаю, почему человек вдруг перестал ходить по врачам? У последнего был – у невропатолога, а потом вдруг раз! – пауза и...

– Может, жена знает? Позвони спроси. Она же заинтересована в результатах.

Телефон у вдовы оказался только домашний, там не отвечали. Было уже пять вечера.

– Пожалуй, я пойду, – вздохнул Андрей.

– Давай. Завтра когда будешь?

– Как всегда.

«Завтра, если получится, вытрясу из Бороды адреса всех лагерей отдыха в районе, отберу у него машину и поеду разыскивать Анну О.», – неожиданно для себя решил Андрей. Сколько можно ее не видеть и так, гнусно и безысходно, хоть вой, тосковать?

За ужином и телевизором чуть не забыл позвонить замдиректорской вдове.

– Скажите, а по какой причине ваш муж перестал ходить по врачам?

– Он не переставал. Он и в тот день, когда... ну, когда...

– Я понял, понял.

– ...он с утра у врача был. Потом сразу пошел на работу.

– Это не совсем так. Последняя запись о приеме в поликлинике у невропатолога в больничной карте обозначена двадцатым марта, а двадцать девятого уже находим запись – сдать карточку в архив из-за кончины пациента. Он бросил ходить по врачам за восемь дней до своего трагического поступка. Как вы можете это объяснить?

– Никак. Он все время ходил к врачу.

– Может, он ходил к частнику, к платному врачу, не в поликлинику?...

– Нет, я бы знала. Он ходил в горбольницу. Это точно.

– Но свидетельств об этом нет. А вы не помните фамилию последнего врача?

– Ой, как-то на «ский»... Он говорил, но я не помню.

– Ладно, я проверю.

«Значит, нашелся какой-то неизвестный ловкачок, который мужика в неделю ухайдокал!.. А куда делся? Придется завтра опять идти в больницу и плотно работать с персоналом. Что ж, так, глядишь, доживу до следующего номера и со всеми силами

нерастраченной юношеской души примусь за поиски Анны О. Сколько она у нас в очередных бегах? Третью неделю? Или уже четвертую?»

Наутро Борода верстал следующий номер и был психически недоступен – Андрей взял копию карточки и записи, поехал в горбольницу и полчаса торчал у расписания приема врачей, сравнивая свои записи. На «ский» было только два врача: один педиатр, другой гинеколог. Оба Андрею решительно не подходили.

– Молодой человек, а вы у нас чем больны? – слышался над ухом негромкий, вкрадчивый голос.

Андрей вздрогнул и обернулся. Рядом стоял тот немолодой охранник в черном, которого он видел накануне.

– Я вас второй раз вижу за последние сутки, и все вроде как не по делу... Документы у вас какие-нибудь есть?

– А то! – злорадно ответил Андрей.

Он торопливо полез во внутренний карман куртки. Охранник нервно дернулся, следя за его рукой, и Андрей стал двигаться помедленней.

– Так, – охранник разочарованно посмотрел на корреспондентское удостоверение, – и что же вас сюда привело?

– Вот, кстати, может, вы прессе поспособствуете. По моим сведениям, в больнице принимал некий специалист с фамилией на «ский», а вот фамилии я здесь не вижу.

– Почему? – удивился охранник. – Такие фамилии есть.

– Нет-нет, эти врачи мне не подходят по определению. К тому же меня интересуют сведения полутора-двухмесячной давности.

– Н-да... Здесь арендуют кабинеты частники – может, среди них?

– О! – воскликнул Андрей так громко, что на него обернулись старушки из очереди в регистратуру. – А где можно ознакомиться со сведениями этого порядка?

– А вам зачем?

– Да вот, видите ли, у меня складывается впечатление, что один человек, вполне здоровый, пообщавшись с таким «врачом», наложил на себя руки. Я хотел бы разобраться получше.

– Писать об этом будете?

– Ведь стоит, а? Человека-то нет.

– Да... Ну, если вы из «Крестьянки», могу показать список. Персонал, который имеет постоянный допуск в здание. Пройдемте.

«Ага, бывший мент...» – тотчас сообразил Андрей.

Арендаторы – мануальщики и травники – менялись довольно редко. Часто переезжали с места на место специалисты по биоэнергетике и прочие экстрасенсы. Из всех лекарей, пожалуй, единственной подходящей кандидатурой оказался некий Корсунский Ю. Я., проработавший в помещении поликлиники месяца три и убывший в неизвестном направлении в конце марта в связи с окончанием срока аренды.

Андрей набрал на сотовом телефон вдовы.

– Это Андрей, журналист... Вы не припомните фамилию врача, которую называл вам муж, – не Корсунский? Подумайте, это важно.

– Да-да, верно, Корсунский!.. Я тогда еще подумала: коршунский какой-то... Да... А вы его нашли?

– Вроде. Я вам из редакции перезвоню.

Андрей отключил мобильник и повернулся к сидящему рядом охраннику.

– И что? – спросил тот.

– Похоже, именно этот Корсунский лечил моего героя.

– Ну дела...

– А договоры на аренду где хранятся? Там ведь, наверное, есть паспортные данные, адрес?

– У замглавврача по хозяйственной части. Только он вам ничего не даст.
– Мне не дадут, прокуратуре дадут, – хмыкнул Андрей. – Я ведь не от своей левой ноги сведения получил.

– Ах вот как...

– Угу. Ладно, не буду отвлекать. Пойду писать. Спасибо большое.

– Только на меня, парень, не ссылайся, хорошо? Я так, без балды помог, – забеспокоился охранник.

– Зачем? Я все заслуги себе припишу, – улыбнулся Андрей.

«Значит, так. Напишем проблемную, грустную статью. Пусть потом органы ищут этого экстрасенса и выясняют, где и чем он сейчас промышляет. Вот права, права Ксюша Петровна – подальше от этой экстрасенсорики надо держаться! Смирение, пост и молитовка! Мудрая она тетенька. Я тоже молодец и заслужил бигмак! Пост отложим».

Андрей пошел в редакцию пешком, шурясь от то и дело выскакивающего из-за облаков беспощадно яркого солнца. Заметно теплело.

– Тебе дама какая-то звонила. Просила перезвонить, – сказала Валя, уже собиравшаяся ехать в типографию.

– Я знаю, душечка. Сейчас брякну.

– Опять ласковый? – удивилась она. – Сцапал кого-нибудь, хищный ты наш?

– Ага. Парапсихолога одного подловатого.

– Едешь, Валя? – появился в дверях помятый с лица, усталый главред.

– Еду, еду!

Валя убежала, Андрей повернулся к главному.

– Ну все, Михал Юрич, сейчас вы от меня не отвертитесь, – плотоядно зарычал Андрей.

– А я и не буду. Только чаю попью, и я твой. Ты сам обедал?

– Да, на пути из морга.

– Чего? Шутишь так? – поднял глаза Борода, наливая кипяток в чашку.

– Хороши шутки!.. Видимо, замдир-то наш, отчаявшись узнать причину своего недомогания, кинулся в объятия нетрадиционной медицины, а тот прохиндей, чтобы вышибить из него побольше денег, наговорил с три короба про его безнадежное состояние. Тот и повесился... Замдир в то несчастное утро у некоего Корсунского был, а как пришел на работу, так в петлю полез. А Корсунский тут же смылся... По-другому как будто не получается.

– Да, звучит правдоподобно. Ты моему дружку справочку наваяй – пусть проверит, кто таков. И давай пиши, пиши!..

...Домой Андрей ушел затемно. Статья вытанцовывалась мрачно-обличительная. Врача он обозначил инициалами – прямых улик против него не было, а смысл сводился к тому... Пока он ни к чему не сводился. Вернее, сводился к тому, что не надо верить кому попало... И западать на первые встречные глаза... Пусть большие, грустные и небесно-голубые. Настроения у Андрея хватило только на печальное повествование, а вот на конструктивные выводы...

Вечером он набрал номер Ксении Петровны. Как там ее волшебный дар – не восстановился? Подскажет она ему хоть что-нибудь?

– ...Можно, я к вам зайду? Завтра...

– Заходи... Конечно, Андрюшенька, заходи. А... что у тебя случилось?

«Чувствует все-таки?!»

– Ничего не случилось. В общем и целом за жизнь хочу поплакаться.

Андрей нарочито шумно выдохнул в трубку.

– А... понимаю. Заходи.

– Она вам не звонила? – не смог удержаться Андрей.

– Как уезжала – звонила. Больше – нет... Ты приходи завтра утром. А то я с понедельника в отпуске, уеду ненадолго. Сможешь?

– Да куда ж я денусь!..

Из дверей Ксень-Петровниной квартиры на Андрея пахнуло теплым запахом свежей выпечки.

«Меня ждала! – чуть согрелась душа Андрея. – Хоть кто-то меня ждет, кроме ненасытного упыря глав-вреда!»

– Как я всегда здорово подгадываю, Ксения Петровна, – прямо к тому времени, как вы пирожки из печки высаживаете, – улыбнулся Андрей, вместо приветствия.

– Ну и хорошо, ты же здесь один, без семьи. Я сейчас дело закончу... Ты в комнату пройди пока.

Мельком глянув в сторону кухни, Андрей заметил, что у Ксении Петровны гостья – такого же примерно возраста, худенькая, темноволосая женщина. Гостья начала поспешно собирать с кухонного столика разнокалиберные фотографии. Несколько минут слышались невнятно бубнящие голоса, потом шаги к двери.

Ксения Петровна заперла за гостьей дверь, заглянула в комнату, махнула рукой – пойдем. В кухне сразу выключила пышущую жаром плиту.

– Что – тоже страждущая? – спросил Андрей, садясь на табуретку.

– Да, в какой-то степени, – не очень охотно ответила Ксения Петровна.

– Вы ей помогли, если не секрет?

– И не подумала даже. Если б и могла, не стала бы.

– А чего хотела? Мне просто для жизненного опыта. Расскажите.

– Ну, там такое дело... У нее двадцатилетний сын, вполне хороший мальчик, сбежал из дома, насколько я поняла, из-за ее бесконечных придирок. Не просто куда-то – к своей девочке, с которой встречался. Родители приняли его в семью. Сейчас молодые решили пожениться официально. А мамаша прибежала ко мне и, поскольку сын отказался возвращаться домой, просила отвести его от той девочки – ну, от невесты. От жены, можно сказать.

– И вы что?

– А я что? Сказала, что я не цыганка, чтобы кого-то отвораживать-привораживать, и ворожить вообще большой грех. А потом я у нее спросила: как бы она себя чувствовала на месте этой девочки? Если бы молодой человек пожил так, полгода, ради своего удобства, а потом бы бросил ее и вернулся домой? Дочке своей, если б у нее была, она бы такого пожелала?

– А она?

– Говорит: «Эта девка слова доброго не стоит!»

– Правда?

– Неправда. Девочка хорошая, скромная, я ей об этом сказала. И еще я ей сказала... Ты на свой счет этого не принимай, ладно?

– А что? – вдруг, сам того не ожидая, засмутился Андрей.

– Просто я сказала, что почти все мужики как коты: где им хорошо, там и живут. И если у тех людей ее сыну лучше, это их заслуга, и туда, где ему хуже, он добровольно не вернется – ворожи не ворожи.

– Чего обижаться, – хохотнул Андрей, – что правда, то правда. Все мы такие. Где пирожки, там и мужички.

Ксения Петровна улыбнулась:

– Пирожки сейчас выну. Будешь есть, сколько захочешь.

– Ага... А та дама чего?

– Оскорбилась. Сказала, что не ожидала такого от приличной женщины и матери.

– А вы?

– А что я – молчать должна? У меня сын ненамного моложе. Я ответила, что от хороших матерей дети не убегают.

– К ним даже другие прибегают.

Ясновидица опять улыбнулась. Вытащила из духовки противень с пирожками, ловко

скинула их на блюдо и, покрыв старомодным вафельным полотенцем, оставила на подоконник. Села напротив, взглянула на Андрея с готовностью слушать. Он не замедлил обрушить на нее бурный поток отчаяния:

– Где она, Ксюша Петровна, а? Скажите мне! Я страдаю! Мне выть хочется – у-у!

– Вот уж не надо... Она мне звонила. Сказала, будет работать с детками в летнем лагере, воспитателем и тренером по легкой атлетике. Для проверки... результатов.

– А почему она со мной не увиделась? Не захотела, да? Противен я ей, что ли?

– Ну, совсем и нет. Она же не уверена... что все случилось... что все закончилось благополучно. Боялась тебе навредить. Только поэтому.

– Я не верю. Она просто не хочет меня видеть.

Андрей слышал, что говорит голосом капризного, обиженного мальчика, но сделать ничего не мог.

– Анечка... она к тебе очень хорошо относится.

– Правда?

– Правда.

– Но мне этого мало!

– Я понимаю, но многого от нее сейчас требовать нельзя. Ты же лучше других знаешь, что она пережила. Другие бы и не поверили...

– А почему, почему она не может пережить этот период со мной? Я же ей помог, не другие!

Андрей подпер щеку рукой и, пригорюнившись, уперся взглядом в буфет образца семидесятых годов прошлого века.

– Так ты от чего страдаешь – от того, что Аню любишь, или от того, что она не рыдает у тебя на груди от благодарности?

Ксения Петровна ехидно прищурилась, склонила голову к плечу – как она делала, когда старалась что-то выловить из общевселенского потока информации.

– Я от всего страдаю, совокупно. Пусть бы она не рыдала от благодарности, но вот у меня на груди – это было бы очень желательно. Подскажите, как ее найти, а?

Ксюша Петровна поставила тарелочку с пирожками перед Андреем и встала, чтобы поставить чайник.

– Не беспокой ее пока, Андрюша. Не время пока для вашей... новой встречи. Пусть все забудется, померкнет. Зачем вам с ней плохое в новую жизнь тащить? Это неразумно.

Андрей вздохнул:

– Я знаю, что неразумно. Но мне от этого не легче. Вдруг она там кого-нибудь встретит?

– Пирожки кушай. Только осторожно, начинка горячая. Не встретит она никого, не переживай.

– Откуда вы знаете? Дар предвидения вернулся?

«А если он и к Анне вернется – ее антидар?» – внутренне ужаснулся Андрей, но почему-то промолчал.

– Никакие это не «дары», – чуть раздраженно ответила Ксения Петровна. – Просто мы много говорили, она со мной делилась... Я ведь тоже молодая была, ребят отсматривала. Знаю.

– Что? – насторожился Андрей, вынимая надкусанный пирожок изо рта.

– Что все у вас будет хорошо. Я это как женщина чувствую. Она тебя выбрала.

– Да?

– Да. – Ксюша Петровна улыбнулась как-то даже торжествующе. – Это мужики думают, что они нас выбирают. На самом деле все наоборот. Если на тебя девчонка глаз положила, тебе не отвертеться.

– Тогда ладно. Тогда пусть, – обреченно произнес Андрей и заработал челюстями.

– Ты, Андрюша, действительно не ищи Аню, – провожая его, повторила Ксения Петровна. – Это для ваших отношений... не полезно.

Андрей взял пухлую, пахнущую ванилью руку бухгалтерши и поднес у губам.
– Как скажете, дорогая. Но я ужасно хочу ее видеть. Вы мне хоть по секрету сообщите, если она позвонит или объявится? Чтоб я знал, что она жива-здорова. А?
– Если она захочет появиться, сообщит тебе первому. Это я наверняка говорю.

В редакции Валя встретила его смеющимися глазами – буквально давилась от хохота.
– Ты чего – смешинка в рот попала? – не слишком приветливо буркнул Андрей.
– Не-а, зато сейчас кто-то из вас, господа штатники, попадет. У главного такой материал объявился – цимес!

– Валь, кто пришел? – услышал Андрей зычный голос Бороды.
Валя промолчала, вопросительно взглянула на Андрея – собирается реагировать?
– А-а? – повторил главный.
«Была не была – возьму! Быстрее время пройдет!» – внезапно решил он.
– Это я, Михал Юрич.
Андрей вышел в коридор, остановился на пороге комнаты главного.
– Андрюша, у меня для тебя есть потрясающая тема! – заявил тот с восторгом.
На стоящем в сторонке стуле сидел, как проситель, сухонький старичок в костюме и при галстуке. На коленях бережно держал псевдокожаную папочку на кнопке.
– Зайди, родной, я тебе сейчас все объясню.
«Во влип! Обидели старика – придется его выслушивать и в какой-нибудь собес или совет ветеранов брести!»
– Это наш давний друг...

Старик чуть привстал и кивнул Андрею.
– ...заслуженный изобретатель... «Это уже не влип... Это супервлип!»
Какому журналисту неизвестно, что любой материал про изобретения и новации сулит бесчисленные хлопоты во время написания. Но самое страшное начинается после публикации, когда приходится отвечать на возмущенные звонки претендентов на первенство или специалистов, считающих, что «этого не может быть никогда».

– ...многократный герой наших публикаций. Хочет найти спонсоров для своего оригинального новшества. Надо помочь сделать ему материал, фактически рекламный, но так, чтобы нас не упрекнули в скрытой рекламе и не штрафовали. Сделай, дорогой, я тебя умоляю! Изобретение социально значимое, надо помочь.

– Да, давайте пройдем в другую комнату... Меня, кстати, Андреем зовут.
– Поликарпов Никита Васильевич.
Андрей предложил изобретателю сесть, но тот отказался, начал деловито раскладывать на столе аккуратные чертежи. Андрей, принадлежавший к тому сорту людей, которые не нарисовали ни единой линии начиная лет с двенадцати, вздрогнул. По черчению в школе у него было три с минусом, поэтому ему сделалось худо. Он почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову.

Валя тотчас отвернулась, но Андрей увидел, что лицо у нее в красных пятнах, а нижняя губа закусена.

– На эту новацию меня подвигло... «Ну и словечки у тебя, дедуля!»
– ...то обстоятельство, что в настоящее время в некоторых странах, включая нашу многострадальную державу...

«Дед готовился к визиту всерьез – учись, юнец!»
– ...изнасилования выходят на первые места в статистике особо опасных преступлений.
«Чего-чего?!»
– Суть моего приспособления...
Он положил перед Андреем первый чертеж.
– ...состоит во введении в интимный орган женщины...

Валя вскочила и на цыпочках, поспешно шмыгнула из комнаты. Изобретатель не обратил на это ни малейшего внимания.

– ...устройства не более гигиенического тампона, так часто и охотно рекламируемого нашим телевидением...

«Я сейчас рухну!»

– ...которое при попытке несанкционированного доступа...

«Дед, ты извращенец с мотором!»

– ...просто отсекает или, по крайней мере, наносит невосполнимый ущерб половому члену насильника.

Изобретатель замолк, отложил чертеж.

– Поражающий элемент устройства работает по принципу циркулярной пилы...

«Ты, старый, грязный развратник! Ты хоть представляешь, сколько мне лет и каково мне все это слушать?!»

– ...и может совершать до десяти движений на одном заводе.

– Устройство работает на механической подзаводке? – меланхолически осведомился Андрей.

– Да, опытный образец работает на механизме от обыкновенного будильника.

– Ах так, и опытный образец имеется? – заинтересованно уточнил Андрей.

– Ваш шеф сказал вам, что я изобретатель с многолетним стажем и, следовательно, знаю, что бесполезно идти к внедренцам без опытного образца. Я его сейчас не захватил с собой. Если нужно, могу принести.

– Это в том случае, если Михал Юрич сочтет необходимым поместить фотографию, – нашелся Андрей.

Валя вернулась на место и снова принялась печатать. Дверь за собой тщательно прикрыла, что было против обычного.

– Хорошо, – промолвил Андрей высохшим до шелеста языком. – А не станет ли это устройство... э-э... средством мести, скажем, ревнивых жен неверным мужьям или обиженных женщин – всем мужчинам вообще?

– Законный вопрос, – веско и солидно произнес Поликарпов. – Но та же криминальная статистика свидетельствует, что в девяноста процентах случаев бытовых убийств орудием расправы служат или кухонные ножи, или другие подручные средства. Это же не значит, что следует отказаться от производства и применения ножей или чугунных сковородок, не так ли? Ну а по сути вашего замечания... На первых порах, пока общество не определилось в отношении к подобным средствам индивидуальной защиты, можно, как для любого другого оружия, наладить выдачу лицензий на ношение ВПИСКУ...

Андрей видел боковым зрением, как трясется Валина спина.

– ...например, для женщин, работающих на сексуально опасных работах, скажем контролерами в местах лишения свободы, или посменно, когда им приходится поздно возвращаться домой.

«Ой, умру я, умру прямо сейчас!!! Анна О. приедет на мои похороны... Там и увидимся!»

– А это что – ВПИСКУ? Поясните, – выдавил Андрей из себя, с трудом ворочая шершавым, как напильник, языком.

– Аббревиатура. Полное официальное название прибора – «Вагинальное полуавтоматическое индивидуальное секаторное компактное устройство».

«Все, ребята, сегодня я точно не обедаю... Возможно, не ужинаю... Пост у меня, пост! Дополнительный, вне расписания. Великий!»

– Так вы хотите, Никита Васильевич, чтобы мы опубликовали материал, который мог бы привлечь производителей?

– Да, – все с тем же великолепным достоинством произнес изобретатель. – Я заинтересован в продаже лицензии на производство.

«Уж это точно кто-то купит... Чтобы торжественно сжечь! Вместе с изобретателем!!! А может, и с тем идиотом, который сделает публикацию... Ой, худо мне, худо!»

– Хорошо... Можно скопировать какой-нибудь чертеж или рисунок?

– Мне бы не хотелось, – поморщился Поликарпов. – У меня неоднократно похищали идеи.

– Он будет размером в десятую часть оригинала – даже при желании ничего не сплгиатишь. И печать газетная не очень четкая. А солидности это придаст. Возможный... производитель убедится, что это не пустая идея, а серьезная научно-техническая разработка.

– Вы уверены в сохранности моего авторства?

«Да кто ж захочет такое украсть?! Только полный, отпадный шизик!»

– Гарантирую.

– Ну хорошо. Полагаюсь на ваш профессионализм.

– Надеюсь вас не разочаровать. Телефон у вас имеется? Вдруг я захочу что-нибудь уточнить в ходе работы над статьей.

Дед пробежался изучающим взглядом по лицу Андрея, тот поспешно отошел, чтобы отксерить чертежик.

– Это Валя, наш ответственный секретарь... У нее через пару дней вы сможете ознакомиться с материалом, что-то подправить – мало ли что я не понял.

– Прекрасно. Я обязательно зайду. Приятно было пообщаться.

Поликарпов с достоинством откланялся и не торопясь пошел на выход.

С отчаянным усилием выждать еще минуту – чтобы изобретатель ничего не услышал из коридора или с лестницы, – Андрей рухнул на стул и зарыдал, уронив голову на руки. Валя, тоже не стеснясь, с подвизгом ему вторила.

На пороге, ошалело водя глазами, появился главный. Андрей вскочил как ужаленный.

– Михал Юрич, вы, вообще, в своем уме, а?!! Мне, молодому мужику, таких клиентов подсовывать?!! Да я задушить его был готов! По потолку размазать!

Андрей принялся бегать по комнате, размахивая руками.

– Выражаю горячий протест против распространения подобных чело́веконенави́стнических идей через наше издание! Если надо, я сам стану в пикет под вашим окном!

– Да, Михал Юрич, мне тоже было не совсем комфортно присутствовать при этой беседе, – заметила Валя, вытирая платочком потекшую тушь. – С таким устройством хорошо в русскую рулетку играть – на какую девицу попадешь... с инсталляцией или без. К протесту решительно присоединяюсь. Я сама не стану себя так... оснащать и никому не присоветую.

– Ну, это твое личное дело, – проговорил Борода, тоже, правда, глумливо хихикнув. – Материал сделаешь – однозначно! – повернулся он к Андрею. – Ты профи – ты все уметь обязан, а свое личное отношение к материалу должен...

– ...засунуть в задницу, – тихо проговорила Валя, но Борода все-таки расслышал и метнул на нее гневный взгляд.

– Валя! Ты – лицо редакции! От тебя я такого не ожидал. Когда будет готово, Андрей Викторович?...

– Сегодня. Поем – и засу... сделаю. Хотя какой после такого обед?...

Борода ничего не сказал, удалился к себе. Андрей накинуд куртку и направился якобы на обед. После кулинарных изысков ясновидицы он обычно не ел весь день, растрясал калории, и сейчас решил просто пробежаться.

Похоже, наконец, утверждалась настоящая летняя погода. Был конец мая, стояли самые длинные дни в году. Заря, едва померкнув на западе, сразу начала брезжить на востоке. Деревья, воскурив зеленый дымок первых нежных листочков, уверенно покрылись густыми летними нарядами.

Сколько еще Анна будет разбираться со своим новым состоянием? Сколько он не должен ее беспокоить? Точного срока они с Ксюшей Петровной не устанавливали... Ну, еще недельку, а там... Хоть из вежливости он может ее навестить? Или встретить случайно...

...К концу прогулки по старой части города Андрей мысленно написал этот безупречный по форме и гнусный по содержанию материал, назвал

ВПISKУ оружием следующего поколения и новым словом в обеспечении

безопасности женщины. А разве нет?

Вали не было на месте. Андрей сразу сел за работу. Материал – стоило только сесть за компьютер – пошел быстро.

«У, вот чего надо Монокарпу этому насоветовать – пусть бы он и мужикам какую-нибудь оснастку хитрую изобрел!.. Ой, не приведи господь сболтнуть!.. Возьмет и изобретет!»

– Веселишься? – услышал Андрей Валин голос и вздрогнул. – ВПISKУ описываешь?

– Пришла?... Да, весело. Никто не поверит, что всерьез. Подумают – первоапрельская отрыжка.

– А за это у нас Михал Юрич в ответе. Наше дело телячье!

...Борода довольно кричал, читая материал про эпохальное изобретение местного Кулибина. Ни малейшего подвоха в статье он не улавливал. Подняв на Андрея влюбленные глаза, удовлетворенно произнес:

– Я же знал, что ты справишься! Блеск! Гуляй до послезавтра!

В голове у Андрея уже зародилась просьба дать машину и адреса детских летних лагерей, но тут вспомнилось опрометчиво данное Ксюше Петровне обещание не разыскивать Анну О. Звук пришлось задавить в утробе.

– Валя, а Валя! – услышал Андрей, направляясь к выходу с этажа, голос главного. – А где кормящий отец наш, Костик? Я его, по-моему, уже вторую неделю не наблюдаю.

«Ага, не я один кого-то разыскивать рвусь, – злорадно подумал Андрей. – Борода Костика шукать вздумал... Вот и пусть Костыка поработает... А я буду тупо сидеть дома или бродить по улицам, задаваясь одним и тем же вопросом: почему мне не звонит Анна О.? Вспоминает она обо мне? И позвонит ли вообще когда-нибудь?»

Проснувшись поздно без особого желания что-то делать, Андрей лежал и смотрел на бледно-голубое небо за окном и огромный дуб, нехотя покрывающийся листвой. Самый старый из окрестных деревьев, он и оперялся последним.

«Ух, и желудей поедим осенью – страшно подумать!.. А где я буду осенью – здесь или в Москве? Нечего загадывать! Главное, выдержать паузу...»

Поняв, что, лодырничая таким образом, он ничего хорошего, кроме дополнительной смертной тоски, не получит, Андрей встал и пошел ставить чайник.

«А ведь надо позвонить Терпсихорову, прокатать ему на факс первую статью и спросить как и чего. Вот и развлечение».

– ...Феликс Феликсович, это Андрей.

– Бонжур, мон амур, – раскатился в трубке бархатный голос академика.

Андрей рассказал, что уже вышла первая статья об их экспедиции, в эту пятницу будет вторая – так что неплохо подкинуть материала на следующую публикацию.

– Ты знаешь, друг Андрэ, а твой мальчонка-то открытие нам принес, этот златокудрый ангел, вестник небес!

«Уж Серега и ангел!.. Знали б вы, Феликс Феликсович!»

– В каком смысле открытие? – решил уточнить он.

– А он добыл нам некий клочок шерсти, пардоньте за низкий штиль...

– И чей клочок оказался? – изобразил Андрей голосом величайшее волнение.

– А ничей! – взвизгнул от восторга Терпсихоров. – Неизвестное науке животное! Димыч уже вторую неделю буквально невменяем!

– Я скажу моему парню. Он будет счастлив. А что в самом-то деле с этой шерстью, если серьезно?

– Если серьезно – мы отдали образец на анализ генетикам, но они ничего конкретного выявить не смогли – только разводят руками. Даже видовую принадлежность называют неуверенно – вроде гоминид, но не человек. Старый очень волос оказался.

– Но этого не может быть по определению. Что он там, на веточке, с ледникового периода висел? Тогда кустиков этих не было. Им и двадцати лет не наберется.

– Да-да! – рокотал в трубке академик. – Это и интригует! Я тебе могу прислать распечатку.

«Придется топать в редакцию... А может, оно и к лучшему. Тошно одному».

Снаружи переливался волнами теплого воздуха прелестный весенний день. Редакция в такие дни оказывалась особенно близко от дома.

«Отделаюсь побыстрее и поеду... куда-нибудь. Не будет машины – хоть на автобусе».

На лестнице Андрей едва не столкнулся с помятым и недовольным Костиком.

– Привет! Ты как?

– Я на задание.

– Удачи.

Костик только хмыкнул в ответ.

«Ага, снял тебя Борода с насеста! Ну, побегай, побегай! Не все ж мне за тебя работать!»

– А ты чего пришел? – удивилась Валя, неторопливо ковырявшая вязальным крючком у выключенного компьютера. – У тебя ж выходной.

– Академик кое-что прислать должен. И я ему. А... Костыка куда ускакал? У него морда лица была как кой-чего объелся.

– Почти!.. – подняла она голову, хитро улыбаясь. – Дело-то неприятное, да... Михал Юрич ему «почетное» задание дал – массовый понос обзрывать. А он сам знаешь как заразы боится... Деткам своим принести...

– Ну, правильно боится.

Пока открывал электронную почту, отксерил первую статью об экспедиции и наладился пропустить ее через факс. И вдруг какое-то холодное, тяжелое, неизвестно откуда взявшееся чувство вползло ему в душу. Неотвратимо – как голодная анаконда-людоедка в тростниковую хижину амазонского индейца.

– А... что за зараза? – чуть осипшим голосом спросил у Вали.

– Да в лагере отдыха то ли повара не досмотрели, то ли медперсонал обмишурился. Что-то типа массового отравления – человек двадцать ребят сегодня ночью в кишечное отделение привезли. С температурой и поносом... Ты куда?!

Андрей метнулся в двери – ему нужно было догнать коллегу и уехать или вместе с ним, или вместо него!

– ...Андрей, Андрюша!!! – услышал, уже сбегая через три ступеньки вниз. – Тебе не надо... туда ехать! Не надо! Вернись!

Уже у входной двери затормозил, все-таки глянул на Валью, которая стояла площадке. Какая-то женщина прошла за ее спиной, ошарашенно рыская глазами: что за беготня и шум?

– Почему?

– Не надо... Там... Ани нет. Вернись, а? Пожалуйста!

Андрея колотило и разрывало на части – хотел все-таки догнать Костика и перебить у него задание. Валя, явно напуганная его рывком, нервно сглотнула и протянула ему руку – словно маленькому ребенку:

– Пойдем. Там Ани нет...

– Откуда ты знаешь? – тоже сипло ответил Андрей.

– Я знаю. Пойдем.

Чувствуя, как подкашиваются ноги, а лицо неумолимо сворачивается в обиженную, огорченную гримасу, Андрей стал медленно подниматься по лестнице. На Эйфелеву башню – в ином состоянии духа – он бы поднялся быстрее.

Валя пропустила его вперед и плотно закрыла за собой дверь комнаты.

– Тебе не надо туда ехать. Ани Озерных там нет, – повторила тихо, но отчетливо выговаривая слова.

Андрей даже не стал спрашивать, почему Валя решила, что он бросился искать Анну. Наверное, она все знала либо догадалась, чисто по-женски.

– Ты ведь подумал, что там... Аня?

– Да, – едва ворочая языком, ответил Андрей. – Ты все знаешь?

– Ну, – Валя чуть откашлялась, – в общем. Кое-что. Ты ведь подумал, что повторяется та же история, как тогда, давно, в школе, да?

Андрей кивнул отяжелевшей головой.

– Нет, там просто обычная эпидемка. Аня в другом месте.

– Откуда ты знаешь?

– Она мне звонила.

Андрей поднял голову:

– Почему ты не сказала?

– Потому что она мне не велела. Просто интересовалась, как ты себя чувствуешь, чем занят, о чем пишешь...

– Да? – чуть оживился Андрей, ощущая, как кровь приливает в щекам.

– Да. Но очень просила, чтобы я тебе ничего пока не говорила.

Андрей вздохнул.

– Анечка... она очень... хорошо к тебе относится, – тщательно подбирая слова, произнесла Валя.

– Ты это сейчас придумала.

– Неправда. Я знаю. Я же дольше тебя Аню знаю. Просто ей надо немного прийти в себя после этой истории. И она опасается грузина, который ее преследовал.

«Похоже, Валя не знает всего... Это к лучшему», – решил Андрей.

– Разве я не мог бы ее защитить?

– Вот именно этого она не хочет. Поэтому не велела тебе ничего говорить. Она о тебе заботится.

– Ох, не надо мне такой заботы!.. А откуда ты знаешь, что в том месте ее нет?

Валя, увидев, что он слегка отошел, улыбнулась и сделала чистые, невинные глаза.

– Потому что это лагерь для старшеклассников – они там в ролевые исторические игры дуются, на палках фехтуют. Анечка с маленькими, с дошколятками, работает.

– Ты и это знаешь? И часто она тебе звонит?

– Ну, пару раз в неделю.

Андрея снова захлестнула удушливая волна обиды.

– А мне ей трудно позвонить, да?

– Она же о тебе печется! – прижала Валя руки к груди. – Каждый раз о тебе спрашивает!

– Я не понимаю, не понимаю, почему она не хочет со мной общаться.

– Ну, ты пока вообще мало что о женщинах знаешь. Давай я чаю поставлю, а?

– Поставь – хуже не будет.

– Понимаешь, – продолжила Валя, наливая из дежурной бутылки воду в чайник. – Женщине очень важно, как она выглядит... Перед свиданием мужчина думает: «Что я скажу?», а женщина: «Что я надену?» Вот она хочет немного отдохнуть, успокоиться и тогда с тобой встретиться.

– Это она тебе сказала?

– Нет, но... Я тоже вроде как женщина. Мне это очень понятно. Я бы и сама так поступила.

Валя разлила кипяток в чашки.

– Анечка к тебе очень хорошо относится, – повторила как можно убедительнее. – Она обязательно с тобой свяжется. Потом. Просто надо подождать.

– Я умру, пока дождусь, – обреченно проговорил Андрей, сосредоточенно разглядывая, как темнеет чай в чашке. – На могилку она ко мне приедет, а? Слезу пролить?

– Ох, голубок, ну что ж ты такое говоришь?! Люди же, случается, десятилетиями друг друга ждут!

– Я не хочу столько ждать, – упрямо повторил Андрей.

– А-а! Андрюша здесь!

Дверь с треском распахнулась, и на пороге появился Борода.

– Как кстати!.. А ты чего пришел?

Андрей начисто забыл, «чего он пришел», ему понадобится усилие, чтобы вспомнить.

– Эниологи материал обещали прислать, – вяло ответил главному.

– А... Это хорошо. Если ты не очень занят, съездишь тут?...

Он умильно улыбался, только что не подпрыгивал на месте. Андрей пожал плечами.

– Съезжу.

– Это на часик, самое большое.

– Да съезжу, не проблема. Говорите, что надо.

– Для настоящего журналиста нет слова «нет»!

...Дениску начали искать почти сразу, в тот же день. Милиция даже не стала выжидать положенных троих суток – пропавшему было всего пять лет. Он вышел во двор и пропал. Как в воду канул. Милиция прислала проводника с собакой, та покрутилась около дома, виновато поглядывая на проводника и повизгивая от бессилия, но следа так и не взяла. Похоже, парнишка даже не выходил со двора. Родители, люди небогатые, уже ждали звонка с требованиями выкупа, но его не последовало. Сочувствующие из ближайших домов организовали прочесывание окрестностей по расширенному радиусу – ничего. Мать была в невменяемом состоянии, отец – отчаянно пьян. В округе стали поговаривать о похищении с целью разобрать мальчика на запчасти...

Все разрешилось счастливым, но совсем неожиданным образом.

– ...Я не понимаю, как я не почувствовала, – говорила Андрею мать, чуть покачивая Дениску, словно грудничка. – Как не почувствовала, что он совсем рядом?

Глаза ее были опухшими от слез, и, похоже, она все еще не могла оторваться от ребенка. А спасла Дениску не милицейская овчарка, а крошечная собачонка – «чупа-чупс с глазами», как называл таких Андрей.

...Весь квартал уже третий день жил в условиях ЧП. Родители не выпускали детей гулять – пошла вторая волна слухов, теперь о «маньяке». Тогда же во дворик вывели, точнее, вынесли на ладошке погулять восьмимесячную йоркширскую терьериху, собачьего пупсика с кокетливым бантиком на темечке. Та, торопливо присев по надобности, вдруг бросилась изо всех ног в кусты, где ожидал своей участи... старый промышленный холодильник. Его на днях вытащили из ближайшего магазина, бомжи-металлисты до него не добрались, а Дениска и решил обследовать. Дверь за ним защелкнулась, исследователь оказался в кромешной тьме и провальном беззвучии. Трудно сказать, слышал ли он, как вокруг ходили люди, – факт, что они его не слышали. А учуяла его как раз эта малышка – забарабанила в дверцу крошечными лапками, завизжала, запрыгала. Хозяйка, ничего не понимая, открыла дверь... и Дениска, совсем ослабевший, вывалился ей на руки.

– Какая-никакая, а все-таки собака! – с гордостью говорила хозяйка, демонстрируя Андрею героиню криминальной истории. – Учужа! А мы ведь редко в тот дворик заходим. Это она меня туда потянула...

Андрей погладил «чупа-чупса» одним пальцем – по-другому не получалось.

– Они на одной волне работают, – предположил Андрей, наблюдая, как щенок поводит носиком-пуговкой – как маленьким хоботком. – На детской. Потому она его и засекла.

– А, да, наверное, – радостно согласилась хозяйка.

«И как мой парень себя там чувствовал, в темноте, один, и как я себя чувствовала эти двое с лишним суток – того никому не понять. Хорошо, хоть воздух до него доходил», – вспоминал Андрей, топая пешком с окраины города, слова Денискиной матери.

Еще ему рассказали, что на радостях парнишкин отец на неверных ногах наладился было идти бить морду владельцу магазина, невзначай, но верно поставившему коварную ловушку. Соседи мстителя с трудом удержали, а невольный виновник выслал родителям «отступного», и тоже отнюдь не картошкой.

«Вот и конец статьи: «За такую безалаберность нельзя наказать по закону. А жаль!» – решил Андрей.

– Чего вернулся-то? – спросила Валя, уже сматывавшая вязанье.

– Да уделаю материал по горячим следам, – довольно вяло ответил Андрей, присаживаясь за компьютер. – Ты иди. Я закрою.

– Ты не куксись, ладно? Все будет хорошо, – многозначительно улыбнулась Валя и ушла. – Факсочек не забудь. У тебя на столе.

Андрей кивнул и сел писать. Через полчаса, когда общая схема была изображена и ее только надо было обрасстить выразительными деталями, зазвонил телефон. Был уже восьмой час.

«И кому это редакция понадобилась? Что-то срочное?» – подумал Андрей, нехотя вставая.

– Алло, редакция слушает.

На том конце молчали, но Андрею показалось, кто-то дышит в трубку.

– Редакция слушает. Алло?

Опять молчание и дыхание. И вдруг он понял, кто звонит.

– Аня, Аня!!! – буквально завопил он. – Аня, поговори со мной, пожалуйста!.. Не бросай трубку!

– Да-да, это я, – услышал через секундную паузу издали и глуховато.

– Почему ты мне не звонишь?! Что случилось?! Я тут с ума схожу!

– Ну вот видишь, все-таки позвонила, – выдохнула она.

– Как ты, где?

– Работаю с малышкой, вроде все в порядке. А ты-то как?

– Я тоже работаю с малышкой и тоже в порядке. Ты не с мобильного?

– Нет... Я по местному. А что у тебя за малышня?

Андрей, отстрадав три недели, сейчас просто не знал, что сказать Анне, не знал, как поведать о своей тоске. Чтобы удержать ее в эфире, рассказал о сегодняшнем задании, но не стал упоминать, как кинулся ловить Костика.

– ...Пожалуйста, Аня, дай мне свой телефон. Или обещай звонить сама, – чувствуя, что сейчас скатится на какой-то безнадежный, тоскливый скулеж, попросил Андрей.

– Я буду звонить тебе домой, ладно? Как деток спать отправлю, буду звонить. Но не каждый день. Тут желающих много.

– А... когда мы сможем увидеться? – решил закрепить успех Андрей.

– На Ивана Купалу, – чуть помолчав, ответила Анна.

– На Ивана Купалу?! – удивился Андрей.

– Ага. – В трубке переливчато рассмеялось. – Не рассказывали тебе? Тут новые язычники праздник летнего солнцестояния устраивают. Уже лет пять, наверное. Через костры голышом скачут – очищаются. Если я смогу вырваться на эту ночь, тоже приду подучиться.

– А где это происходит?

– Ох, это надо уточнить... Они каждый год в разных местах собираются. Смотря по погоде. Там и увидимся. Хорошо?

– Аня, не исчезай, пожалуйста! Я ужасно... по тебе скучаю.

– Я тоже скучаю, Андрюшечка!.. Но дай мне еще немного времени. Извини, меня отрывают. Я позвоню. Пока!

В ухе мерзко запищало. Андрей положил трубку и долго сидел за Валиным столом. Вот... Анна позвонила, хотя и не ему... И назначила свидание. Почти точно назначила, да! И какое романтическое – в самую короткую, чуть ли не белую ночь! В грешную, языческую ночь! Нет, ну каково?... А девушка не так уж беспомощна и наивна.

Андрей почувствовал, как его лицо расплывается в счастливой, глупой улыбке. Судьба все-таки на его стороне! Не зря он решил задержаться в редакции... Поймал русалку за хвост! Или почти поймал...

«И когда у нас Ивашка? – подумал, наконец вставая и глядя на стенной календарь с приторно-зеленым пейзажем. – Сегодня двадцать седьмое мая... До солнцестояния всего ничего!»

Его забило радостной дрожью – до встречи с Анной оставалось меньше месяца! Чувствуя, что не может сидеть перед дисплеем, Андрей, судорожно кликая мышью, выключил компьютер, закрыл комнату и, под тяжелым взглядом ночного дежурного, вылетел из здания. Уже на улице вспомнил, что забыл листки, присланные Терпсихоровым, но это было не важно. Наукой заниматься сегодня вечером ему хотелось меньше всего.

Снаружи было сумрачно, свежо и удивительно томно. Андрей только недавно догадался, что это за редкое – только летнее – ощущение, когда совершенно не чувствуешь своего тела, словно растворяешься в воздухе. Это случалось, по всей вероятности, тогда, когда температура окружающего воздуха точнехонько совпадала с температурой кожи и поэтому абсолютно не ощущалась... Вот бы такую погоду да на Ванюшку Купалу!..

Дома Андрей впервые за эти недели плотненько поел. Потом лежал в темноте одетый, представлял, как будет проходить их с Анной свидание...

...Зыбкая, теплая ночь, синий, но не черный небосвод в ярких немигающих звездах, возбуждающе-резкие крики языческих менад, прыгающих через костер... Невесомые юбочки взлетают, потайные детали анатомии на миг освещаются рыжим-бесстыжим огнем... Хищные рыки голых по пояс дикарей, вожаденно преследующих юниц, жаждущих избавиться от своей невинности. Он ищет среди них Анну, в сумраке заглядывая в девичьи личики, под длинные светлые волосы, но это все не Анна, не она... А девчонки, переливчато посмеиваясь, слегка касаются его торса шаловливыми пальчиками, загадочно улыбаются, приглашая побегать за собой. Но Андрей ищет Анну, только ее... Рядом чуть слышно плещется то ли река, то ли озеро, там кто-то довольно фыркает, играет, купается... На горизонте уже появилась оранжевая полоска, с каждой минутой разрастается, отодвигает вверх голубеющий небосвод... В зарослях поодаль слышна возня, томные вздохи, хриплое, но очень довольное ворчание. Наверное, кто-то нашел цветущий папоротник и спешно выкапывает зарытый под ним клад. Или что-то другое, еще более ценное?! А Андрей все рыщет по редющей на глазах толпе празднующих, ищет Анну...

Он проснулся в полночь с чувством щемящей обиды – так долго ждать, так жестоко страдать и все-таки не найти ее! С облегчением осознал, что это был сон, полежал еще, с удовольствием ощущая, что призрачная обида медленно, неохотно уползает. Никакого неудачного свидания не было. Свидание с Анной впереди, и будет оно сказочным, чудным... великолепным.

«Да, надо узнать, что там требуется... Дресскод, командировочное удостоверение... Ага, надо получить аккредитацию!» – совсем уж развеселился Андрей, представив на себе именной бейджик вместо фигового листа.

Надо было ложиться спать всерьез, Андрей встал и пошел чистить зубы на ночь. В ванной рассмотрел себя повнимательнее. Не обрюзг за месяцы, которые не ходил качаться в спортзал? Вроде нет... Лицо было заметно усталым или скорее привыкло за последние недели выражать досаду и тоску.

Он подтянул пальцами чуть опустившиеся уголки рта – так значительно лучше. Разве стоит показывать Анне, что измучился неизвестностью и ожиданием? Он очень хочет ее видеть, но представать перед ней в раздрюзганном, жалком виде – нет.

«Интересно, где обычно шалют местные язычники? Спросить нешто у Бороды? Ага, навяжет материал делать... Ну и сделаем! Матерьяльчик будет цимес – как говорит ответственный секретарь редакции».

Всю ночь его преследовали сладко-мучительные видения, но проснулся Андрей на удивление бодрым и таким же ввалился в редакцию, где Валя выдавала внештатникам гонорары.

– Я тебе в стол положила, – мельком глянув на Андрея, сказала она. – К Бороде зайди.

– Затаился и поджидает, змей? – свирепо прорычал Андрей, вынимая конверт с деньгами из ящика.

Валя еще раз глянула на него – веселый сегодня?! – и снова уткнулась в ведомость.

– Привет, герой! – возрадовался главред. – А у меня для тебя темка – блеск!

– В обмен на информацию, – бранчливо процедил Андрей.

– А чего хочешь? – подпрыгнул в кресле Борода.

– А где тут у вас языческие непристойности проводятся?

– Которые на Ваньку Купальщика? – хитро прищурился главный.

– Типа да. Хочу посетить, поучаствовать и осветить.

– Это замечательно!.. Но это не сейчас. Я дам тебе наводку, потом. А ты мне сейчас один матерьяльчик сделай, хорошо?

– Я уже сделал матерьяльчик про мальчика.

– А он где? – задрал Борода очки на лоб.

Тут Андрей вспомнил, что мальчика-то с собачкой не доделал.

– Сейчас Валя спиногрызов этих разгонит, и я пропущу на печать.

– Зачем так про наших бесценных помощников? Без внештатников газеты нет.

– Ладно, я не прав. Говорите, что надо.

Настроение Андрея с каждым мигом улучшалось. А вот любимый шеф внезапно огорчился и сокрушенно завздыхал:

– У матушки настоятельницы неприятности, можно сказать, горе...

– Господи! – почти искренне схватился за сердце Андрей. – Да кто ж посмел ее забить?! Порву гада, как Тузик тряпку. Машину дадите?

Андрей решил, что надо сразу ехать в Голубинский монастырь и воевать с супостатами веры Христовой.

– Не, к ней пока ехать не надо. Она еще вряд ли готова с прессой говорить. Надо сначала к нашему человечку в органах подскочить.

– Не пугайте, Михал Юрич.

– Да-да, – снова вздохнул Борода. – Телефон загашниковский сохранился у тебя?

– А то как же.

– Ты позвони, так, тактично, с подходом, от моего имени, попроси дать информацию о событии в Голубинском. Я в тебя верю.

Борода спрятал пакостно посверкивавшие глаза и отвернулся к дисплею.

– Ну вы меня и озадачили, Михал Юрич, – протянул Андрей, но, поняв, что сейчас из главного ничего больше не вытянешь, вернулся к себе в комнату.

«Ох, не к добру это все! Ну да ладно. Работа – главное лекарство от депрессии. Быстрее время пройдет», – подумал Андрей и, найдя номер бравого майора, набрал органы.

– Ну... да... В монастыре задержан злоумышленник, – как всегда неохотно, заскрипел Загашников. – Вы подъезжайте. Я тут, на месте, поясню.

Путешествуя в громыхающем трамвае в новый центр города, Андрей попробовал вообразить, на что мог покушаться таинственный злоумышленник, но ничего, кроме банальной кражи старинных икон, придумать не мог.

«На невинность послушниц покушался? Фу, как мерзко... Но в этом нет ничего загадочного – элементарная уголовщина. Скрутить вражину – да и в узилище! И чего Борода так отчаянно темнит? И сам этот мышиный герой – Загашников?»

Первое, что сделал Андрей, войдя в кабинет майора, – бросил взгляд на его несчастный, покусанный мышом-трупоедом глазик. На майорском веке все еще был виден маленький розовый шрам.

«Пустяки, бандитская пуля».

– Присаживайтесь, товарищ корреспондент, – веско произнес майор, пожав руку.

«Где б я слышал это, но только не здесь!» – подумал Андрей и нажал клавишу диктофона.

– Что вы можете сообщить прессе об обстановке в Голубинском монастыре?

Майор негромко крикнул, скептически глянул на горящий красным глазом прибор.

– Собственно, э-э, имело место вторжение на закрытую территорию лица мужского пола...

– Матерь Божья! – невольно воскликнул Андрей.

– Во-во! – вдруг, расслабившись, хмыкнул майор. – Матерь-то матерь, но не Божья.

... Чем дальше слушал Андрей Загашникова, тем труднее было ему удерживать челюсть, неотвратимо стремившуюся рухнуть на потертый линолеум майорского кабинета.

... Максюту Баранов несколько раз пытался поступить в духовную семинарию. Но как не ладилось у него с учебой даже в простой среднероссийской школе, так не получалось отвечать под пристальными взглядами бородатых экзаменаторов. Не учуяли архиереи в нем и особой любви к Господу. А почему? А потому, что не было ее – особенной-то... Нравилось Баранову ходить в церковь потому, что чаровали его парчовые одеяния солидных священников, да и служители помоложе в сверкающих золотым шитьем ризах тоже очень-очень импонировали... К тому же с юности худенький, бледненький, редковолосый мальчик имел странную склонность к женскому белью и колготкам...

– Ну вот он и решил, – глумливо хохотнув, произнес Загашников, – одним махом убить двух зайцев. Украл у сестры – что-то года на полтора она постарше – паспорт, переоделся в женское, платочек на голову надел и явился к матушке – мол, примите на послушание Христа ради! Фотография похожа – родственники же. Подол ему тоже никто не задира – кто ж на такое рассчитывал? Ну и пожалели, приняли.

– А чего он в мужской-то монастырь не пошел? – удивился Андрей.

– Это ты сам у него спроси, – опять ухмыльнулся майор. – Мы его на семьдесят два часа задержали, так что сегодня к вечеру выпустить должны.

– А покарать за содеянное? – хищно оскалился журналист.

– Так вроде и не за что! За хулиганку – так он лучше всех себя там вел, молился, работал. За нарушение режима? Монастырь же не зона. Да и церковь у нас отделена от государства. Шум был, когда они его своими силами выдворять начали, а потом милицию вызвали... Малозначительный проступок. Вот так.

– А на чем попался? На бритье?

– Э нет. Он похитрее был. Он лицо этой штукой мазал, которой женщины с ног волосы сводят. А погорел на том, что его знакомые узнали. Прямо там, на службе. Думали спервоначалу, что это его сестрица, а потом прикинули – она ни в какие монашки не записывалась, живет себе, с ребятами гуляет... Так и разоблачили, охальника. Он принялся матушке в ноги кидаться, говорить, что заработает на операцию, станет настоящей женщиной...

– С матушкой плохо не было?

– Не знаю – туда дежурный патруль выезжал. Так что? Пойдешь к... этому?

– Если организуете.

– Не проблема. Здесь он, не буйный.

Свидание с Максимом-Мариной состоялось в комнатке для допросов.

Перед Андреем село странное существо, одетое в темные, кажется фланелевые, одежды – но было оно все-таки в брюках. Длинные, жидкие волосы, прилипшие к черепу, бледное до голубизны лицо. Невеселое зрелище – с учетом чрезвычайно несчастного вида.

– ...Кем вы себя по-настоящему ощущаете? – возможно деликатнее допытывался Андрей. – Мужчиной или женщиной?

– Зэком я себя ощущаю, – вертя головой, проскрипел монашка-расстрига. – Почему я не могу жить, как хочу? Маринка, сестра моя, – может, а я не могу, да?

– Ваша сестра живет обычной для молодой женщины жизнью, – мягко произнес Андрей.

– А может, для меня такая жизнь тоже обычная?

Он поднял голову и глянул на Андрея блеклыми серыми глазами.

– Ну хорошо. А монастырь, религия как с этим соотносится?

– А красиво-то как! Свечи, рясы... Музыка душевная, пение. Мне там хорошо было.

«Тебе самая дорога в шоу-бизнес, друг. С распростертыми объятиями примут, как своего!» – согласился Андрей, наблюдая, как ожили и заблестели возведенные горе глаза

собеседника.

– В искусстве себя попробовать не хотите?

– Я некрасивая.

«Что верно, то верно», – подумал Андрей, но сказал:

– Это вы напрасно. Да и умелый грим делает чудеса.

– Я ничего запомнить не могу. Память шибко плохая. Я и молитвы только по книжке читал. «Отче наш» только помню.

– Да, досадно... И какие же ваши планы на будущее?

Тот передернул плечами:

– Не знаю... Может, найду обитель, где таких, как я, принимают. Есть такая, не знаешь?

«Каких – таких?!»

– Нет... Но можно поискать. Свяжетесь со мной через несколько дней? – кивнул Андрей, протягивая бедолаге визитку.

– Деньжат не подкинешь? – понизив голос, попросил тот. – Я без копы. Домой доехать не на что.

«Пора линять, а то на постой проситься начнет», – забеспокоился Андрей, незаметно вынимая из бумажника две сотенных, – в комнату через окошечко регулярно заглядывал дежурный.

– Это... много, – нерешительно промямлил маргинал, жадно глядя на купюры.

– Ничего, берите.

– А хочешь, я тебе еще что-нибудь расскажу? Там, про детство...

– Ну, когда выйдете, позвоните – тогда и поговорим.

– А, – разочаровался тот. – Тогда...

– ...Ну и как впечатления? – оживился майор Загашников, увидев Андрея.

– Да несчастный человек-то. Он же себя вообще никак не ощущает. Впору в приют при монастыре отправлять. Вопрос при каком – при мужском или при женском. Ладно, спасибо за материал. Пришлю на сверку.

– ...Как съездил, богатырь?! – радостно обернулся Борода, когда Андрей прибыл в редакцию. – Чего не весел-то? Загашников обидел?

– Нет, майор просто душка. Но в истории этой смешного, а тем более радостного мало.

– А чегой-то? – продолжал резвиться главред. – Это ж конфетка – мужик в бабьем подряснике в женском монастыре... Мурмелад! Три месяца там балдел, гад, – и никто не догадывался!

– Этот Марина-Максима не догадывается, кто оно на самом деле. Это совсем не радует. Я матушке настоятельнице позвоню, Михал Юрич?

– Звони, сынок! Сегодня съездишь? Машина свободна.

– Вряд ли. Настроения нет. Я лучше мальчика из холодильника доделаю. А к матушке – как получится.

О чем, собственно, расспрашивать игуменью, Андрей пока не придумал, сел за компьютер, чтобы просмотреть еще раз статью о маленьком «затворнике». Материал вышел жалостный, но полемичный – за детьми не смотрите, мамы-папы дорогие!

Видя, что время поджидает, Андрей все-таки набрал номер обители. Сестричка на том конце спросила кого-то, где матушка настоятельница, и через минуту игуменья взяла трубку:

– Ну, вы, как я понимаю, из-за этого случая с... молодым человеком?

Тон у нее был суховатый, она явно была не расположена обсуждать тему.

– В общем да. Это Михал Юрича задание. Но в общем, вы же знаете, я просто пользуюсь любым предлогом, чтобы у вас побывать, оторвать вас от важных дел...

Андрей подпустил в голос улыбку, не слыша возражений, добавил:

– Может, вы мне еще что-то расскажете, ну, менее скандальное. А?

– Ну хорошо, приезжайте. До шести вечера. У нас тут большой молебен с катавасией...
– С чем, с чем?! – против собственной воли прыснул в трубку Андрей.
– С катавасией, – повторила матушка терпеливо, но Андрей понял по голосу, что она тоже улыбается. – Приезжайте, я вам разъясню на месте.

Голубинский монастырь выплыл из-за пригорка как всегда – чуть неожиданно и вдохновенно. Теперь его от дороги отделяло не зеленое поле, а широкая полоса лимонно-желтого цвета.

«Надо спросить, что это такое. Красиво – аж жуть!»

День был теплый, но не очень солнечный, на фоне бледно-голубого неба желтое поле просто сияло.

Пройдя на территорию, Андрей обнаружил некое волнение, не свойственное обыкновенному, непраздничному дню. По двору сновали насельницы, к чему-то явно готовясь и нервничая.

«Это что – и есть катавасия?» – опять ухмыльнулся Андрей, но принял благопристойное выражение лица и прошел в офис.

– Ну что вам сказать о произошедшем, – вздохнула игуменья. – Психически нездоровый человек воспользовался нашим доверием. Был разоблачен совершенно случайно и закономерно выдворен из обители. Если вы с ним говорили, знаете, пожалуй, больше меня.

– Не проклинали вы его?

– Церковь никого никогда не проклинает. Или почти никогда. А у меня вообще нет такого права.

– А как в принципе православие относится к трансвестизму, перемене пола?

– Крайне отрицательно. Как Господь распорядился, так тому и быть.

– Но если человек не может жить таким, каким родился? Не может смириться с данностью?

– У церкви один рецепт: покаяние, пост и молитва, – нравоучительно отчеканила игуменья. – Все остальное – от лукавого.

«Во, не зря ездил – хоть теперь знаю, как лечиться от тоски по Анне», – невесело вывел он для себя.

– Хорошо, спасибо. А что это у вас тут за... катавасия намечается?

Он едва сдержал неуместный смешок. Матушка тоже едва заметно улыбнулась.

«Ага, не совсем от суетно-мирского избавилась!» – обрадовался почему-то Андрей.

– У нас сегодня служит архимандрит Феодосий из Савва-Сторожевского монастыря, что близ Звенигорода. А катавасия – это когда хор нисходит к аналою и поет там. Только и всего.

– А, простите мое невежество, с чем это связано?

– Фермер один местный заказал молебен пред иконой святого Селиверста.

– Того самого?

– Да. Он считается молитвенником от болезней скота, мора.

– А что, в районе эпизоотия? – удивился Андрей. – Михал Юрич мне ничего не говорил.

Матушка чуть замялась:

– Нет, там несколько иное. Извините, Андрей, мне надо идти готовиться. Если хотите, встретимся после службы.

– Присутствовать можно?

– Храм открыт для всех.

Известие о неведомой беде – такой, что даже священника с другого конца области привезли, – сильно не понравилось Андрею. Какое-то затхлое, погребное дуновение...

«Матушка что-то говорила тогда о напастях непонятного происхождения – папа Слай вроде по ним спец. Ладно, все потом», – решил Андрей.

Послушать службу, еще расспросить игуменью, может, этого... архимандрита удастся

разговорить.

Феодосий оказался совсем молодым человеком, высоким, свежим и румяным на лицо, с кудрявой каштановой бородкой. Пел высоким, звонким голосом, резво кадил, позванивая цепочками. Хор дружно и охотно ему подпевал. Потом девушки спустились к отошедшей назад публике, встали перед священником, который, сложив пальцы в некую изящную фигуру, стал ими дирижировать.

Андрею давно было душно и скучно. Непонятные слова, произносившиеся скороговоркой, эти бесконечные «Господи, помилуй!»...

«Бездуховная личность – вот я кто!» – вынес Андрей приговор самому себе и стал краем глаза разглядывать публику.

Он обратил внимание на средних лет плотного человека, стоявшего в первом ряду и усердно крестившегося. Дорогой костюм выглядел на нем неорганично – крестьянский коричневый загар не сочетался с добротной темно-синей тканью.

«Ох, пойду-ка я...» – вздохнув, сдался он.

Снаружи было чудно – чистый воздух, безлюдный двор, покрытый, как плюшем, низенькой густой травкой, засиневшее к вечеру небо, начавшие розоветь облака. Благодать!.. Где-то призывно чирикала еще не севшая на гнездо птичка.

Гулять Андрею пришлось недолго. Из боковых дверей пошел народ. Пропустив выходящих, Андрей вернулся внутрь. Феодосий, согласно кивая, слушал загорелого мужчину в костюме и что-то говорил ему в ответ. Вклиниваться в беседу было неудобно, тем более что игуменьи, которая могла представить его, не было видно.

«Ладно, не горит, – решил Андрей и направился в ворота. – Материал закончить мне информации хватит, а про эту... катавасию... потом узнаю».

– Ну, богатырь, рассказывай, – повернулся к нему Борода, к вечеру, как водится, севший поиграть в шахматы. – Что там матушка?

– Ну, так... Времени у нее на меня особенно не было. Но что надо, я узнал. Ключи возьмите.

– Ага... Что-то ты смурной, я гляжу, а?

– Я просто задумчивый. Новая темка наклеивается... Как вылупится, скажу.

Борода внимательно посмотрел на Андрея, но дальше рыться в его душе не стал, и Андрей его мысленно за это поблагодарил. Он ведь и сам не слишком хорошо понимал, почему его так задело известие о появлении иногороднего пастыря-молельника Феодосия.

Но утром засесть за новую статью не получилось.

– Андрюша, сынок! – бросился к нему главный, едва он появился на этаже.

Глаза у Бороды были красные, отекавшие, он усиленно хлюпал носом.

«Простыл, что ли?» – подумал Андрей.

– Горе-то какое!

Сердце у Андрея рухнуло, как камень с обрыва, ноги мерзко обмякли.

– Пал Никитич преставился! Такой крепенький был, а? Сталь! А преставился!

Борода горестно покрутил головой и высморкался.

– Чего – он так из больницы и не вышел?

– Нет, там и помер. Почти что в одночасье... Некроложек набросай, а? Как ты умеешь, душевно...

Ты ведь с ним общался. Я сейчас биографическую справочку занесу. Напишешь?

– Да это-то как раз не проблема, – задумчиво протянул Андрей, направляясь к себе.

Борода не озадачился его последним замечанием, горестно вздыхая, принялся за свои дела. Андрей направился к своему столу, встретился глазами с Валею, которая что-то набивала. Она тоже была расстроена.

«Проблема в другом... Неужели это... от того чудища? Водяного скакуна? Три раза встретишь – и с катушек. Да нет... Ерунда, чушь собачья. Но он-то в это верил! Самовнушение? Ведь и лет-то чекисту было немало».

– Ты в порядке? – неожиданно спросила Валя, и Андрей вздрогнул.

– Да, а что?

– Да ты какой-то... Бормочешь что-то...

– Я работаю, Валя! – едва разжимая сведенные от злости челюсти, сказал Андрей. – И... можно тебя попросить?

– Да?

– Немного менее пристально за мной следить. Раздражает.

Андрей чувствовал, что сейчас заведется не на шутку. Губы у Вали дрогнули.

– Извините, пожалуйста, господин ведущий автор.

– Ради бога, госпожа ответственный секретарь.

Кажется, они повздорили в первый раз. А чего она его сканирует? Так дыр-дыр, туда-сюда! Он не маленький.

В комнату впал Борода с несколькими листочками в руке.

– Вот, Андрюша, этапы славного пути усопшего. С нарочным доставили. Извини, что в таком виде. У них там документы в факс не идут – хилые. И по соображениям безопасности. Это была бледненькая ксерокопия автобиографии Пал Никитича.

– Разберешь?

– Да не волнуйтесь вы так. Все сейчас будет сделано.

«Ох, вот что надо уточнить – история-то не для печати!»

– А причину смерти указывать надо? И какую?

«Во исполнение старинного народного поверья?...»

Борода грустно покачал всклокоченной головой:

– Напиши: после непродолжительной, тяжелой болезни. О господи...

– Не переживайте, Михал Юрич, миленький, – вступила Валя. – Он хорошую жизнь прожил, длинную, полезную, не серую. Всем бы такую.

– Главное – честную! – воздел палец Борода и уковывал к себе.

Привычно бегая пальцами по клавишам, Андрей набросал прочувствованный, богатый лирическими отступлениями текст о славном жизненном пути Пал Никитича, подчеркнул, что полковник до последнего дня сохранял активную жизненную позицию, и отнес дискету главному.

– Ты, сынок, не обессудь, но я сам от себя кой-чего добавлю. Я ж подольше тебя его знал.

– Я не в претензии.

– Ты не сходишь в магазин? Веночек заказать от редакции, а? – глянул на него Борода поверх очков. – Это тут недалеко.

– Ох, ну я не знаю, – буквально застонал Андрей.

– Я схожу, – кротким голосом сказала Валя, появившаяся в дверях.

– Да, Валь, сходи, – обернулся к ней Андрей. – Я лучше за телефоном пригляжу или еще чего.

«Вроде не сердится... Во не свезло мне по-крупному! – стал размышлять Андрей, вернувшись за компьютер. – Аннушка не звонит, Никитич перекинулся, Терпсихоров не может с волосьями этими бурыми разобраться и материала для следующей статьи не шлет... Да, а где мой друг и подельщик Серега Павлючок? Какие нивы окучивает? Может, хоть он меня развлечет своей неизменной веселостью и изобретательностью, пусть не всегда отвечающей букве закона?»

Решив, что позвонит Павлючку вечером, Андрей слегка успокоился, вернее, перешел из раздраженно-нервного состояния в печально-подавленное. Погода, что ли, меняется? Куража для изготовления обличительного материала про «монашку» не было. Андрей закрыл файл, так ничего к нему и не добавив.

«Матушке разве позвонить? Насчет катавасии с выходом?»

– Михал Юрич, у меня материал не закончен тот, монастырский. Если я созвонюсь – отпустите?

– Отпущу, чего ж нет, – меланхолично ответил Борода. – Попросишь матушку за упокой души помолиться. Спросишь там кого и сколько...

«Уй, опять влип! Ну куда от этого не деться!»

Матушка, нараспев сказала женщина в трубке, была на территории, и, хотя приглашения навестить он не получил, Андрей все-таки поехал в Голубинский. Сидеть в редакции бок о бок с горяющими коллегами было нелегко.

Снаружи на Андрея мягко и неотвратно упало замутившееся до пепельного цвета небо. Солнце виднелось тускло-желтым кругляшиком, но свет от него шел настолько утомительный и неприятный, что Андрею пришлось надеть темные очки. В машине даже на полном ходу было душно – воздух словно обтекал лицо, ничуть его не охлаждая. Собиралась гроза.

«Сначала сделаю все, что похуже, – эту епитимью, или как ее там... Потом монашка-неваляшка, и совсем потом – про катавасию».

Заупокойная служба оказалась не слишком дорогой и называлась красивым словом «сорокоуст». Андрей, чувствуя, что, по сути, подловатенько откупается за свое отвращение к похоронным делам, заплатил за все отпевания и молебны и даже получил кассовый чек.

Матушка, пока он делал свои дела, ловко перебирала клавиши на клавиатуре и щелкала мышкой, – кажется, отправляла электронные сообщения.

«Интересно, а Господу Богу можно написать? Православные за кощунство сочтут, а католики продвинутые, поди, что-нибудь такое уже придумали. Сайт завели специальный».

– Матушка, можете мне минуту уделить? – тихо спросил Андрей, пересаживаясь от стола, где сидела бухгалтерша, отличавшаяся от любой другой монашки только белым платочком на голове.

– Могу, если только не о...

– Нет, я б если и спросил, то как вы собираетесь в дальнейшем оградить себя от подобных казусов. Материал мне закончить надо. А?

– Не знаю, – сухо ответила игуменья, слегка передернув плечами. – Запрошу Синод. Пусть вырабатывают дополнительные правила. Осмотр врача, справку из женской консультации...

– Хорошо... А что за служба у вас тогда была? Очень меня впечатлила.

Андрей был искренен, и игуменья это уловила.

– Да... Отец Феодосий оказался очень интересным человеком.

Матушка чуть расслабилась и наконец поглядела ему в глаза.

– Службу заказал местный предприниматель, точнее – фермер. Это как бы наш профиль – изгнание нечисти.

«Ой-ой-ой!»

Внутри у Андрея что-то болезненно сжалось – так внезапно и сильно, что защемило диафрагму. Андрей прикусил губу, но, к счастью, матушка закрывала файл на компьютере и этого не заметила.

– У него, этого фермера... Только, пожалуйста, Андрей, если будете писать об этом, как-то поделикатнее, чтоб не нагнетать страсти... Так вот, у него начал пропадать скот...

– Пропадать скот? – изумился Андрей.

– Да, овечек кто-то стал таскать среди бела дня, прямо с пастбища... И крупный скот пострадал.

Пару племенных коров пришлось зарезать, потому что у них были такие глубокие раны... Будто волк или медведь подрал. Лечить было дороже, хотя и животные сами по себе дорогие, иностранные.

– И это было соотнесено с... теми преданиями?

Ломящая боль в подвздошье чуть отпустила, но убираться вовсе не желала.

– Ну, люди-то помнят об этом, – пожала плечами игуменья, прибираясь на вполне аккуратном столе. – Скорее всего, это воровство или злостное хулиганство, чисто человеческий грех. Но коль скоро был запрос от нашего постоянного жертвователя, мы

пригласили отца Феодосия, и он отслужил пред иконой святого Селиверста.

– И каковы результаты?

– Пока не знаю. Но отец Феодосий рассказал, что подобные случаи имели место во Франции, прямо посреди города Парижа.

– Ну да?! И когда же?

Монахиня чуть улыбнулась.

– Во времена, описанные Александром Дюма в «Королеве Марго». Да... Некий священник, отец Марсель, впоследствии канонизированный как святой, также молитвой изгнал некое речное чудовище, которое нападало на купальщиков и рыбаков или вылезало из Сены и утаскивало мелкий скот, собак.

– Ух ты... Значит, есть определенная тенденция? Не просто так это все?

Матушка сложила пухлые руки перед собой и пожала плечами:

– Ничего просто так не бывает. Посмотрим, дошла ли наша молитва.

– А еще есть способы борьбы с такой напастью?

– Есть, как не быть. Если уж очень нечистые свирепствуют, то на время снимается со звонницы церковный колокол – тот, который побольше, и в него звонят над водой.

– Над водой?

– Да, эти богопротивные твари, как видно, чаще в водоемах обитают или где-то поблизости.

«Интересно, – хмыкнул Андрей, – этот фермер, он тоже у речки живет?»

Они чуть помолчали. Андрей почувствовал, что пора собираться, и выключил диктофон.

– Да, и еще раз прошу вас, Андрей, как друга нашей обители – осторожнее с выводами. Не надо понапрасну пугать людей.

– Да я вообще не уверен, что буду об этом писать.

Игуменья поджала губы.

– Что, я здесь с вами зря время теряю?

– Ни в коем случае, матушка, помилуйте! Эти сведения неоценимы для наших общих ученых друзей. Они будут в восторге. Ну, по-своему, по-научному.

«Ага, еще и в Париж свалят – в Сену датчики метать. Вот весело парижанам-то будет!»

Напряжение почти отпустило. Андрей незаметно глубоко вдохнул.

– Адрес и телефон заказчика пожалуйста? Заодно узнаю, дошла ли молитва. И на вас мне ссылаться не придется – даже если я напишу об этом. Вы как бы выпадаете из повествования.

– Ну, если только так, – согласилась матушка и выдала два стикера с телефонами.

«Во, не зря съездил! – думал Андрей, мчась по почти пустому шоссе в город. – Зверюга-то опять шалит, а?! Не я ли ее тогда выпугнул, весной, и во второй раз, когда она в получеловечьем облике по кустам шастала?»

Андрей нехотая вспомнил про Пал Никитича и опять огорчился.

«Это же он, он! Водяной-леший хорошего дядьку загубил! Полковник еще пяток лет свободно прожить бы мог... Да, надо ехать к этому фермеру, расспросить как следует, что там за лихоманка. Поймаю лешака – своими руками убью гада!»

За героическими мыслями Андрей не заметил, как со спины на него, на поля и на город, уже обозначившийся вдали, напозла сизая, как синяк под глазом, туча. Пахнуло сырым холодом, по крыше машины, словно пули, зацелкали первые капли.

– Как съездил? – вяло спросил главред, обернувшись на его шаги.

– Нормально. Вот только... Нельзя ли сделать так, чтобы я не присутствовал непосредственно на...

«Господи, как же не люблю даже слова эти!»

– А чего? – удивился Борода. – Он к тебе очень хорошо относился. Даже звонил мне, спрашивал: кто таков? Толковый парень, говорит, старательный, вежливый...

– Во-первых, я в натуре не терплю таких мероприятий. Во-вторых, я хочу помнить Пал

Никитича живым и здоровым, с блеском в глазах... В-третьих, его жена мне в волосы вцепится, весь торжественный настрой мероприятия поломает. Она может посчитать, что я... как бы сказать... виноват. Если он рассказывал ей о наших приключениях с этим «конем»...

И тут Андрей выложил главному, который на время очнулся от своей скорби, и про то, как полковничиха не хотела пускать мужа на озеро, и про того странного мужика, чуть не попавшего под колеса их машины. Пришлось упомянуть и сегодняшний разговор с матушкой о несчастных подранных овечках-коровках.

– Значит, говоришь, Никитич верил в водяного коня – ну, что через него загнуться можно? И опять эта погань откуда-то возникла? – уточнил главный, предварительно озадаченно помолчав.

По окнам редакции стекали последние струи догнавшего Андрея грозового ливня. Над городом в просветах серых туч появились бочажки по-вечернему лазурно-эмалевого неба.

– Вы прикиньте, шеф, каждые тридцать пять лет эта нечисть на охоту выходит, а? Никитич говорил – органы хотели эти безобразия на происки врагов народа списать, да не получилось. Тридцать седьмой годок, приснопамятный, а?...

Борода слушал его, чуть приоткрыв рот.

– Вы в каком году освещали тот процесс?

– В семьдесят втором... Весной было, а потом засуха разразилась, три месяца дождей не было... Торфяники в Шатуре горели – об этом я тоже писал.

– А сейчас у нас который годик на дворе – прикидываете?

– Ох, слушай, да ты ж просто гений!

– Ну, гений не гений... Но!.. – Андрей воздел к небу палец. – Получается, вроде как одно поколение проходит, и все начинается снова. Как иначе это трактовать прикажете?

Они немного помолчали.

– Я окошки открою? – спросил Андрей у боявшегося сквозняков Бороды.

– Открой, сынок, открой... А то мне прям жарко от твоих – как бы это выразиться? – логических построений.

– Я только факты сопоставил, Михал Юрич. Повторяется та же история, которую вы когда-то освещали.

– Так мы же, э-э, упыря того, хм, чисто отловили и шлепнули. Согласно приговору советского суда.

– Того-то шлепнули! И того, что до войны, тоже шлепнули. Но ведь какое животное одно жить не может. Популяция хоть какая-то минимальная должна быть. Племя!

– Да, но он тогда на людей, на женщин особенно, нападал. А?

– Все впереди, Михал Юрич, все впереди... Сейчас как узнаешь? Документов нет. Может, тогда тоже все с овечек у речек начиналось. Только никто этих событий не сопоставил. А закончилось женщинами.

– Ну, ты меня совсем пугаешь.

Главред звучно хлопнул себя по ляжкам, встал и принялся ходить по комнатке.

– Вопрос, как предупредить население, – продолжил Андрей.

– Никак. Либо не поверят, либо дел наделаем, смятение в умах поселим. Матушка тебе правильно говорила. Может, обойдется, а? Молитвой его, татя болотного, доконают? Святой Селиверст заступится за нас, грешных?

– Бум надеяться.

– Бум-бум.

Андрей тоже встал. За окнами было сумеречно, но дождь почти прекратился. Слышался стук последних, редких капель по жестяному подоконнику.

– Но я к этому фермеру съезжу?

– Съезди, почему нет. Сколько у тебя статей на эту тему?

– Эта четвертая будет. А почему вы спрашиваете?

– А мне сегодня бумага пришла – предлагают участвовать в конкурсе публикаций по экологической тематике. Вот я и думаю тебя выдвинуть. Не возражаешь?

– Да нет, выдвигайте.

«Вернуться в Москву лауреатом – то, что нужно!» – прикинул Андрей.

Вышел из здания на прохладный, обдавший его долгожданной свежестью воздух, вдруг подумал: «А я хочу возвращаться в Москву? Я лично, не как молодой журналист с амбициями, а как таковой? И как же Анна? Уехать без нее? С ней? А она захочет? Да, Анна, Анна... Присушила, заколдовала русалочьим смехом, невинным взглядом голубых глаз... Не звонила ему сегодня домой? Нет, рано, только полвосьмого вечера...»

Договориться с фермером было трудно. Он почему-то решил, что Андрей непременно выставит его в невыгодном свете, долго отнекивался, бормотал про свою деловую репутацию. Пришлось пустить в ход последний довод – или он сам даст правильную информацию, или другие дадут неправильную. Довод подействовал, тем более что Андрей обещал не указывать место, имя обозначить инициалами и сказал, что статья будет чисто экологической направленности.

– Только, парень, ненадолго. И во второй половине дня. Утром я сильно занят. Хозяйство!

«А на раннее утро я Костика и не раскатаю».

Несмотря на давно и клятвенно данное обещание, отец-герой в редакции отнюдь не дневал-ночевал, работая только по жестокому принуждению главного, отключал мобильный и не подходил к домашнему телефону. А если глав-вред или Валя звонили ему домой, недовольный голос Костика перекрывал мощный дуэт его сыновей.

– А что делать? – вздохнул Борода, положив трубку. – В армии тоже кому-то служить надо. Вот ты, например, злостно отлыниваешь от выполнения естественного долга перед Родиной. Костыка за тебя, считай, расстарался.

– Но он подойдет сегодня? – все-таки уточнил Андрей, пропустив мимо ушей обидное замечание главного.

– Подойдет, – не слишком уверенно ответил Борода и поплелся к себе.

В комнатке, где стряпали очередной номер главный с новым верстальщиком Борей, в уголке стоял большой венок из искусственных цветов с черной лентой. Увидев его утром, Андрей внутренне содрогнулся и твердо решил, что во что бы то ни стало найдет предлог сбежать из редакции. Даже если придется идти «по письму читателя» – слушать жалобы какой-нибудь старушки на маленькую пенсию и бездушные взрослых детей.

На этой нервной волне Андрей быстро доправил статью о монашке-перевертыше, посетовал, что негодяй воспользовался добротой попечителей монастыря, и выразил надежду, что светские власти дадут должную правовую оценку деяниям этого прощелыги. Дабы не марать гнусным соседством, Андрей стер из материала светлое имя матушки настоятельницы и отнес дискету Бороде.

В угол, где стоял венок на проволочных ножках, старался не смотреть.

«Позвоню-ка Сереге... Где-то мой духовный наследник обретается?»

Павлючок ответил почти сразу:

– Ой, дядя Андрей! А я думал, вы уж обо мне и не вспомните.

– Это ты про меня забыл. Материала не приносишь, не звонишь, спецкор хренов...

Павлючок на том конце провода фыркнул.

– Подвалишь к остановке, поговорим?

– Ладно, сейчас буду.

Ждать Павлючка пришлось недолго.

– Ну ты и растешь! Месяц тебя не видел, а ты уж...

Андрей рассказал, что едет ловить некоего таинственного злоумышленника, который ворует овец и кусает за бока породистых коров.

– У меня впечатление, что это как-то связано с нашими приключениями на озере. Не хочешь со мной?

– Ой, вот жалко! – досадливо и совсем по-детски сморщился Серега. – Я мамке обещал

с малым посидеть...

– А что, – не понял Андрей, – у тебя братишка есть?

– Да, – нехотя проскрипел Павлючок. – Мамка нашла какого-то придурка, родила вот только... Но я его люблю, парень все-таки, воспитываю... Смешной такой, ногами шебаршит.

«Вот-вот! Все размножаются! Все! Даже Павлючки всякие! А я-то что?!»

– А... отец его не помогает?

– Да нет, – безнадежно махнул рукой Серега. – Как мой – только узнал, слинял. Мамка всегда себе таких находила. Я теперь за кормильца.

– Ох, Серега!..

Нехорошая догадка обдала Андрея холодным душем. Павлючок это понял.

– Серега, а как наш уговор?

– Да вы не думайте, дядь Андрей. Я у своих, у стареньких и бедных, не тырю. А у кого тырю – так те даже не замечают!.. Я у одного крутого борсетку шопнул из машины, кэш забрал, а все остальное отдал через день, вроде как нашел брошенное. Так он так рад был, что я ему кредитки с башлями и мобилу с нужными номерами вернул, что мне еще и добавил! Тех денег нам втроем почти на месяц хватило. Коляску классную братану купил!

Он улыбался, явно ожидая одобрения.

– Ох, Серега, Серега...

Они шли рядом по тихой улице старого города вдоль трамвайных путей. Андрею захотелось приласкать не ко времени повзрослевшего воришку. Он на ходу прижал его коротко стриженную голову к себе, слегка потянул за ухо – символически надрал уши за воровство.

– Если попадешься – хоть позвони.

– Отмажете, да? – Павлючок хитро взглянул на него.

– Один раз выручу. Но не больше.

– Да я не попадусь. У нас совсем малые и глупые и те не попадают. У нас район такой. Пацаны такое тут выдумали!..

– Ну-ну? – подозревая, что услышит нечто совсем поганое, насторожился Андрей.

– Ага... У одного нашего пацаненка папаша хотел «поправиться», а тетя в киоске в долг не поверила, сказала: уже месяц не отдаешь. А у него-то трубы горят, злой, как Бобик! Так он вернулся домой, слезил в подпол, изловил крысу...

– Крысу?!

– Ага, голыми руками! – завизжал от восторга Павлючок. – Принес в киоск и ка-а-ак кинет в тетку! Она в крик, под прилавок забилась, крысяк тот шнырь-шнырь, а мужик похватал с прилавка, что было, и деру!

– И что – не поймали его? – выпятил губу Андрей, сомневаясь.

– Как не поймать – она ж его как облупленного знает. Административку на него менты выправили, штраф. Но он же взрослый, не пацан... А пацанята – те быстро скумекали что и как, стали с мышкой на дело ходить.

Андрей почему-то представил себе компьютерную мышку и озадачился.

– Ага! – залился Павлючок. – Живоловку специальную купили – чтоб мышка живая была, не битая.

– Ох, Серега, у меня от тебя голова циркулем.

– Вы слушайте... Они выберут киоск или палатку, подальше от дома и где товар получше, подойдут и эту мышку на прилавок выпустят. Мышка бегаёт, тетя в транс, визжит, а они хапнут что получше, и ноги в руки. Здорово, да?

– Здорово-то здорово, а как потом той тете за товар расплачиваться? Она ж тоже не от хорошей жизни на улице торгует.

– Я не знаю, – признался Павлючок. – Накрутит, поди, на другой товар... Я сам этим не занимаюсь, честно.

Они прошли ещё немного молча.

- Мне идти надо, дядь Андрей. А то братан проснется.
- Да, конечно, ступай. Старайся, ладно? Быть хорошим.
- Я стараюсь.

Андрею показалось, что парнишка искренен. Или почти искренен. Или хочет думать, что старается быть хорошим...

- Ну и как там твой приятель? – спросила Валя, когда Андрей вернулся в редакцию.
- Робингудствует. Тырит только у богатых. Четко. Костик не отменялся?
- Вроде нет. Позвони спроси.
- Если я позвоню, он точно выклянчит у меня отпущение грехов. И статья если состоится, то с фотографиями из архивов Бороды.
- Ты прав, – потрясла кудряшками Валя и взялась за трубку. – Ты завтра утром как?
- А что?
- Мы ж с Михал Юричем на похоронах.
- «Ух, надо ж настроение мне испортить! Ведь почти в порядке было!»
- Я посижу напишу. Все будет о'кей.

Костик, недовольный, с мятой физиономией и в несвежей рубашке, ввалился в помещение в три дня, заранее нудя, что у него всего два часа времени.

- До следующего кормления? – осведомился Андрей, вскидывая на плечо сумку.
- Да что ты понимаешь! – завелся фотокор.
- То, что мы едем на задание. Двигай!..

Андрей хотел уточнить, чем Костику следует двигать, но, поскольку в редакции был траур, прикусил язык.

Ехали довольно долго, скатываясь с шоссе на двухполоску, с нее – на сельский проселок. Фермерское хозяйство дало о себе знать огороженными проволокой изумрудно-зелеными выпасами, откуда на редкую здесь машину с любопытством поглядывали мордастые буренки и наряженные в одинаковые синие ветровки пастухи.

– По фирме работает мужик. Порядок, как в Голландии, – заметил Костик, вытаскивая камеру. – Притормози, друг, я панорамку сниму. Борода такие виды обожает.

Андрей, тихо в душе радуясь, что драгоценный коллега не ворчит, остановился. Костик сделал «крупешник» – портрет слюнявой бело-рыжей коровы, будто специально подошедшей к ограде, чтобы попозировать.

- А вы кто будете, господа?

К ним мелкими перебежками скакал пастух, мужичонка лет сорока, со следами бывшего алкоголизма на лице.

– К хозяину вашему едем, – улыбнулся Костик и щелкнул – как пристрелил – еще и пастуха.

- К Степанову, что ли?
- А у вас что – другие есть? – невежливо бросил через плечо Костик, обходя машину. Отъезжая, Андрей заметил, что синий вынул мобильный телефон и куда-то позвонил.
- Ага, нас засекли.
- Не беда, – ответил Костик, – мы ж легально едем. Или нет?
- Легально. А тут даже система оповещения налажена.
- Хм, так, поди, эти коровы как нормальная тачка стоят. Есть за что бороться. К ним, представляешь, даже быков местных не подпускают, – хихикнул Костик. – Говняются... Не тот коленкор!

- А ты откуда знаешь?
- Да теща моя драгоценная здесь бухгалтером работает. Рассказывала.
- А как же насчет прибавления семейства? В смысле поголовья?
- Эмбрионы покупают за границей. ПороDISTые. Приезжает иностранный специалист с термосом и пипеточкой... и того. Кап – и готово.

– Фу, жуть какая, – искренне осудил извращенную, пусть и современную практику Андрей. – Не наш метод, а, Костик?

– Не, не наш! – радостно подтвердил фотокор. – Мы не будем перекладывать важнейшую задачу на плечи хилого Запада!

– Не будем, нет!

Так, от души смеясь, они добрались до подворья Степанова. Дом в усадьбе был хоть и хорошим, двухэтажным, но не сверхшикарным.

– Да, трудом богатства не наживешь, – закричал Костик, вылезая из автомобиля.

– Ты не расслабляйся – может, наживешь.

– ...А мне уже доложили, – хитро усмехнулся Степанов, пожимая им руки.

– Да мы знаем, – тоже чуть прищуриваясь, ответил Андрей. – Четко ваши бдят.

– И что вы от меня хотите узнать?

– Что вы нам расскажете об этих эпизодах с потравой, или как это называется. Это для нас. И хотите, сделаем для вас – в благодарность – фоторепортаж для какого-нибудь серьезного специализированного журнала. С картинками. Тут у вас так красиво...

– Красиво-то красиво, а только пришлось срочно электропастушки устанавливать, штат добирать после всех этих передраг. А с хорошими кадрами здесь напряг. Пьют!..

Степанов огорченно покрутил большой лопухой головой.

«Устроюсь пастухом – в крайнем случае, – решил Андрей. – Мало ли что... Русалок пасти буду – красота!»

– Поедемте, я вам то место покажу.

Кажется, Степанову сейчас было даже приятно поделиться с кем-то своими бедами. Они сели во всепогодную внедорожную «Ниву», и Степанов повез их прямо по траве, через редкий кустарник, уж вовсе без дороги. Ехали недолго – минут десять.

– Во-о-от, – с явным осуждением произнес Степанов, поджидая, когда Андрей с Костином выберутся из машины.

«Ох, что-то я сейчас увижу?»

Они подошли к фермеру, стоявшему к ним спиной и озиравшему окрестности. Андрей сделал еще несколько шагов и оказался на гребне довольно высокого холма. Дальше следовал длинный пологий склон, а в низинке, в бахроме из камышей, поблескивала речка, неширокая и темноводная.

– Вот туточки, на берегу, мои бяшки и паслись. Один раз их кто-то распугал – едва собрали, другой раз потом вообще подрали... Смотреть страшно было... Как будто со злости рвали.

– Может, волки? Весна, они в стаи сбиваются.

– Волков здесь давно нет, это ближе к Рязани. А в стаи они сбиваются к зиме. Сейчас по парам разбились, волчат пестуют, – нравоучительно произнес Степанов.

«Сговорились они все, что ли? Об одном и том же!» – внутренне возмутился Андрей и спросил:

– А вам кто-нибудь угрожал – недоброжелатели, завистники?

– Да и это было, но не сейчас – когда только на ноги становился. Но тогда дом грозили спалить... Нет, это не похоже. Овечки-то, коровки чем виноваты? Ну, угнали бы... Нет, не думаю.

– А на других... в других местах такое случалось?

– Здесь и чуть поодаль. Там коровушки мои паслись – так с ними такое учудили! Шкуру с боков клочьями посдирали, пришлось срочно резать, чтоб не мучились.

Степанов снова покрутил головой, чрезвычайно огорченно.

«Переживает», – мысленно вздохнул Андрей.

Коров, таких больших, глазастых и важных, ему тоже было жалко.

– Не верю я, что местные. Пусть самые алкаши, а не стали бы со скотиной такое делать! – продолжил фермер. – Коровка – она ж спокон веку на Руси кормилицей называлась. Если у семьи корова есть – точно семья голодать не будет. Поэтому я и молебен в монастыре заказал. Нечисть тут какая-то завелась, точно!

– ...А как эта речка называется? – спросил Андрей, когда выговорившийся и оттаявший

Степанов угощал их с Костиком домашней наливочкой и крепкими, хоть и прошлогодними огурчиками в пупырышках.

– Речка-то? Осетр.

– Осетр? А что так? – удивился Андрей.

– В старину в ней, говорят, настоящие осетры водились, пудовые. Вода там чистая да холодная и посейчас, а тогда такие рыбины вырастали, говорят, – у-у! Могли телка утащить при случае.

– Это интересно.

– Что, интересно? – насторожился Степанов.

– Про осетров. Для ученых. Они весной приезжали, на Озерки.

– А, так это ты про коня водяного писал? – впервые за день просветлел фермер.

– Я, Иван Степаныч, – улыбнулся Андрей. – А что – помогла вам та монастырская служба? Не повторялось это с вашими животными?

– Да вроде как помогла. Тихо. Пока не шалят. Я еще мужичка нанял, непьющего, пожилого – у него бессонница. Он за полтинник два раза за ночь по берегу проходит, колотушкой нечистых пугает.

– Так все-таки вы не исключаете, что имело место вмешательство потусторонних сил? – решил уточнить Костик, до этого молча уписывавший домашнюю буженину.

– Когда, парень, за одну неделю на пять тыщ евро наказывают, ничего не исключишь. Тут кому хочешь в ножки поклонись!.. Следов никаких не нашли, милиционеры руками развели и уехали. Так что... Мы все такие – как тревога, так и до Бога.

«Хорошие слова».

Когда Андрей с Костиком засобирались в обратный путь, Степанов, склоня голову к плечу, все-таки спросил:

– Что ж вы такое писать-то про меня будете, я все в разгон не возьму?

– Правду напишем – что у вас прекрасное, современное, экологически чистое хозяйство. Михал Юрич сам решит, как это подать.

– А про водяного?

– Ну, это мы ученым сообщим в частном порядке. Пока материала не набирается на публикацию. Сами говорите – ничего в точности неизвестно. Ни следов, ни свидетельств очевидцев. Зачем людей страшать?

– Вот, Андрюх, если б меня в этот журнал пропечатать, а? Ты же сам предлагал.

Степанов, вдруг затрепетав, сунул Андрею в руки глянцевого журнала. На обложке был логотип Евросоюза и название по-английски «Молочная ферма».

– А? Не получится? Я заплачу, ты не беспокойся.

– Мне-то вы ничего не должны. Если выстроится хороший материал – отправим в этот журнал. Дадите на время? Там адрес редакции и все такое.

– Бери, бери!.. Я отблагодарю!

– ...Ты чего – в самом деле напишешь в этот журнал? – недоверчиво выпятил губу Костик, когда они шли к выходу.

Сам хозяин уже спешно отбыл на ферму – бдить вечернюю дойку.

– Да отчего ж нет?... Ты не забудь...

И тут Андрей увидел то, чего ему видеть совсем не хотелось.

У въезда на усадьбу затормозила машина, новенький красный «судзуки». Из нее вышла, чуть воровато оглядываясь... Тамара Зуева.

«И на какие же шуршики ты, чернявая, иномарку купила? На свои гонорары? По рублевой штуке за полосу в «Подмосковной мимозе?»»

– Что-то поздно ты, Зуева, – произнес Андрей, заводя машину. – Все уже разошлись.

Тамара, резко мотнув черными кудряшками, обернулась в их сторону. Андрей, не прикрывая дверцы, вырулил с участка и остановился напротив «судзуки». Тут она его узнала. Черные глаза вспыхнули злыми огоньками, накрашенные ярко-красным губы поджались.

- Если ты насчет своих родичей из преисподней, материал мы весь взяли.
- Я найду еще, – прошипела она явно только для того, чтобы хоть что-то ответить.
- Как знаешь, милая. Удачи.

Андрей захлопнул дверцу и с места стартовал так, что взвизгнул мотор, а в Тамару из-под колес полетели камешки.

– Чего ты? – удивился Костик, оглядываясь в заднее стекло на удалявшуюся усадьбу. – У вас с ней вроде бы на мази было.

– Ничего у нас с ней не было! – огрызнулся Андрей.

«Ух, если до конца дня я не оторву кому-нибудь башку, этому кому-то, считай, крупно повезло! – подумал Андрей. – А чего она здесь, интересно, ищет? По ее темам здесь ничего нет. Прознала о возвращении блудного водяного коня и приехала на разведку? Не могла же она не читать моих статей... И какие сделала выводы? Хочет и его приспособить под свои цели?»

– А машинка у нее ничего, – заметил Костик, просматривая на фотоаппарате снимки.

– Не с гонораров, уж точно, – процедил Андрей, и до города они больше не разговаривали.

Он оставил машину у редакции и ушел домой – ждать звонка от Анны О.

«Интересно, а как складываются отношения между этими водяными-лешими и русалками? Как у нимф и сатиров? Эти уроды преследуют пугливых, длинновласых красавиц, а те отдаются только прекрасным богам-олимпийцам? Это утешает».

Предаваясь далекоидущим фантазиям, Андрей гипнотизировал телефон, который, как ему казалось, должен был сегодня обязательно связать его с Анной.

«А где у меня карта района?»

Андрей принялся искать в бумажных завалах свернутую карту.

И тут старомодно, без полифонических наворотов, задребезжал пожилой дисковый аппарат. Почти ни на что не надеясь, Андрей поднял трубку. И услышал через треск и шуршание нежный голосок:

– Андрюша, привет, это я... Ты меня слышишь?

– Слышу, слышу!.. Ты как? Все у тебя в порядке? – едва удерживаясь от ликующего клика, отозвался Андрей.

– У меня все замечательно. А ты как?

– Я безумно хочу тебя видеть. Ты это знаешь, – почти застонал Андрей в трубку. – Когда ты приедешь?

– Очень скоро – ты же тоже знаешь...

Они, словно их могли внезапно прервать, обменивались торопливыми фразами, из которых следовало, что Анна работает с детишками, много гуляет, почти успокоилась и стала забывать про... ну, понятно...

Андрей больше слушал – и потому, что ему было приятно слышать переливчатое журчание ее голоса, и потому, что о своих новостях сообщать Анне ему совсем не хотелось. Он только вскользь упомянул о визите в монастырь и обещал кланяться матушке, когда увидит ее снова.

– Ну ладно, Андрюша, заканчиваем. Тут еще желающие есть поговорить. Купаться сейчас пойду.

– Так поздно? Это не опасно?

– Да нет, – засмеялась Анна. – Светло же!.. Чуть позднее, когда солнце сядет, комарье полетит, тогда очень опасно станет. Сейчас в самый раз.

– Ты осторожнее.

– Я не одна, с девчонками. Я хорошо плаваю. Да и речка здесь совсем мелкая – для малышни подбирали.

Когда на другом конце линии вьедливо запетюкало, Андрей, не кладя трубки, еще посидел у аппарата, осознавая, как он устал за этот долгий день. Он хотел еще что-то

сделать?... А, ладно... Самое лучшее, что могло произойти, произошло. Он поговорил с Анной, она о нем помнит, она хочет его видеть и скоро-скоро, через совсем чуть-чуть, они будут вместе.

Всю ночь Андрею опять снилась беготня в сумерках, босиком по теплой, влажной от росы траве. Отовсюду из зарослей слышались томные возгласы и кокетливое, завлекающее хихиканье. Догнать изнывающих от чувственного томления нимф мешала цивильная одежда. Он пытался содрать ее с себя, а гнусные тряпки липли к вспотевшему телу, как пропитанный драконьим ядом хитон Геракла... Они жгли и жгли его невыносимым жаром...

Утром Андрей обнаружил, что за ночь скрутил простыню в тоненькую бечевку, расправить которую сейчас просто не было времени. Он выкинул ее в бельевую корзину и попытался привести себя в порядок – глазки у него, хоть и горели хищным огнем, были подчеркнуты синевой.

Андрей отправился в редакцию, страстно желая только одного – не пересечься с коллегами, отъезжающими на похороны Пал Никитича.

«Ага, я ж хотел еще про русалок в Интернете разузнать... Какая-то у водяных людей предыстория имеется? Вон и в Париже зверье речное водилось... Может, в западной истории русалки тоже след оставили?»

...Оказалось, не без этого. Но ундины, попадавшие в руки людей, больше морские или океанические, были как на подбор редкостно уродливы. Темнолицые, с вывороченными ноздрями, со змеиными, а не рыбьими хвостами. Были среди них и особи мужского полу, о чем свидетельствовали тщательно сделанные очевидцами рисунки. Русалки, даже если с ними хорошо обращались и пытались кормить, в неволе очень тосковали, в вербальный контакт с людьми не вступали и жили не более двух-трех дней. Если из гуманных соображений их отпускали назад в море, они исчезали в водах с невиданной резвостью.

Еще раз с неприязнью поглядев на гравюру зарубежной морской чуди, Андрей закрыл страничку.

«Не, наши русские хвостуны куда красивше!» – с удовольствием подумал он, потягиваясь.

Но это оказалось далеко не все. Продолжение нашлось в отечественной части Всемирной паутины. Еще за пару лет до того, как Андрей волей-неволей стал русалковедом-любителем, некие энтузиасты-профи исследовали озера Русского Севера, вроде Ладожского, обнаружили там следы обитания неучтенных наукой человеческих существ... И сплошь, заметьте, девиц! Они-то, наши, как раз были бесхвостые – как обычные женщины, очень привлекательные, охотно вступали в близкий контакт с людьми. Подобно легендарным обитательницам Озерков, были падки на молодых человеческих особей противоположного пола, завлекали и утаскивали их в пучины с невиданной для женщин силой. Правда, ничего конкретного о знакомстве с наядами никто из «контактеров» сказать не мог. Приманили, затащили, я вырвался, убежал... вот... А теперь хожу и всем рассказываю!

«Как же, убежал ты!.. Греховодил с красотками, паршивец?» – ухмыльнулся Андрей, пользуясь тем, что его не бдит недреманное око ответственного секретаря редакции.

Значит, русалки существуют, и Анна, – если и не чистокровная русалка, поскольку все-таки владеет членораздельной речью, потомок этого древнего рода. А кто тогда водяной конь, особенно когда бродит в гуманоидном обличье? Тот, из океанических уродцев, носом наизнанку?

– Сынок, – услышал Андрей над ухом тонкий, дребезжащий голос и вздрогнул от неожиданности.

На пороге комнаты стояла щупленькая старушка в белом платочке, с тряпочной сумочкой в руке.

– Да? – ответил он, чуть прокашлявшись.

– А кто тут у вас в газете главный? – настроясь, видимо, на привычное невнимание,

чуть скорбно осведомилась бабуля.

– На данный момент я, – возможно приветливее ответил Андрей, вставая.

Бабуля отъехала далеко вниз.

– Присядете?

Он подвинул посетительнице стул, вспомняв попутно собственное обещание отправиться хоть по пенсионерскому письму, лишь бы не идти на ритуальное действо.

«Вот материал сам и пожаловал».

Старушка присела на краешек стула.

– А постарше у вас никого не имеется?

– С населением только молодые работают, – терпеливо и мягко объяснил Андрей. – Беготни много. Да вы рассказывайте, чем можем – поможем.

Бабуля недовольно поерзала, глядя на диктофон, и стала рассказывать. Это было совсем не то, чего ожидал Андрей, – никаких жалоб, по крайней мере, на детей и пенсии.

...По их окраине, куда не достало строительное цунами, – называлось это место Ямки – стали ходить какие-то люди, хорошо одетые, вежливые, разузнавая, не сохранилось ли у кого-то старых, довоенных еще, зингеровских швейных машинок, желательно с ножной педалью. Объясняли они свой экзотический интерес желанием пополнить зарубежные музеи и частные технические коллекции. Машинки такие у населения случались – и даже работали. Но вот расставаться с ними никто не хотел. Не помогло искателям антиквариата обещание или заплатить, или оперативно заменить старые швейные машинки на самые современные, компьютеризированные образцы. Этому упрямству были свои, веские резоны. Изношенные, советские еще, ямкинские электролинии не давали новомодной технике достаточного напряжения. Пробки в частных домах часто вылетали, а еще местные жители, крутя ручки или нажимая на педали, экономили на электричестве. Кроме того – и самое главное, – обрусевшие эмигрантки пахали так же истово, как и семьдесят лет назад, одинаково резво прошивая и плотную джинсу, и невесомый батист. Безо всяких там компьютеров, заметьте.

– ...А на чердаках, в чуланах ничего не найдется, спрашивают. Нам в каком хочешь состоянии сгодится, – повествовала Марья Федоровна, чуть трясая головой. – Лишь бы «Зингер», и старинный.

Те ямковцы, которые были не против расстаться с рухлядью, решили на время затаиться, выждать, когда поднимутся цены. Гости плюнули, сказали, что здешние обитатели поголовно придурки и деревенщина, не понимающие своего счастья. Засим повернулись и ушли.

– Вот-вот!

Гостя сделала сухонькой ручкой какой-то клюющий жест, явно свидетельствовавший, что это обстоятельство оскорбило жителей Ямок более всего.

Уйдя на первый раз ни с чем, любители старины не смирились с неудачей... Через пару дней кто-то, в отсутствие хозяев, залез к соседям Марьи Федоровны, имевшим такую машинку, и раскурочил несчастную ветеранку. Варвары, – видно, в отместку несговорчивым хозяевам, – несколько раз прошлись по корпусу механической фрау чем-то вроде рашпиля. Еще злоумышленники сняли приводное колесо, бросив несчастную погибать от ран, несовместимых с ее швейномашинной жизнью. В другом доме воры разворошили пентхаус, заваленный старой мебелью, нашли такую же «Зину» и изнасиловали бедняжку столь же извращенным образом. У самой Марьи Федоровны, высмотрев, что она пошла получать на почту пенсию, выбили дверь, поскинули с машинки предметы декора, но, ничего не испортив, ретировались.

– ...Милиция разбираться не хочет, заявлений не берут, говорят, рухляди вашей ноль без палочки цена, надо было соглашаться, когда хороший вариант предлагали.

– И вы решили прийти в газету, – безнадежно констатировал Андрей, мучительно соображая, что делать с этой информацией, пусть и забавной.

– А пропечатайте про это безобразие! – запальчиво воскликнула старушка.

«А, и только-то?!» – обрадовался Андрей и сказал:

– Обязательно. Вы мне только скажите адрес. Мы к вам фотокорреспондента пришлем.

«У, вот Костику радость-то будет!» – злорадно подумал он и улыбнулся еще шире.

По-видимому, гостя не ожидала столь радушного приема, такой немедленной реакции и даже задумалась: а нет ли тут какого подвоха?

– Правда? Ну спасибо вам на добром слове.

Старушка встала и, церемонно поклонившись почти в пояс, удалилась.

«Наши богатые задним умом граждане хотят через газету дать знать покупателям, что передумали. Да, но зачем этим делягам «Зингеры»? Не на металлолом же? Тут что-то не так».

От этих мыслей Андрея отвлекло появление коллег, главреда и секретаря. Они были красны с лица, но какие-то успокоившиеся и расслабленные.

Вот во всем мудры народные обычаи: закопали покойника, выпили-помянули, и вроде уж не так страшно.

– Как там все прошло? – для приличия поинтересовался Андрей у Бороды, трепетно вешавшего на спинку стула выходной черный пиджак.

– Масса народу, весь цвет района! – распустил галстук главный. – Столько великолепных речей, венков!.. Какая река человеческого горя!

«Конь, сволочь доисторическая, не забежал посмотреть на дело своих копыт?!» – чуть было не ляпнул Андрей, но его опередила Валя, которая, стоя на пороге комнаты, аккуратно сворачивала черный платочек.

– Пал Никитич в гробу лежал как живой, будто только заснул.

«Все, мне пора!»

– А ты чем занят, сынок? – поинтересовался главный, от души сморкаясь.

– У нас тут посетитель был интересный, – сумрачно пробормотал Андрей. – Я на обед отойду?

– Иди. Но ты вернешься?

– Куда ж я денусь! Работы вагон, – буркнул Андрей и поспешно вышел.

Посетив кафешку, Андрей решил пройтись. Раннее, незнойное еще лето было в этом не загубленном окончательно цивилизацией старинном городе просто очаровательно. Оно опушило все имевшиеся в запасе у кустарников сережки, развернуло и расправило клейкие листики. Свежие гроздья акации, белые и желтые, источали ни с чем не сравнимый тонкий аромат. В сквере пищали молоденькие воробышки-слетки. Отчаянно желторотые, они прыгали по дорожкам за исхудавшей мамкой, трепыхали крылышками, прося есть, а она тщетно пыталась научить их клевать крошки, которые бросали малышам сердобольные пенсионеры. У старого административного здания чересчур густо высадили ярко-малиновые колокольчики, но даже это не могло испортить общего вида. Неподалеку, здесь и там, на незаасфальтированных клочках притулились желтые корзинки одуванчиков. Это было ужасно трогательно и чуть искупало кислотно-малиновое безобразие.

Проходя мимо газетного киоска, Андрей решил купить «Подмосковную мимозу». Его не оставляло смутное беспокойство: чем сейчас занята Тамарка Зуева? Роет ту же тему – вылазки водяных чудовищ? Бесполезно, все концы у него. Она, конечно, редкая сучка, но не дура – должна понимать.

Андрей на ходу перелистал еженедельник – Тамаркин материал имелся, но это был обычный дамский стеб на тему «Как половчей выскочить замуж и не рехнуться от счастья».

«Кто умеет, тот делает. Кто не умеет, тот учит других», – злорадно фыркнул он.

Тут нечто заставило его, остановившись у дверей их здания, пробежать колонку частных объявлений.

«Куплю ручную/ножную швейную машину «Зингер» до тридцатых годов выпуска в любом состоянии».

«Интересно, а Марья Федоровна пьет коньяк?» – подумал Андрей, сворачивая газету и взбегая вверх через три ступеньки.

Валя сидела за своим компьютером, что-то набивала одной рукой и мешала очень-очень темный чай другой.

– Вальчик, когда устанешь, скажи. Я попрошу тебя женским голосом в одно место позвонить.

– Да я и сейчас могу, – подняла на него красные глаза Валя. – А... кому?

Андрей дернул головой:

– По работе. Вот по этому объявлению.

Он взял диктофонный «крокодильчик» и прицепил на решетку телефона. Весь материал будет на одной кассете – это хорошо.

– А что это за чудеса? – удивилась Валя. – Почему тебе это интересно?

– Вот, решил хозяйскую машинку загнать. Авось не заметят. А то стоит мешает. Заработаю...

– Ты что – с ума сошел?

Она оттолкнула его руку с газетой. У нее, видимо, от расстройства временно отказало чувство юмора.

– Да нет, Валь, я серьезно. Это какое-то чудное поветрие. Пока вас не было, ко мне бабушка одна заходила, жаловалась, что какие-то люди ходят по дворам и просят продать эти развалюхи. А если им отказывают, забираются в дома и курочат машинки.

– Да-а?!

Она еще не верила.

– Да, Валя, да. Спроси похитрее, что за машинка нужна, пощупай, что у них за интерес... Что я тебя, женщину, врать учить должен?!

– Ну и комплимент, – пробурчала Валя, но вывела аппарат на громкий режим и начала набирать номер. – Здравствуйте!

Она заговорила, неуволимо изменив голос на чуть деревенский и какой-то скрытно-алчный.

– Здравсте, – ответил ей недовольный мужской голос.

– Это вы старые «Зингеры» покупаете? Вас как звать-величать?

– Валера.

– А как покупаете – самовывозом? А то она тяжелая, как смертный грех. Мы поэтому ее и не выбрасываем.

– А какая у вас машина?

Андрей почувствовал, как неведомый Валера на том конце провода засучил ногами от возбуждения.

– Ну, «Зингер», как вы пишете... Она старая, на чердаке стоит уже лет тридцать. Я на ней шить училась, а потом мне в приданое электрическую родители купили. Но она на ходу, работает.

– Да это не важно, женщина! У нее номерок такой овальный, шурупчиками прикрученный, на передней бабке есть?

– На передней ба-а-абке? – задумчиво протянула Валя, вопросительно глядя на Андрея.

Он истоиво закивал – как лошадь, сгоняющая слепня.

– Да, кажется, есть.

– А номер на ней какой – четырех-пятизначный?

Андрей поднял брови.

– Ну, молодой человек, этого не скажу, не помню. Давно не видела.

– А когда можно подъехать посмотреть? Вы ко...

– А сколько вы заплатите-то, скажите? – скрипуче перебила Валя.

Андрей чуть не прыснул со смеху – так это было хорошо сыграно.

– Ну, тысячи полторы, – промямлил Валера нерешительно.

– Ой, это мало! Она ж на ходу, шьет – только смазать.

– Женщина, повторяю: нас это не интересует. Нам интересны год выпуска и модель.

– А почему?

– Я повторяю: для кол-лек-ци-и. В Европе их почти не осталось, а в России находятся. Когда можно подъехать к вам и посмотреть? Тогда и о цене договоримся.

Валера явно начал терять терпение.

– А-а... Тогда знаете что... Я с мужем посоветуюсь и вам перезвоню.

– Это ваш домашний номер? – быстро спросил вконец разозлившийся Валера.

– Нет, это с работы. Я вам обязательно перезвоню.

– Как скажете.

Валя положила трубку, Андрей снял «крокодильчика» с решетки микрофона.

– Ну и что ты по этому поводу думаешь? – уставился Андрей на Валю, которая собиралась с мыслями, глядя куда-то внутрь себя.

– Он темнит. Это точно.

– А что ты думаешь про эти номера на винтиках?

– Ничего не могу придумать. Чушь какая-то.

– Чушь-то чушь, но ребята рискуют, под статью идут, в дома вламываются.

– Уж и до этого дошло?

Они помолчали.

– А нам не предлагали такие объявления публиковать? – поинтересовался Андрей.

– Нет. Я б тебе сразу сказала.

– Запрос заслать фашистам?

– А от хохота они не помрут?

– Да, тут и до международного конфликта недалеко.

Дело зашло в тупик. Андрей встал из-за компьютера.

– Ладно, придумаем что-нибудь.

До конца дня Андрей отписал в Москву Терпсихорову о новых похождениях водяного коня в Подмоскowie и сообщил о его прежних подвигах в средневековом Париже, сделал насыро материал о фермере и отдал его на проверку Бороде. На эту неделю материала было довольно, можно было идти домой. Тосковать об Анне О. До языческих игрищ оставалось еще много мучительных дней, а где эта тусовка будет проходить, Андрею было до сих пор неизвестно.

Первое, что Андрей спросил у Бороды, войдя утром в редакцию: а где у нас в этом году намечаются языческие игрища?

– А ты найди их главаря – они в торговом центре лавочку держат, всякими оберегами самопальными торгуют.

Андрей сделал движение сразу ринуться назад, к выходу, но главный его удержал:

– погоди. У Вали наводочку возьми. Это по твоей части.

Валя, говорившая по телефону, кивнула и протянула ему листочек с прикрепленным к нему конвертом. Андрея, сколько он здесь жил и работал, все еще удивляла и умиляла манера местных жителей, как встарь, писать в газету письма.

К рукописному тексту прилагалась фотография. На ней была какая-то зубастая рыба, лежащая на траве рядом со спичечным коробком, а некий пенсионер...

«Пенсионер – это живая, неумолкающая совесть России! Не ты, бессердечный, циничный журналюга-конъюнктурщик, а ветеран товарищ Иванов!»

...который утверждал, что из водоема близ их деревеньки враз пропали обильно водившиеся там крыски-ондатры, а из рыб остались только пучеглазые и зубастые рыбы-незнакомки. По округе скользкими угрями ползали слухи о рыбаке, которому прищельцы оттапали пол-ладони...

– Валь, а это, часом, не... пиранья? Ты фотку видела?

– Нет... А что?

Валя вытянула шею, стараясь разглядеть рыбу.

– Да это ж реальная амазонская пиранья, разрази меня гром! – по-пиратски выругался Андрей и сразу же пожалел: не вышло бы как с той бабулей. – Ну да! Я таких видел. В

Москве года два назад это самая модная фишка была – эту нечисть в аквариумах держали и гостям показывали, как они белых мышек живьем жрут!

– Ну и нравы у вас в столице, – поморщилась Валя.

– Что-что ты говоришь, сынок?

На пороге появился Борода.

– Братишка мой чуть не подрался с одним крутягой, когда тот такое шоу для девчонок из их группы устроил.

– Так что ты хочешь сказать, дорогой?

– Я ответственно заявляю, что это – конкретная амазонская пиранья!

Андрей встал.

– Надо этот несравненный образ в какой-нибудь рыбный НИИ отправить на экспертизу. Пусть подтвердят или опровергнут мою догадку.

– А, вот ты и действуй, – обрадовался главный.

– Хорошо... Я пока отойду и подумаю, как с этим разобраться. Черт-те что у вас тут творится, граждане, а? – вдруг повело Андрея вразнос, и он, чуть ли не сшибая скудную мебелишку, заметался по комнате. – Осетры кусачие, трехметровые, русалки вредоносные, кони на водных лыжах – вжик туда, вжик сюда!.. Еще и пираний завели! А?! Вы чем вообще здесь занимаетесь, граждане?!

– Живем мы здесь, – кротко сказала Валя, поднимая на него смеющиеся глаза.

– А ты разберись, разберись! – захихикал Борода и поковылял к себе.

– А вот и разберусь! – угрожающе бросил ему вслед Андрей и, широко шагая, устремился к выходу.

По дороге Андрей сообразил, как расследовать это «рыбное» дельце. Мелочь, конечно. Но! «Нет мелких тем, есть мелкие журналисты».

Лавочку язычников он обнаружил на первом этаже торгового центра. В крохотном загончике с хлипкими пластиковыми стенками едва помещался молодой мужик, длинноволосый, в холщовой рубаше, с толстой книгой на коленях. Все стенки загончика были увешаны украшениями, больше из кожи и дерева, – ожерелья, головные повязки с бахромой, пояса. На небольшом прилавке стайкой расположились птички – разнокалиберные глиняные свистульки.

Андрей проторчал у лавочки целую минуту, прежде чем длинноволосый обратил на него внимание.

– Интересует что-нибудь?

– Ага, – расплываясь в довольной улыбке, ответил Андрей. – Мне б что-нибудь от водяной нечисти. Есть такое?

– Найдем, – протянул длинноволосый, нехотя вставая. – Вот, оберег от утопления. Подойдет?

Он протянул Андрею нечто вроде круглого деревянного кулона на длинной, крученой жиле.

– Нет, не очень. Это для моей девушки, а она природная русалка. Так что утонуть не может по определению. Мне – чтобы к ней водяные разные не клеились.

Мужик поджал губы и сел, повесив кулон на место.

– Шел бы ты отсюда, парень, – процедил он.

– Это почему же? – удивился Андрей. – Я совершенно серьезно. Я самолично принимал участие в отлове местного чудища, наблюдал его практически воочию...

– Водяного коня, что ли? – опять оживился длинноволосый. – Это когда же было?

– Месяца не прошло. Вы «Крестьянку» читаете?

– Ну?

– Вот. – Андрей протянул визитку. – Никаких грязных, беспочвенных инсинуаций. Так что у вас имеется для меня?

– Это ты, значит, писал? – просветлел длинноволосый, наконец улыбнувшись.

- Я, я!..
- Тогда тебе со скидочкой. – Он протянул Андрею длинное ожерелье из синих, в бело-голубых прожилках, продолговатых камней. – Пятьсот пятьдесят.
- И что оно дает?
- Отпугивает темные сущности, нечистую силу всех сортов. Возьмешь?
- Пятьсот, а то у меня на обед не хватит. Идет?
- Ну ладно. Раз ты вроде как из наших...
- Это из каких?
- Природу любишь?
- Ну конечно. У вас здесь так прикольно. Вот, пираний обнаружили...
- Каво?!

Так, слово за слово, они с Климом разговорились, вышли вместе пройтись до кафе. Язычники, как выяснилось, здесь водились двух сортов. Первые, самые убежденные, жили коммуной в заброшенной деревне на границе Московской области.

«О, тема покрупнее попалась!» – обрадовался Андрей и спросил:

- Это как – промискуитет они, что ли, практикуют?

Клим глянул на него краешком глаза – какие слова знает!

– Я безо всякого осуждения, – добавил Андрей. – Если не имеет места существование тоталитарной секты...

Тут Клим понесло – мол, знай наших!

– Если мы перешли на такие термины, то позвольте вам заметить, юноша, что почти все секты являются пошлыми огрызками протестантизма, которое уже и христианством-то называться не имеет права!.. Мы же вернулись к истокам, к многобожию, поклонению силам природы. У нас все просто, ясно и естественно. Все добровольно, без малейшего принуждения. Кто-то живет там постоянно, кто-то приезжает на выходные, кто-то проводит отпуск... И свободными парами живут, есть и официально женатые. Но свидетельства о браке, сам знаешь, никто ни у кого сейчас не спрашивает. Есть исповедующие западную Викку. Но никто ничего никому не навязывает. Бывают довольно жаркие теоретические дискуссии, но все в пределах приличий.

– Но все будут присутствовать на празднике летнего солнцестояния, – исподволь подвел Андрей разговор к животрепещущей теме.

- Ну да. В целом да. Это для нас как Пасха для христиан.

- И... где, когда следующее заседание?

- В ночь с субботы на воскресенье, с седьмого июля на восьмое...

«Как?!» – чуть было не закричал вслух Андрей.

Он был уверен, что Иван Купала наступает в день солнцеворота в конце июня... А теперь, значит, свидание с Анной откладывалось еще на полторы недели.

- Вовремя ты, Андрюха, подскочил. Слушай!..

Видя его померкшее лицо, наивный Клим стал уговаривать его прийти на праздник. Андрей сделал вид, что просто колеблется, и решил заодно уточнить дежурный дресскод.

– Тут каждый сам для себя решает и по погоде глядя, – пялясь куда-то в небо, сказал Клим. – Девчонки, кто посимпатичнее, топлес приходят, только от сглаза бусы-обереги надевают, мужики в набедренных повязках или в шортах.

- Нудизм у вас не в ходу?

– Нет, и крепкие напитки, и дурь, видео и мобильники тоже не сильно приветствуются. Мы за этим следим. Учти – а то ведь не только аппаратуру разбить могут. Народ отвязный... Когда публика разыграется, никакого допинга не требуется. На том и стоим!

На прощание они с Климом обменялись телефонами, крепкими мужскими рукопожатиями и обещанием встретиться еще раз до праздника.

А праздник должен был состояться у озера Светлое.

«Это судьба, даже рок. Но значит так тому и быть».

Поинтересоваться, не опасаются ли игривые язычники происков водяного коня, Андрей

не решился. Да это и не имело значения. Главный вопрос: знает ли о месте проведения праздника Анна О. и будет ли она там? Позвонит ли в оставшееся время?

– Ну как, нарыл что-нибудь? – поинтересовался Борода, когда Андрей проходил мимо открытой двери его комнаты.

– А то. Язычники – они журналистов во как уважают!

– Ага, – довольно отозвался главный, гоняя по экрану какой-то текст. – А про пираний? Нашел что-нибудь?

– Сейчас займусь. Вы мне карту района не дадите? Где это месторождение зубастых находится?

Борода закрыл файл и полез в стол за картой.

– Что тебя интересует, сынок?

Следующие полчаса они сосредоточенно водили пальцами по плану района, выясняли, что мирный прудик, в котором бразильские агрессорши перекушали ондатр и рыбу, соединяется узеньким рукавом с речушкой по кличке Серебрянка, на берегу которой стоял тот новорусский поселок, где Андрей когда-то, очень, кажется, давно, искал Анну К.

– Да точно – эти обалдуи аквариум чистили и либо икру, либо рыб самих слили! – завершил исследования Андрей.

– М-да, может быть, может быть, – задумчиво пробормотал главред, продолжая разглядывать карту.

Ну, Андрей-то увидел еще кое-что, но шефу решил пока не говорить. Оказалось, что до того места, где неведомый российский «чупакабра» повредил дорогих импортных буренок, по воде было рукой подать до озера Светлое. Так – пара коротких протоков, которые голодному коню не помеха.

«Это по асфальту я б туда полдня теребенькался, а на плоскодоночке – это в два счета! Вплавь тоже не проблема, особенно водяному жителю».

Приятно чувствовать себя умным, но от того, что подтвердилась его догадка, Андрей особенно счастливым себя не ощущал.

Валя уехала в типографию сдавать пленки очередного номера. Андрей сел за ее компьютер, нашел в Интернете галерею портретов зубастых амазонских «плотвичек». Рыбешка, напугавшая пенсионера, была точно из этой компании, но Андрей, отсканировав ее посмертный портрет, переслал его с коротеньким письмом в обнаруженный в Сети Институт изучения Амазонии. Он наивно поинтересовался у амазонок и амазонцев, каковы перспективы этого вида прижиться в столичном регионе России.

«А вот пусть почешутся», – злорадно думал он, отправляя почтовую упаковку.

В Бразилии была ночь. Проснувшись, смуглые бразильянки будут ломать голову над его сообщением.

Зазвонил телефон. Андрей поднял трубку:

– Редакция, слушаю вас.

– Безмерно рад слышать ваш бодрый голос, многоуважаемый Андрей Викторович, – послышались в трубке бархатистые мхатовские раскаты.

По имени-отчеству его называл только академик Терпсихоров. Лестно...

– Здравствуйте, Феликс Феликсович.

– Получив ваше глубокое и информативное сообщение, я поспешил обратиться к знающим людям и теперь хочу поделиться с вами своими мыслями...

«И не жалко ему денег на межгород!» – подумал Андрей, но стал внимательно слушать.

– ...Таким образом, есть все основания полагать, что небезызвестный международный авантюрист Бокий еще в двадцатые-тридцатые годы прошлого столетия вплотную занимался проблемой так называемых русалок и прочих неизвестных официальной науке человекоподобных существ. Ходили пугающие слухи, что в СССР были предприняты попытки отловить таковых и даже скрестить пойманные экземпляры с людьми...

«Что?! Это кто ж с кем скрещиваться должен?! Убил бы тех гадов! «Экземпляры!»!»

– ...эти опыты якобы курировали органы НКВД.
– То есть, Феликс Феликсович, вы думаете, что тогда, в тридцать седьмом, коня этого не убили до смерти, а просто изловили, стреножили и сдали в Москву на опыты...

– Да, мой юный друг! Вы читаете мои мысли!

– ...и даже, возможно, потом выпустили обратно в озеро? – выдохнул Андрей в трубку так, что там сипло зашуршало.

– Не исключаю, не исключаю. Возможно, он просто сбежал... Вы как-нибудь поделикатнее подойдите с этим вопросом к нашему общему другу...

– Не выйдет, – прервал Терпсихорова Андрей. – Схоронили мы Пал Никитича, буквально на днях.

– Да что вы говорите! Какое невероятное горе!

– Да. Именно так.

– Он унес в могилу величайшую тайну!

– Ну, я так не думаю, – вздохнул Андрей. – Он тогда кем был? Лейтенантиком. Не его уровень. И потом, уже в наши дни он пытался что-то разузнать, но так и не смог. Жаль его, конечно, замечательный дядька был, но вряд ли что-то важное знал.

– Да-да, но мы все равно так очаровательно общались!.. Вы будете держать нас в курсе дальнейших событий?

– Всенепременно и ежечасно, многоуважаемый Феликс Феликсович! Желаю здравствовать!

Андрей положил трубку и еще долго сидел у аппарата, обдумывая услышанное. Значит, чекисты не просто защищали население от неведомого зла, но и выполняли задание партии, правительства и, возможно, лично товарища Сталина по созданию новой породы водяных полулюдей? И фантаст Беляев, сочиняя роман про Ихтиандра, что-то об этом знал? Чушь, казалось бы, но ведь есть свидетельства... И то существо, которое попало на безобразиях в тридцать седьмом, не было жестоко препарировано, а благополучно вернулось в свой родной омут? Чтобы потом, в знойный не по-российски семьдесят второй год, заскучав, всплыть снова... И появиться опять через те же тридцать пять лет. И если не то самое существо, а его потомок, даже гибридный, это не важно. Оно существует, оно опасно. Непредсказуемо и опасно. Хотя почему непредсказуемо? Он, Андрей, установил периодичность его возвращения, и поэтому...

– Андрюша, ты домой-то идешь?

На пороге стоял Борода с портфельчиком и пломбером в руке.

– А как же, Михал Юрич. Пошли.

В комнату уже заглядывало низкое солнце. День клонился к вечеру.

– Ты завтра можешь, э-э, поработать дома, – предложил Борода.

«Забирает машину и едет на дачу, хитрец», – сообразил Андрей.

– Дома не дома, но по пираньиным местам экскурсию устрой.

– Ага, – согласился главный, нежно дыша на штемпелек, которым клеймил пластилиновую плюшку на двери. – Это на двадцать восьмом автобусе четыре остановки.

«Угадал».

Идя домой, Андрей почему-то был почти уверен, что сегодня ему позвонит Анна. Поздно вечером. Поэтому он, не торопясь, походил по местному универсаму, запасся едой и пошел домой.

В квартире стояла натужная пыльная духота, Андрей, бросив пакет с покупками, ринулся открывать окна.

Быстро стемнело – насколько это было возможно в эти бесконечные летние дни. Андрей уже съел ужин, набулькался под завязку чаем и пытался читать, когда затрещал телефон. Чтобы не сорвать неустойчивый местный вызов, он, с трудом сдерживая себя, прослушал три сигнала и поднял трубку.

– Алё, Андрюшик! – зажурчал в трубке голосок-ручеек.

– Привет, ландыш. Как ты?

– Жарко! Мы из речки не вылезаем... А вообще хорошо. Все так хорошо... Андрей понял, что она подразумевает.

– Я это знал.

– Да... А ты чем занимаешься?

– Бегаю и пишу, пишу и снова бегаю. Золотые перья все разлетелись, я один надежда и опора. Вот с местными язычниками давеча познакомился.

– Ну да! И как они?

– Душа люди. На праздник к себе пригласили.

– На Ивана Купалу, да?

В ее голосе прорезались кокетливо-ревнивые нотки.

– Угу. В вашей русалочьей вотчине однозначно беситься будем.

«Не обидится она?» – спохватился Андрей, но Анна радостно воскликнула:

– Да что ты!.. В Озерках?! На Светлом?!

– Ну да, там. Седьмого июля. Как стемнеет, так и начнем, сказали.

– Класс!

Кажется, ей это понравилось. Очень.

– Сама-то будешь? – проворковал Андрей в самую трубку.

– Ну да... Планирую, – так же понизив голос, замурлыкала Анна.

– Может, заехать за тобой?

– Нет, не стоит, – уже почти прошептала она. – Там и встретимся. А? Найдешь меня? Узнаешь?

– Ну конечно найду... А ты... точно будешь?

– Я постараюсь прийти.

«Да будет, будет! – невероятно радуясь, засучил ногами Андрей. – Просто заводит меня... Она хочет меня... видеть!»

Еще минут пятнадцать болтали о пустяках, просто наслаждались общением. Наконец, Анна сказала, что ей надо идти укладывать спать подопечных. Она нежно прошептала: «Пока, Андрюшечка, целую!» – и положила трубку.

Андрей, томясь горько-сладкими ощущениями, еще полежал на тахте с прикрытыми глазами. Радовался, что никто не видит его светящейся счастливой улыбкой физиономии. Долгожданное свидание с Анной О. становилось реальностью, выплывало из смутной, болезненно-гулкой, как мигрень, неизвестности. Скоро, скоро... Они увидятся, и... все станет ясно. Их чувства, их будущее...

Андрей подремал, не раздеваясь. Потом встал, озябнув от ночной прохлады, мягко переваливавшей через подоконники открытых настежь окон. Была половина второго ночи, небо еще оставалось синим. Перед окном ярко светился, даже не точкой, а крошечным шариком, Альтаир.

Андрей умылся, сонно созерцая свою все еще глуповато-довольную физиономию. Он заметил, что на груди у него вырисовывается граница между потемневшей на солнце и белой зимней кожей.

«Хламиду типа шорт надо присмотреть для праздника... Чтоб через костер сподручнее было скакать. И за русалками по кустам бегать», – блаженно подумал он.

Проснулся Андрей рано, разбуженный озабоченными визгами соседей – семейства стрижей. Они приветствовали его резким «чик!», видя в комнате, а если стрижи заставали его в кухне за стряпней или завтраком, то пролетали еще раз и еще раз ревниво чирикали.

«Любопытные же!» – умилялся Андрей.

В начале десятого уже было довольно жарко. Он закрыл окна наглухо, чтобы сохранить ночную прохладу.

На автобус он успел как раз, вскочил в задние двери.

Коттеджный поселок, заросший зеленью, невинно-деревенский, с ковром одуванчиков в разных стадиях развития, ничем не напомнил ему то место, где он пару месяцев назад

выслеживал Анну.

Андрей пошел по берегу речушки, оглядывая заросли, – нет ли сливных патрубков, канализации...

«Не через унитаз же они в речку пронырнули? – недоумевал он. – Великоваты...»

Берега были опушены ивняком, за которым, уже совсем в воде, торчали камыши. Из зарослей доносилось вкрадчивое лягушачье гуление – не все пучеглазые отметали икру. Высоко в бледной голубизне кто-то невидимый жужжал любовную песнь. Благодать...

«Ничего я здесь не нарую», – подумал Андрей, но не слишком огорчился, признавшись самому себе, что просто гуляет.

– Гражданин, а вы что здесь выглядываете?

Андрей остановился, будто споткнулся. Заглядевшись на зеленые, не запылившиеся кустики, он не заметил, как перед ним вырос пузатый, широколицый, обильно истекающий потом милиционер в летней форме и при капитанских погонах.

– Я... я здесь...

– Не улавливаю?

Поодаль, за спиной пузатого, суетились еще несколько человек в голубом, дальше стояла патрульная машина и еще дальше – «газель» скорой помощи. Здесь явно что-то произошло, и отнюдь не карманная кража.

«Господи, во погулял так погулял! Хотя... Это ж материал! Где мое удостоверение-то?»

– Я... сейчас...

Капитан дернулся на суетливое движение Андрея, искавшего красную книжечку в заднем кармане джинсов.

– Я журналист, вот...

Капитан недоверчиво и хмуро поглядел в удостоверение.

– «Крестьянская газета»?

– Там написано.

– На заборе тоже написано...

Андрей уже освоился, и пузатый капитан в фуражке с задранной на фашистский манер тульей начал его раздражать.

– Чего там? – крикнул кто-то от машины.

– Да журналист какой-то...

«Я не «какой-то», я очень хороший журналист», – хотел было сказать Андрей, но промолчал – в вопрошавшем он узнал Загашникова.

– Это я, товарищ майор.

Андрей ловко вынул из рук зазевавшегося капитана удостоверение и быстро пошел к машине.

– Уже разузнали? И как это вы...

– Ничего я не разузнал... здрасте. Я здесь... по совсем другим делам. А что произошло?

– Здрасте-здрасте... А произошло здесь, по-видимому, небольшое убийство.

Загашников наконец посмотрел ему в глаза.

«Ого! Вот это влип!»

– Довольны?

– Не сказать... И что – правда... убийство?

– Да уж... Вряд ли это несчастный случай. Смотреть не советую.

– Но предварительную информацию дадите? Для главного редактора?

Андрей демонстративно приготовился записывать в блокнот. Загашников также демонстративно вздохнул:

– Женщина средних лет, обнаружена сегодня утром местным жителем. Документов нет, из одежды – купальник и сарафан. Многочисленные рваные раны...

– К-как? – едва выдавил из себя Андрей.

– Так! – почти крикнул Загашников. – Умерла несколько часов назад. Больше ничего

сообщить не могу – сам не знаю.

«Похоже, так и есть».

Краем глаза Андрей увидел, как от машины скорой помощи идут двое мужчин-санитаров с носилками.

«Сейчас они ее... будут уносить? Мне пора!»

К величайшему облегчению Андрея, майор рывкнул: «Все! До свидания, товарищ корреспондент!» Тут уж ничего не оставалось делать, как повернуться и поскорее, почти бегом преодолевая невысокий склон, ринуться вон из поселка.

Взбежав на гребень берега, он все-таки заставил себя оглянуться. Санитары несли носилки, покрытые простыней, из-под которой вывалилась рука. Крови на ней не было, только зеленоватые разводы тины.

Чуть оправившись от шока Андрей, уже мотаясь на задней площадке рейсового автобуса.

«Началось! – подумал он оцепенело. – Началось...»

Бороде звонить не стал, решил не портить «домашнюю работу».

«А почему я вдруг решил, что «началось»? Может, утопленница самоубийца? Ну да, а раны?... Да в этой речке разве что воробей утонет».

Решив не морочить себе голову до завтра, Андрей пошел на местный рынок за шортами.

«Во жизнь – где-то сейчас эту женщину ищут, беспокоятся, а ее уже, поди, Мария Алексеевна в своем миленьком домике приветила, помыла... А я штанишки для похода на маскарад выбираю».

– Так ты думаешь, сынок...

– Да, Михал Юрич. А что, вы по-другому думаете, да?

Главный был хмур, Валя огорчена и испугана.

– Звоните своим людям... Пусть дают адекватную информацию. А то опять какое-нибудь массовое помешательство начнется.

– Да, Михал Юрич, – чуть судорожно вздохнула Валя. – Я-то смутно эти события припоминаю, но все-таки... Меня мама во двор не пускала, а я не понимала почему, капризничала – вот это я хорошо помню. Надо людей если не успокоить, то хотя бы проинформировать.

– М-да. Ладно.

Главный, озадаченный и угрюмый, ушел звонить в органы. Андрей с Валею слышали, что он плотно прикрыл за собой дверь, это случалось нечасто.

Чтобы занять с пользой время, Андрей просмотрел электронную почту и был обрадован пришедшим почему-то из Марсельского института ихтиологии ответом.

– Валь, отвлекись от грустных мыслей.

– Да?

– Рыбешку-то мы правильно определили. Действительно, пиранья, один из двадцати двух известных видов. Они нас утешают, что даже если аквариумные рыбки попадут в наши водоемы, то при наших русских морозах в минус восемнадцать градусов размножаться не смогут и погибнут осенью.

– Хорошее утешение, – вздохнула Валя, возвращаясь к работе. – Хотя при наших теперешних зимах...

В комнату вошел Борода.

– Валюша, сейчас факсик один придет – так ты его сразу мне отдай, хорошо?

Он строго поглядел на нее поверх очков. Андрей понял: документ конфиденциальный, читать его главный будет сам.

– Хорошо, я вам крикну.

Упражняясь в остроумии, Андрей просидел за компьютером почти час и даже чуть успокоился. Наконец из факса, как фарш из мясорубки, полезли листы.

– Михал Юрич, что-то пришло, – громко сказала Валя в сторону коридора.

Борода, появившись в комнате, ловко подхватил листы.

– Я сам все сделаю, ладно, сынок? Не обижайся, – сказал он, искоса глядя на Андрея.

«Ох, Михал Юрич, вот за это не обижусь!» – подумал Андрей, но, решив не баловать главреда, сумрачно пробормотал:

– Вы здесь главный... Но вы меня, как ведущего автора, проинформируете? Эскизно?

– А, да... Это да. Потом.

Борода ушел к себе, а Андрей еще раз просмотрел статью про вторжение ненасытных «амазонок» и отправился обедать.

Перебирая мысленно и складывая осколки событий – необычную жару, загубленную фермерскую скотинку, пирааний, утопленницу, – он пролетел мимо всех точек общепита, которыми обычно пользовался, и бурным потоком собственных мыслей был вынесен к небезызвестной «Подкове». Андрей не был здесь с тех самых времен, когда отслеживал Тамаркины ходы, и с удивлением прочел большой плакат, выставленный в панорамном окне: «Бизнес-ланч – от ста восьмидесяти рублей и... кое-что еще».

«Что – завсегдатаи разбежались охлаждаться на Канары?» – злорадно подумал Андрей, но решил зайти.

Зал преувеличенно респектабельной «Подковы» выглядел странно. На полу Андрей заметил пару крышек от пива... Да и протереть этот пол было отнюдь не лишним.

«Они что – в полном финансовом крахе?! На уборке экономят?»

От входа увидел, что на столике посреди зала бархатная бордовая скатерть с одного края сползла почти до пола, прибор со специями, стоявший не по центру, прибыл явно из гнусных пятидесятых. И не мылся примерно с тех же времен.

Андрею стало не по себе: а не оказался ли он предметом розыгрыша или участником дурацкого шоу типа «голые и бухие»? Настроение участвовать в приколах не было, но он все-таки двинулся вперед, чувствуя, что ноги слегка одеревенели и неохотно сгибаются в коленках.

Народу было довольно много: умеренные для подобного заведения цены и кондиционированный воздух приток клиентов явно стимулировали.

«А как теперь с кухней – вот в чем вопрос».

Проверять это на своем желудке Андрею хотелось меньше всего. Но он сел за столик, не тот, центральный, но и не в любимую «подковку» у стенки, и стал ждать развития событий. Люди вокруг спокойно обедали, звучала тихая психоделическая музыка, по залу порхали официанты. Но не те молодые, поджарые мальчики.

«Ага, точно в кризисе!»

Это были девчонки – в таких мини, что дух перехватывало.

– Здравствуй! – залихватски прозвучало у него над ухом. – Меня зовут Жопа.

– Н-не п-понял? – выдавил из себя Андрей, чувствуя, что челюсть отваливается, а горло спадается в узенькую сухую трубочку для коктейля.

– Жо-па, – приветливо и чуть блудливо ухмыльнулась официантка. – Чего тут не понять-то? Нецелованный, что ли?

Это была молодая, лет двадцати двух, пышная, однозначно крашенная блондинка с глубочайшим декольте и в мини, обнажавшем аппетитные «бульонки».

– Во! Читать умеешь?

Она постучала пальцем с длиннющим малиновым ногтем по беджику на краю выреза белой гипюровой блузки. Там было действительно написано «Вас обслуживает ЖОПА».

– Меню, поди, хочешь? – игриво продолжила девица.

– А... ну да, – выдавил Андрей сквозь свою коктейльную трубочку.

– На вот тебе! Читай, раз грамотный!

Жопа с замаха и довольно сильно приложила о стол малиновую, в цвет скатерти, обложку меню.

– Ты там... того, ты не сильно комплексуешь. Видишь, тут кто-то напачкал малек.

Внутри, на страницах меню, расплзлось большое жирно-томатное пятно.

– Прочесть можно, а остальное – фигня. Я права?

Андрей уже въехал в ситуацию и понял, что, похоже, сегодня он обедает бесплатно.

– Да как же такая клевая телка может быть не права! Ты пойді покури, а я пока разберусь. Лады?

– Ага, – ответила Жопа и опять блудливо улыбнулась. – Сейчас тому хмырю приговорчик выпишу, а потом опять к тебе подгребу.

Жопа резво повернулась – да так, что пышный бюст, взволновавшись, чуть ли не закрутился вокруг ее туловища, – послала ему многообещающий взгляд из-под густо накрашенных синим ресниц и удалилась. Андрею стоило больших усилий совсем не рухнуть в эту игру и не приложить ладонью по пышной Жопиной... попе.

«Хозяева решили привнести элемент креатива! Ну-ну, посмотрим, что там предлагают: «Салат вегетарианский с сальмонеллой» или пирог охотничий «Тараканьи бега. Полный финиш»?»

Однако меню было самое обычное, только на странице напитков, куда Андрей заглянул скорее из любопытства, красовалась большая помоечная муха, раздавленная в лепешку и намертво присохшая. Приглядевшись, он понял, что муха ненастоящая, а сделанная из прозрачной бумаги и кусочка черного бархата. Настоящее произведение миниатюрного дизайна.

Тут вернулась Жопа. Из-за ее декольте, рядом с беджиком, недвусмысленно торчали две сотенные бумажки.

«Чаевые, ага. Намек».

– Ну, надумал чего путевого? – чуть бранчливо осведомилась она, приготовившись писать в блокнот.

– Ты, рыжая, принеси-ка мне полпорции горохового супа...

– Боишься с полной не пропердеться? – хмыкнула Жопа, делая пометку.

– Ну ты ж правильно все понимаешь, Жопуль... Отбивнушку с картохой...

– С молодой?

– А тебе самой какую жевать не в облом?! – взъярился Андрей. – Молодую, конечно, и поживей! Сразу кофе и приговорчик. Я на работе.

– Знаем мы вашу работу! – сжала официантка губки в кружочек.

– Раз знаешь, так двигай!

Жопа вернулась очень быстро, ловко расставила перед Андреем вполне приличные горшочки с едой. Дуя на суп, Андрей присмотрелся к другим девушкам. Имена на беджиках были как на подбор: Холера, Шалава, Пуська... Хотя, возможно, насчет последнего он слегка ошибся. Краем уха он слышал, как девицы забористо, но весело и без откровенной похабщины хамят посетителям, и те им с удовольствием отвечают. Хотя ни одного нецензурного слова до его слуха пока не долетело. Видимо, тут сложился определенный стиль поведения. Супервольный. Но не слишком.

Отдуваясь после толстой, в золотистых сухарях, отбивной, Андрей обдумывал план действий. Официанток он нашел в закутке у бара. Его белокурая бестия встрепенулась навстречу.

– Чего, дылда, отстрелялся? Так крикнул бы, я бы сразу и!..

– Да нет, ты сиди, киса, отдыхай. Мне бы вашего менеджера.

– А чё – какие-то претензии? Чего тебе не так?

– Ни-ка-ких претензий, все о'кей! – расплылся Андрей в улыбке, заметив, что на мгновение в глазах девчонки мелькнул вполне настоящий страх. – Скажи ему: журналист хочет побеседовать. Въехала? Дуй.

Жопа недоуменно обвела других девчонок взглядом, но поднялась и исчезла, а Андрей вернулся за столик.

Через пять минут к нему подскочила Жопа с кофе на серебристом подносе, вместе с ней подошел молодой человек, постарше Андрея, прилично и дорого одетый, без экзотических опознавательных знаков и безупречно вежливый. Андрей показал ему

удостоверение. Менеджер, оказавшийся Алексеем, уточнил, не собирается ли гость развести его на платную рекламную публикацию, и потом охотно разговорился.

– ...А один клиент прямо-таки жаловаться стал – был, говорит, на вечере встречи выпускников школы, так учителя, на которых я и поглядеть лишний раз боялся, «выкаты» мне стали, одноклассники снизу вверх смотрят. Веришь, говорит, назюзюкаться от души не с кем было!.. Деньги-то они все себе сделали, а менталитет остался на уровне конца восьмидесятых... Вот и грызет ностальгия по годам безвозвратной юности... Вы, простите, в туалет наш не заходили?

– Нет пока. А что?

– А мы там кроме нормальной туалетной бумаги еще и рваную газетку кладем.

– Ну и?...

Алексей прыснул:

– Так дорогая бумага у нас расходуется рулон на три дня, а газетку, верите ли, только успевай рвать и класть, рвать и класть... Марина!

Менеджер щелкнул пальцами в сторону проносившейся мимо официантки под названием Грымза.

– Чаю мне зеленого с шиповником и жасмином сделай, пожалуйста. Хотите?

– Не откажусь, – церемонно ответил Андрей. – А как же вы решились на такой, скажем, рискованный эксперимент?

– Ничего рискованного в нем не было. Все равно ресторан по старой схеме работал почти в убыток. А теперь! У нашей финансовой элиты появилось место, где можно быть собой, без соблюдения имиджа и приличий. Тут как-то компания одна собралась – «Шопар» с «Булгари» наперегонки гонялись, – так они надрались в такой дикий хлам и голыми танцевать стали, даже дамы! Пели: «А нам все равно!» Я только потом узнал – я же сам приезжий, не в курсе был, что это замглавы городской администрации со своим аппаратом гулял. Надоедает же людям все время «при галстук» быть. Вот и бузят. Их понять...

– ...и простить?

– ...можно. Да.

– А девушек где набрали? И по какому принципу?

– По принципу – яркая внешность, обостренное, простонародное, так сказать, чувство юмора и стойкость к ненормативной лексике. Некоторые даже из Москвы ездят, сутки через двое-трое работают.

– И игра стоит свеч?

– Еще как стоит!.. И учебу оплатят, и для семьи останется. Спасибо, Марина.

Марина-Грымза поставила перед ним фантастически ароматный чай и, привычно вильнув аппетитной попкой, удалилась, громко стуча каблуками.

– Эта Маринка – она на банкира учится – один раз, когда гости только разогревались, прямо у них на глазах стащила с блюда соленый огурчик, схрумкала да еще и говорит: давайте, пацаны, заказывайте горючку, а то всех ваших лягушат пупырчатых щас сожру – больно смаковитые! Они ей: да берите, берите! Может, вам еще и выпить заказать? Она говорит: нам не наливают, не положено – у нас как за рулем! Так они ей бутылку самого дорогого коньяка купили, а потом сами так нагулялись, что едва до «мазератти» своих доползли. Правда, они под завязку наелись и ей на чай ничего не оставили. Но зато я ей премию за инициативу выписал.

– Значит, ваши девушки еще и как бы на консумации работают?

Менеджер округлил глаза: он такие слова знает? Андрей чуть снисходительно усмехнулся:

– Я вообще-то тоже из Москвы. По временному договору здесь.

– А... что вы хотите о нас написать? – вспомнил, кто перед ним, менеджер.

– То, что есть, – остроумное, пикантное шоу, на грани изысканного хамства и тонкого юмора. При хорошей, классической кухне. Для ценящей эксклюзив гламурной публики. Пойдет такая концепция? Мне в принципе задумка ваша нравится. Девушка, мою

официантку позовите, пожалуйста!

«А я вот не до конца раскрепостился», – подумал Андрей, почувствовав, что не сможет вслух и громко назвать девушку... ну, так, как она ему представилась.

– Это Жопенку, что ли? – обернулась высокая черноволосая Гангрена.

Андрей хотел было подтвердить, но Алексей остановил ее движением руки:

– За счет заведения.

– Да нет, не надо, – запротестовал Андрей.

– Нет-нет, за хорошее отношение прессы.

– Понял, – ответил Андрей, кладя все-таки сотню под прибор для специй – скромные чаевые... Жопе.

Алексей это оценил, на прощание крепко пожал ему руку и поинтересовался, когда будет статья.

– Через полторы недели. Я занесу пару экземпляров. Или можете выкупить часть тиража.

В редакцию Андрей возвращался довольный. Но, уже входя в относительно прохладный вестибюль, вспомнил, что у него есть пара недоделок.

– Михал Юрич... – без стука приоткрыл дверь редакторской комнатки.

Главред испуганно оглянулся и, как показалось Андрею, даже прикрыл руками нечто, лежавшее перед ним на столе.

– Извините, если напугал.

– Нет-нет, просто я не ожидал... Чего ты хотел?

Навалившись плечом на дверной косяк, Андрей быстро рассказал главному о подозрительных личностях, шныряющих по городу в поисках старых швейных машин.

– Зачем они идут на такой риск, остается непонятным, шеф! Что в этих болванках такого, чтобы под статью о разбое идти? Мне ничего, кроме деталей из драгметалла, в голову не пришло, но это чушь.

– Не такая и чушь, сынок. Если рассматривать такие казусы в свете исторической перспективы...

Борода ловко, как бы невзначай, смахнул в ящик стола лежавшие перед ним документы и повернулся:

– Ты сядь, потолкуем.

Андрей присел на стул, где обычно помещался верстальщик. Борода с наслаждением вошел в свою любимую подпрограмму – оракула и мудреца.

– Тут сразу после войны – как заводы из эвакуации вернулись – такое дело было с драгметаллами, мм! Конфетка!.. Технических подробностей я не знаю, но только надо было для реле каких-то, на тот момент самых суперных, заказать на другом предприятии детальки из свинца. А девушка-машинистка, которая эту документацию на заказ печатала, перепутала химические знаки – улавливаешь?

– Не-а, – честно признался Андрей.

– А-ха-ха! – впервые за последние дни рассмеялся Борода, радостно потирая руки. – Она ж плюмбум – латинские «пе-бе» с «пе-те» перепутала! Представляешь?!

– Нет, – опять помотал головой Андрей.

– Да те детальки, которые из свинца надо было отлить, из пла-ти-ны изготовили! А?! Каково! «Пете» – это же платина, стратегический материал! Дороже золота втрое-вчетверо! А?!

«А чё особенно удивляться-то? Здесь и не такое бывает», – подумал с элегической грустью Андрей, тем не менее из солидарности подхватил задорный смех главреда.

– Когда эти детали на завод привезли, руководству заводскому поголовно дурно сделалось: plombированные ящики, конвой с оружием, сотрудники в штатском – жуть!.. Они думали, это за ними пришли – годы-то какие были!

– Вот это я хорошо представляю, – согласился Андрей.

– Да, а когда все раскручивать начали, начальству совсем худо стало – им хотели

экономическую диверсию пришить, хищение стратегического сырья...

– И чем дело кончилось?

– Да особенно ничем, кроме парочки инфарктов среди заводского руководства. Девчонке той выговор хотели вкатить для острастки – за невнимательность, так та отговорила, что она, мол, русская, комсомолка и этих буржуйских букв не знает и знать не желает. Ее поняли.

– Да, Михал Юрич, «полна, полна чудес могучая природа». Особенно природа русской души. Но что с машинками-то делать будем? У меня один ход пока.

– А ты его и разрабатывай, – радостно посоветовал Борода. – К следующему номеру управишься?

– К следующему у меня пираньи. Это через номер.

– Давай, сынок! Ты у нас одна надежда и опора.

«Ну, раз главный позволил... Где телефон того Валеры?»

Мобильный искателя сокровищ был отключен. Это Андрея расстроило: что, если он упустил возможность сделать забойный материал? Волей-не волей пришлось сесть и по горячим следам набросать статью про новации в старой, доброй «Подкове». Вышло здорово, но... Не его. Юмор взаимы.

«Это не в счет, – грустно подумал Андрей. – Самоигральный материал. Не моя заслуга. И обыватель, которому такие игры не по карману, скорее всего, возмущаться начнет. Скажут: жиру бесятся олигархи. И кстати, будут правы».

Дома, когда уже можно было открыть окна и запустить в квартиру вечернюю прохладу, Андрей решил еще раз позвонить таинственному Валере.

– Да! – неожиданно зазвучал голос в мобильнике.

– Привет, братан, – поспешно ответил Андрей. – Ты, что ли, машинками интересуешься?

– Я, – неуверенно отозвался Валера. – А ты кто?

Вероятно, молодые мужчины на его объявления не откликались.

– Я-то в принципе не в мейнстриме, но могу подсказать одно местечко, где эти твари водятся. Там еще конь не валялся.

– Сколько хочешь? – сразу перешел к делу Валера.

– Сколько не жалко. За комиссию. Мне самому светиться не резон, а ты подъедь, прикинь, подойдет ли...

– Чего ты байдую гонишь? Сам знаешь – нужна жестянка, четырехзначка на семь! Есть такая – возьми! Нет – разбежались!

– Хорошо, остынь. Сейчас я поднимусь на чердак, гляну поконкретнее. Там этого металлолома как грязи.

Валера, тихо, но внятно матюгнувшись, отключился.

«Вот, кое-что выясняется. Их интересуют жестяные номера на этих, как их, бабках... Бабки под номером, начинающимся с «семерки». Черт-те что, даже на каламбур не тянет... Надо бы наведаться к бабе Мане... Узнать, как развиваются события. Завтра и пойду».

Жара, необычная для мая, становилась неким определяющим фактором действительности. Телевидение, всю зиму только и говорившее о необычайно теплой зиме, принялось живо обсуждать майскую жару. В самом деле, приходилось думать, как составить график передвижений так, чтобы не париться на улице или в транспорте в послеполуденное пекло.

То и дело отключалось истощенное вентиляторами электричество, работать за компьютером было стремно.

– Шеф, на Ямки эти меня отпустите? – спросил, заглянув в комнату главного, Андрей. – А то через номер я темами исчерпаюсь...

– Ага, иди... А ты с этими... э-э... официантками там ничего не преувеличил? В творческом, так сказать, порыве? Не потянет нас этот менеджер за диффамацию?

– Да вы чё, Михал Юрич! – выпятил губу Андрей. – Он сам полтиража выкупит и как рекламу раздавать станет!

В пригород, куда не достала алчная лапа застройщика, Андрей попал еще до сиесты. Район был зеленый, тесно заставленный домишками, небогатыми, в три окна. На улочке, по которой не разъехались бы две легковушки, не было ни души.

«Ну как не Московская область!.. Пустыня! Спросить не у кого, номеров на домах нет...»

Наконец, в конце улицы показалась женская фигура. Андрей остановил машину.

– Здравствуйте! – заговорил с аборигенкой еще издали.

– Здрасте, – процедила она, недоуменно оглядываясь на него.

«Ага, я у нее первый мужчина за весь день», – внутренне скривился Андрей.

На нескладной, давно и безнадежно оплывшей фигуре было напялено светлое ситцевое платье – просто ночная рубашка с карманами и шлевками для несуществующего пояса.

«Господи, да где ж такое уродство производят? Или местный от-кутюр?»

– Тарасова Мария Федоровна где тут проживает, не подскажете?

– А вам зачем? – поинтересовалась женщина подозрительно.

«Посвататься к ней хочу, блин! Такие браки у нас в столичном регионе очень в ходу!»

– Я из газеты...

Андрей вынул из нагрудного кармашка стикер с адресом.

– У нее дом номер восемь.

– Не зна-а-аю, – покачав головой, ответила женщина, все так же сканируя его. – Нет у нас таких.

Во взгляде ее читалось: «Железом каленым пытай – не скажу!»

– Спасибо, – бодрясь, ответил Андрей и покатил вверх по улочке, явственно представляя, как аборигенка пристально глядит ему вслед.

«Это когда-нибудь у них кончится? Ведь прекрасно знает и молчит просто от... А отчего она молчит? Ведь совсем не старая, еще и пятидесяти нет, а пуганая-то!»

Дом номер восемь отыскался на удивление легко – по надписи на жестяном почтовом ящике. Там же была и нужная Андрею фамилия. Видимо, баба Маня некогда была пламенной коммунисткой, потому что на ящике чудом сохранились обшарпанные, выцветшие остатки вырезанных газетных заголовков «ПРАВДА», «ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ» и прочее в этом духе.

«Отсюда и активная жизненная позиция».

Андрей снял проволочную петлю, изображавшую запер калитки, прошел во двор. На крылечке, на самом солнце, лежал, распластавшись, пушистый черный кот.

– Приятель, а ты, часом, не закипишь? – вполне серьезно осведомился Андрей.

Кот никак не отреагировал, но дверь приоткрылась, и оттуда выглянула недавняя знакомица.

– Здравствуйте, Марь Федоровна, я Андрей, из «Крестьянской газеты». Помните меня?

– А, да... Я выйду сейчас.

Коммунистка в дом его приглашать не стала, да он и не просился – в плечах тесновато будет.

– ...На остатки пострадавшей машинки взглянуть не дадите? – спросил Андрей у соседки Марии Федоровны, выслушав рассказ о возмутительном вторжении.

– А вам это зачем? – ревниво и подозрительно осведомилась соседка.

– Для документальности. У вас какие-нибудь предположения есть – зачем она этим парням понадобилась?

– Дурью маются, вот что.

Но Андрея в сарайчик, ставший хосписом для смертельно раненного «Зингера», все-таки отвела – под присмотром бабы Мани и собственного сына, мужичка неопределенного возраста и определенно хронически пьяного.

Во тьме сарая Андрей напряг зрение, нашел на бедре машинки номерок – он начинался

с семерки! Его не тронули, значит, не он, как таковой, интересовал тех деляг. Рядом с ним красовался шрам, видимо от напильника. Не случайная царапина, а целенаправленно сделанный пропил.

«Нет, тут что-то явно с металлом связано – это ж явно пробу отбирали!.. А колесо увели, чтобы агрегат стал бесполезен и его отправили прямиком на местную свалку! Точно... Там бы его и подобрали. А то тащи ночь-полночь такое!.. Умно придумано, но тут, похоже, они сами себя перехитрили».

– Ну и чего ты там высмотрел? – пытаюсь удержать похмельно-непослушные глаза, осведомился хозяйкин сынок, околачивавшийся поблизости.

– Ну, кое-что, – пожал плечами Андрей.

– Сам не возьмешь? – блудливо улыбаясь, тихо предложил мужичонка. – За три тысячи отдам.

– Ишь ты, отдавальщик! – возникла откуда-то соседка. – Не тебе оставляли, не тебе и продавать! И вообще...

Она повернулась к Андрею.

«Сейчас заодно и мне влетит!»

– Ступайте отсюда! Нечего тут... Продам кому хочу! Моя вещь!

– Это точно, – охотно улыбнулся Андрей. – Ну, спасибо за любезный прием... Всем успеха!

Отряхивая руки, вышел со двора. Вслед понеслись звуки разгорающегося семейного скандала. Баба Маня ждала его у своей калитки.

– Ну, выяснили чего?

– Да почти ничего. Что-то эти ребята в машинках ищут, а что – непонятно.

– Эти «Зингеры» когда-то в приданое давали. Как старшая дочка замуж выходила – ей швейную машинку покупали.

– А младшей? – общей эрудиции ради поинтересовался Андрей.

– Как получится. Дорогая вещь была. Для города швейная машинка – как корова для деревни.

– Хорошая ассоциация... А больше ни к кому не забирались здесь?

– Да вроде нет.

«Так, пора! Солнце активизируется».

– Вот вам, Марья Федоровна, моя визитка. Если будет что-то особенное – не обязательно с этим случаем связанное, – звоните, приходите. Мы активным людям всегда рады.

Солнце карабкалось в зенит решительно и поспешно, как божья коровка вверх по травинке. В салоне простоявшей час на припеке машины было как в домне.

«Прогулялся в рабочее время, взбудоражил местное население... А что в сухом остатке?»

– Как успехи, герой? – повернулся к нему потный главред.

– Мм... – отвел глаза Андрей.

– Понятно.

– Эх, Никитича бы спросить, а? Тут что-то действительно с железяками связано...

– А ты это установил? Как?

Борода поднял на лоб очки.

– Там явно забирали пробу металла. Я было подумал – может, клад в одной из этих машинок ка кой-то был... Но за столько лет!.. Их перевозили, передавали по наследству, ремонтировали, чистили, наверное, как-то – так что вряд ли... Нет. Скорее металл.

– А, это уже теплее...

– Ой, про «теплее» не надо! – рядом с комнатой главного остановилась Валя, с сумкой и в темных очках. – Телефон послушаешь, Андрюш? Я обедаю.

– Да, ступай. Я посижу подумую.

«Так, ветеранов мы либо потеряли, либо они информативно несостоятельны... Надо поработать с молодежью!»

– Да, дядь Андрей, – ответил после нескольких сигналов Сережа Павлючок.

Плотным фоном звучали детские голоса.

– Ты как? Плавишься?

– Да нет... Мы на речке, тут ничего...

– Смотри, чтоб конь не унес.

Павлючок хмыкнул.

– Я его сам, пожалуй... А чего вы хотели?

– Ты ко мне вечером не заскочишь? Дело есть на миллион долларов.

– Приду, ладно, – важно растягивая слова, согласился Павлючок.

«Главное – быть кому-то нужным!» – произнес про себя Андрей.

Хотя не терпел этого лозунга. Отец называл его «коммунякским».

Тут его ленно блуждавший по комнате взгляд остановился на листочке, прижатом пресс-папье, вероятно ровесником самой газеты. Листок, располагавшийся в центре его стола, был исписан Валиным почерком. Внизу маркером выделены слова: «Андрюша, будет время – разберись!»

Андрей вчитался в торопливые строчки.

– Шеф, а что это мне Валя про какую-то соль написала? – решил уточнить у Бороды. – Вы в курсе?

Глав-вред бросил читать какую-то распечатку и повернулся к нему.

– А, да, это один равнодушный член общества звонил... Зима-то вялая была, считай, месяц только, и ту техническую соль, что для коммунальных служб готовили, они так и не забрали. Так и лежит она около товарной пристани. Теперь вот-вот, с летними дождями, начнет в реку ползти... Вернее, уже ползет.

– Ага! – возрадовался Андрей. – Может, из-за этого и конь гуляет? Присолили родимого!

– А, да! – почему-то обрадовался Борода. – Ты, как я погляжу, не теряешь остроты ума.

«Да мне вроде до маразма еще далеко», – чуть зло подумал Андрей, но любимому шефу дерзить не стал.

– Тогда мне Костыку надо, с техникой, и машину на завтра.

– Бери что хочешь, – пробурчал главред, отворачиваясь назад к столу.

Павлючок пришел, как обещал, около восьми вечера. Андрей специально приоткрыл дверь и услышал ее скрип, когда Павлючок, широко улыбаясь, уже проник в прихожую. Он был в шортах цвета хаки, загорелый уже до черна.

– Заходи, мишка шоколадный. Будь как дома.

– Только я недолго... Мамка к восьми на дежурство уходит.

– Да, понятно. Серега, ты, может, слышал – какие-то крутые ребята по городу шастают да на старые швейный машинки охотятся. Нет?

– Как не слышать! Они и у нас были. Вежливые все такие, для музеев, говорят, собираем. Только им никто не поверил. Темнят, точно.

– А народ какие версии на этот счет выдвигал? Поделишься?

– Ну, – Павлючок наморщил шишкастый лоб, – говорили, что номерок жестяной на одной машине – это ключ ко вкладу в каком-то крутом банке типа швейцарского. Ну, типа кода доступа. Но на это только глупые повестись могут. Это ж лажа полная – какой код, если они чисто дореволюционные?

– Ну почему?... В принципе это возможно. – Андрей записал версию в блокнот. – Если учесть, что на такой счет за сто лет ба-а-альшие проценты выросли, за это стоило бы по помойкам бегать. Но даже если такой счет существует, надо еще доказать, что ты имеешь на него право, а это проблематично. Еще что есть, собкор?

– Ну, еще балаболят, что еврей один богатый, еще в революцию, в одну машинку

вилки-ложки золотые сунул, когда большевики обыски проводили... Так это тоже фигня! Давно бы уж нашли, да?

– Да, я тоже такую версию обдумывал. Но тоже отказался. Чаю попьешь?

– Да нет, жарко. Я пойду, если это все. Мне дежурство по братану принимать.

– Ну, ты там посматривай за этими парнями – если опять появятся, брякни сразу, если не затруднит.

Павлючок кивнул и исчез так же быстро, как появился.

«Концепция пока не выстраивается». Андрей пошел стряпать ужин.

Анна не звонила уже три дня, и, может, соскучившись, позвонит сегодня. Андрей прождал до глубокого вечера, наблюдая, как синеет небо, как одна за одной, из икринок, вылупляются звезды, а с горизонта восстает кроваво-красное марево.

Анна так и не позвонила, возилась, видимо, с поджарившимися, как пирожки, малышами, а утром Андрея в редакции ждал Костик с камерой.

– Давай по-быстрому, а? – как водится, заканючил он. – Пекло такое... Мозги плавятся.

– Мы только туда и обратно. Не зуди.

До речного порта они добрались еще до девяти утра. Сама соляная горка, грязно-серая, просматривалась издалека. Остановились, чтобы Костик сделал пару снимков.

Доступ на территорию речного порта прикрывали воротца из ржавой арматуры. Они были на замке, и на их с Костином появление из беленной по старинке будочки вылез распаренный охранник в черной форме. Вообще жизнь на территории этого порта семи морей отнюдь не кипела. Даже кудлатый пес, лежавший в тени будочки, не соизволил их облаять – хотя бы ритуально.

– А вы кто такие? Чего тут? – сразу наехал на незваных гостей охранник. – Тут режимный объект.

– Здравствуйте, – изобразил ликование Андрей. – А мы к вам из «Крестьянской газеты». Хотелось бы поговорить с кем-то из руководителей.

– Нечего! – отрезал охранник. – Уезжайте.

– Не выйдет, – делано вздохнул Андрей. – Нас послали, и мы пошли. Ну, на задание, в смысле. Вы позвоните, доложите...

– Нечего, я сказал! – рявкнул охранник. – Поворачивай оглобли, кому говорят!

Андрей уже успел нажать на мини-диктофон, висевший на шее под футболкой, на всякий случай. Вот мы запишем, как вы с прессой общаетесь!.. Но набиваться на неприятности чересчур открыто и рисковать провалить задание было не резон.

Они с Костином отошли к машине, Андрей вынул мобильник. Валя дала ему бумажку с телефонами директора и зама речного порта. Краем глаза Андрей видел, что охранник сам куда-то звонит.

«Ага, руководству докладывает, что журналоги понаехали! – догадался Андрей, услышав писк в трубке. – Сейчас прибегут, любезные!»

Действительно, от стоявшего фасадом к реке старого деревянного дебаркадера – в пору фильм из старинной жизни снимать – к воротам поспешно двигалась объемная мужская фигура.

«Значит, тут не только соли через край... Чего-то испугались».

– В чем дело? – крикнул, подойдя вплотную к решетке, одетый в цивильный костюм мужчина. – Вы к кому?

«А вот покричи, покричи!» – подумал Андрей и вполголоса ответил:

– Мы к вам из газеты.

Костик метнул на него встревоженный взгляд – чего это он?

– А? Не слышу!

Андрей отлепился от машины и направился назад к воротам.

– Ваш человек агрессивно себя вел – вынуждены были отступить на безопасное расстояние... Мы корреспонденты из «Крестьянки». – Андрей развернул удостоверение. – А

это наш фотокорреспондент.

– Я директор... А чего вы хотели?

Мужику было лет сорок. Лысоватый и полноватый, он тоже явно страдал от общения на открытом воздухе в зной.

– Побеседовать на предмет судьбы этого антропогенного сооружения.

Андрей небрежно ткнул пальцем в посапывавшую поодаль горушку.

– А, это... – У директора явно отлегло от души. – А что с ней?

– Да вот экологи местные и прочие неравнодушные граждане беспокоятся, что при первом же сильном дожде вся эта масса окажется в реке.

– Да нигде она не окажется! – махнул рукой речной директор. – Сколько себя помню, столько здесь и складирuem. И ничего, все живы.

Мужику стало скучно.

«Тут, видать, есть вещи поинтереснее соляных столбов. Иначе ты б так не пугался бы», – подумал Андрей и сказал веско, серьезно:

– Так позвольте пройти, взять у вас точную информацию. Успокоить общественность, наконец. Сделать снимки, из которых наши читатели поймут, что никакой опасности для окружающей среды нет. А?

– Ну ладно, зайдите... Только пусть вас запишут. Паспорта с собой есть?

«Чего-чего, а паспортов у нас, допустим, завсегда навалом».

Действительно, первое впечатление Андрея не обмануло. Работа на территории «порта» – на это величавое слово пристань не тянула – отнюдь не бурлила. Никаких титаников у дебаркадера пришвартовано не было, а единственный кран стоял без движения, как чучело аиста в краеведческом музее.

Они прошли по небольшому двору, пустынному, даже чистому. Пес так и не удостоил пришельцев вниманием.

– У вас что – летнее затишье? – решил уточнить Андрей. – Или всегда так?

– У нас работа сезонная, – бросил через плечо директор. – Как капусту грузить будем, так только успевай. Баржа за баржей.

В кабинете на втором было прохладно – работал кондиционер.

– Так что вы хотите? – Директор сел за стол.

Андрей поставил перед ним диктофон и нажал клавишу.

– ...И ничего реке не сделается, никуда соль не поплывет, – продолжал директор, ведя их назад на выход. – Намокнет – высохнет, как всегда. Просто в этом году ее побольше осталось, раз коммунальщики не забрали. Позаметнее... Даже лучше, если дождиком обрызгает.

– Почему? – удивился Андрей.

– Хоть не раздует по окрестностям. Да и все равно – как ни крути, вся эта соль рано или поздно в реке окажется. Если ее на улицах раскидают, все равно через водоток в реку попадет... Разница только во времени и концентрации.

– А вот это существенно, – заметил Андрей.

Директор понял, что проговорился.

– Да не существенно – грамм больше, грамм меньше. Из земли добыто, в землю вернется. Не очень хорошо для природы, конечно... Но не я это придумал, и не я эту соль заказывал. На Западе давно этим не пользуются.

– Ну вот видите, а вы не хотели с нами разговаривать, – нарочито громко, чтобы слышал охранник, проговорил Андрей. – Все и выяснилось. С прессой надо общаться конструктивно, а не орать «пшла вон!». А?

Директор мельком и хмуро глянул на своего работника, а потом, изображая запоздалое радушие и с видимым облегчением, пожал руки Андрею и Костику.

– Чего ты перед ними выеживался? – недовольно пробурчал фотокор, захлопывая дверцу. – Время только тянул.

– На будущее, – ответил Андрей, выруливая на дорогу. – Создаю положительный

имидж прессы.

– Надо тебе, – так же хмуро буркнул Костик. – А куда это мы едем?! Поворот пропустил, Шумахер!

Андрей, вместо того чтобы свернуть влево, в город, поехал прямо, до понтонного моста.

– На ту сторону съездим. Панораму с горой снимешь.

– Ой, ну не надо, а? Я все уже снял, и гору долбаную эту, и бетон дырявый... Фактурненько так... Поехали домой, а?

– Да это три минуты. Успеешь на кормление... «Фотокор дойный».

Под колесами мягко качнулся мост – такое странное, тревожное чувство. Наверное, то же испытывают пешеходы, идущие по зыбкому подвесному мостику через пропасть где-нибудь в Гималаях.

Сразу за мостом Андрей свернул на пологий берег. Тут их с Костиком поджидало невиданное зрелище. Вероятно, именно здесь, на неоглядном поле, и произрастала та самая капуста, которую осенью будут вывозить баржами. Сейчас капуста словно бы цвела – буйно и рьяно, огромными, размером чуть ли не с футбольный мяч, белыми соцветиями. Над нею, гоняясь друг за другом, вилось невероятное количество бабочек-капустниц. Поодиночке не слишком-то эффектные в своих простеньких белых платьицах, в таком количестве они были просто фантастически прекрасны. Кроме того, бабочки сидели, густо опушая кромку воды, у самой речки и пили, регулярно, будто волнами, сменяя друг друга.

– Ох, вот это кадр! – грохнул Костик, поспешно хватаясь за камеру. – В журнал какой-нибудь крутой толкануть можно!

– Вот, чувак, а ты – домой, домой! Снимай давай, пока я добрый!..

Костик, ошалева от нежданно подвалившей вкусной натуры, принялся снимать капустниц и у воды, и влет, нарочно пугая их, чтобы шелкнуть на фоне бледно-голубого неба.

«Вечно с Костькой так – сначала не выманишь, потом назад не загонишь!»

Андрей с завистью отметил, что бабочки, кроме игр в догонялки и кормежки, попутно занимаются вполне конкретными... глупостями.

– Ты горку-то шелкнуть на забудь, – процедил Андрей, проходя мимо самозабвенно гонящегося за выгодным ракурсом Костика.

– Да я уже... О, блеск!

Бабочки, вспугнутые шагами, вспархивали трепетной белой волной и снова садились, опуская в сырой песок длинные хоботки, улетали-прилетали и еще взапуски кокетничали друг с другом.

«Вот, им не надо Ваньку Купальщика ждать – у них целыми днями... все это! Это ж сколько гусениц после такого безобразия появится! Сожрут капустку! Баржи порожняком уйдут».

За этими фривольными, но простительными вследствие жары мыслями Андрей прошел по берегу довольно далеко – уж больно было здесь хорошо!..

Тропинка поднялась на невысокий берег, и песчаная отмель скрылась от Андрея за довольно густым кустарником, в основном ивами с продолговатыми серебристыми листьями.

– Ух, черт! – вслух выразился Андрей, неожиданно споткнувшись.

А споткнулся он о предмет в общем-то незаурядный для такого места – женскую босоножку на толстой деревянной платформе, пожалуй новую, в легкомысленных стразах.

«Как же хозяйка домой дошла?» – подумал Андрей и резко затормозил.

А может, она и не...

– Андрюх, ну, поехали! Жрать охота!

«Ох, не испортить бы нам здесь аппетит!» – внутренне холодея, подумал Андрей, внимательно приглядываясь к пыльной траве.

Ага, вот и еще что-то... Заколка, тоже в блестящих камешках.

– Андрей, ну чего ты там застрял? – донесся совсем тоскливый Костиков вопль.

Тут Андрей увидел вторую босоножку. От первой она разительно отличалась тем, что по-прежнему была надета на ногу, выглядывавшую из кустарника. Если не приглядываться, то и не заметишь... Ноготки на ножке были покрашены игривым ярко-розовым лаком – в цвет ремешков. Ивняк вокруг заметно поломан, но листья пожухли чуть-чуть... Значит, все произошло недавно...

Так и не решившись раздвинуть кусты и посмотреть на ту, которой принадлежала нога, Андрей резко повернулся и пошел назад, к машине.

– Ну, чего ты там, давай пое...

– Поездка отменяется. В ментовку звонить надо.

– Че-го-о?!

– Там... – Андрею пришлось сделать над собой усилие, чтобы выговорить это слово, – там труп. Девушка... кажется.

– Откуда труп? – оторопел Костик. – Ты что – перегрелся? Какая девушка?!

– Не знаю, не смотрел...

Трясушимися руками Андрей взялся за мобильник.

– Слушай, Андрюх, может быть, мы того, в редакцию, а потом уж... позвоним? Весь день здесь проторчим... А? Пусть бы без нас разбирались...

– А я тебя не держу, – огрызнулся Андрей, наконец вызвав служебный номер Загашникова. – Пешком через мост, а там на трамвае.

Костик очень хотелось последовать совету, но он взял себя в руки, хоть и выглядел страдальцем, кусал губы, бормотал, что с самого утра знал: простым выездом на задание не обойтись. Андрей был готов цыкнуть на коллегу, но Загашников поднял трубку.

Андрей слегка откашлялся:

– Товарищ майор, это Андрей Полевой из «Крестьянки»... Похоже, здесь необходимо вмешательство ваших коллег...

Пока Андрей, стараясь звучать уверенно, объяснял майору, что видел и где они находятся, Костик, скособочившись, пошел по берегу, но почти сразу повернул обратно.

– Хорошо, вас понял, – отрапортовал майор. – Сейчас я группу направляю... Не уезжайте.

– Слушай, с ней такое сделали! – сообщил бледный Костик, ежась. – Меня чуть не вырвало.

– А какого ты совался? – рявкнул Андрей.

– Так снять же надо было... Материал все-таки.

«О господи! Заставь кое-кого Богу молиться!»

Через двадцать минут они увидели, как на мост с другого конца, медленно, словно крадучись, въезжают две милицмейские машины.

– Ох и застрянем мы тут...

– Во-первых, я тебе предлагал свалить, а во-вторых, мы даже не свидетели. Умолкни.

Майор, лоснящийся и недовольный, вышел из первой машины.

– Ну, товарищи журналисты, – бодренько начал он, сдвигая фуражку на затылок, – показывайте, что вы тут обнаружили...

– Так ты говоришь, сынок, у Добреневского моста?

Борода был расстроен, но репортерский дух – а может, инстинкт бывшего сотрудника органов – брал свое. Сам того не ведая, он причинял Андрею дикие душевные муки, расспрашивая его.

– Это... там, где и тогда? Ну, тоже находили?

– Да, сынок, да...

Главред встал и принялся ходить по комнате. Верстальщик Боря, не переставая таскать мышкой текст по экрану, как-то боязливо оглядывался на них. Валя стояла в дверях, тоже огорченная и озабоченная.

– Второй раз за май! – вздохнула она. – И опять у речки, заметьте, ребята.

– Ну ладно, – решительно сказал Борода. – Работать все равно надо. Андрюш, ты, если хочешь, можешь быть свободен.

Главред сел доверстывать номер, а Андрей с Валею, которая поспешила к звонившему уже вторую минуту телефону, ушли к себе.

Идти домой и оставаться там наедине с неприятными мыслями о возвращении водяного коня, явно перешедшего к активным действиям против женского населения, Андрею хотелось еще меньше, чем сидеть в раскаленной редакции.

Клим, глава местных язычников, как и в прошлый раз, сидел и читал среди амулетов и оберегов. Только сейчас на нем была редкая, сплетенная из суровой нитки безрукавка и легкомысленные штаны до колен.

– А, привет, – дружелюбно поздоровался он.

Покупателей, как водится, было немного, и Клим, видимо, был не против возможности поболтать.

– Какие новости? – осведомился, вытаскивая откуда-то брезентовую рыбацкую табуреточку. – Присаживайся.

– Не, не надо... Я ее раздавлю. А новости две.

– Ага, начинай с хорошей, – сразу уловил Клим.

– Очень скоро у тебя сильно увеличится товарооборот.

– Хорошо! Нам деньго-рубли нужны.

– А...

– А может, не надо? – радостно осклабился Клим, разглядывая Андрея снизу вверх.

– Надо, Климушка, надо... Предупреди своих – кто там в непосредственной близости от водных артерий живет...

Клим поднял выгоревшие брови.

– Конь опять шалить начал.

– Водяной, что ли? – слегка померк язычник.

– Другие девушек не кушают. Он самый.

– Да, я чего-то слышал...

– Сегодня утром еще одну нашли. И тоже у водоема. Просек фишку?

– Да-а. – Клим как-то весь сжался, подобрал вольно вытянутые на середину прохода голые ноги – будто испугался, что кто-то утащит его прямо из торгового зала, хотя водоемов рядом не было, да и на девушку он тянул слабо. – Фишка еще та. А это точно?

– Куда точнее! Сам видел. Только это конфиденциально. Чтобы панику не сеять.

– А чего ее сеять? – пожал плечами Клим. – Она сама прорастает, иногда на голом месте. Но вообще, спасибо, брат.

Они сокрушенно помолчали.

– С праздником вашим все по-прежнему?...

– Да, все как планировали. Готовимся.

Андрей пошел в кафетерий, оставив Клим с тяжелой думой на челе и трусливо поджатыми под себя волосатыми ногами.

– Сынок! – встретил его распаренный Борода на следующее утро. – Ты тут позамещай меня до обеда, а я в типографию и по делам. Горку мне ту, соляную, в следующий номер дашь?

– Не проблема, Михал Юрич. Езжайте.

– А чей-то глав-вред сам с пленками поехал? – спросил Андрей у Вали, что-то неторопливо набивавшей на компьютере. – Из доверия ты у него, что ли, вышла?

– Да нет, – ответила Валя, не отрываясь. – Он еще к своим, этим, коллегам бывшим...

– По поводу гнусного разгула водяных чудовищ?

– Ага... Не обижаешься?

Она наконец подняла на него глаза.

– Что тему перебивает? Нет, Валя, за перебой этой темы я не обижусь никогда, тем более на любимого шефа.

– Не любишь криминал?

– Не люблю... Мне бы цветочки-василечки...

– Ох, вспомнила! Про цветочки... Вчера, когда ты ушел, «по мылу» тебе из Германии пришло... Того фермера сверстали – просят дать согласие. Я пыталась ему по факсу протолкнуть, не выходит. Линия старая. Не съездишь сверить текст? Я распечатаю?

– Да, это именно то, что хэrrу Штепаноффу надо! – фыркнул Андрей, получив распечатку на немецком.

Он не был силен в языке Гёте и Шиллера, но сам факт был приятен – их с фермером оценили за рубежом.

– Ладно, только завтра. Сейчас соляной столб по горячим следам опишу и...

Видя, что он отошел от вчерашнего мрачного настроения, Валя осторожно сказала:

– Мне Анечка звонила.

– Да?! – слегка подскочил Андрей. – А мне она чего не звонит? Я тут извожусь, а она!..

– Не кипятись, Андрюша... Это очень поздно было – раньше у нее не получилось. Не хотела тебя будить... У нее все хорошо, тебе привет.

– Ага, большой и горячий!.. У нее что – мобильника нет? Давай я куплю, отвезу...

– Там плохо слышно.

– Сейчас везде хорошо слышно, Валя, дорогая!.. Это все отговорки. Она специально с местного на местный звонит, чтобы я ее по номеру не вычислил. Ты хоть предупредила, чтоб осторожнее была?

Приличное настроение взлетело и унеслось, как стая капустниц.

– Да и так весь район взбудоражен.

«Эх, дали б мне сейчас эту горку минут на пять – я б сам ее в речку спихнул... Легким движением руки... Чтоб коня того засолить, как кильку».

– Валь, не надо на меня так коситься, а? Я в порядке, – с трудом сдерживаясь, прошипел Андрей и сел за работу.

Валя обиженно промолчала, а Андрей принялся колотить по клавишам, изощряясь в едкой иронии по поводу нелепостей современной российской действительности.

Статья у Андрея была вчерне готова, можно было до самого пекла сходить на перерыв.

Снаружи было не просто жарко – в воздухе обнаружилась гнетущая духота, которой вчера, особенно у реки, заметно не было. По выцветшему небу, высоко, растянулись белесые крылья облаков, в зените разбивавшиеся на отдельные перышки.

На полпути к центру Андрея остановил дух свежей выпечки, исходивший от летнего кафе.

«Напрасно Анна О. беспокоится за мое здоровье... Разве больной так к еде вожделеть будет?!» – размышлял Андрей, кладя в рот одну за одной дышащие кулинарной невинностью завиточки.

Вдруг он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Поднял голову.

– Ой, а мы на вас любимся! – встрепенулась дама средних лет, в фирменном халате и белом переднике, вытиравшая соседний столик.

– На предмет? – довольно ухмыльнулся Андрей, опять расслабившись.

– Вы так лихо уписываете...

– Уписывать лихо – моя профессия! – ответил Андрей, вальяжно цыкнув зубом.

– А мы вас зна-а-ем! – донеслось оттуда, откуда исходил сладкий аромат ванили.

– Ну да? – оглянулся он.

Из окошечка выдачи на него глядели два улыбающихся девичьих личика.

– Ага, вы ведь из газеты? Про всякие чудеса пишете.

– Ну, не было б здесь чудес, и писать было б не о чем.

«Эх, как лихо мы уписываем, лихо!» Андрей томно потянулся. Почему не поболтать с

этими девчонками? Никого, кроме него, в этот момент в кафе не было... Работа с населением – главное, как говорит великий вождь и учитель Михал Юрич Борода! Может, удастся продвинуться в деле о распотрошенных «Зингерах»?

– Кстати, о непознанном, милые дамы и девушки.

Все три его собеседницы чуть напряглись.

– Что это у вас здесь за поветрие такое – покупать и разбирать старые швейные машинки? На запчасти вроде они уже не годятся...

– А, да! – Дама-уборщица перестала протирать столы и повернулась к Андрею. – Я их даже видела, этих мерзавцев...

– Да почему мерзавцев? – снисходительно усмехнулся Андрей.

Он промокнул губы крошечным кусочком салфетки и приготовился слушать очередную версию.

– А потому, что они хотят эти машинки за три тысячи купить, а стоят они миллионы!

– В связи с чем?

Дама в переднике подошла поближе и заговорила на тон ниже:

– В революцию, говорят, когда большевики богатых раскулачивали, какой-то из наших местных купцов все золото, которое у него было – ну, все, что нашлось, – перелил в форму той самой швейной машинки, черной краской покрасил, на самом виду поставил. Так от конфискации прятал! К нему как придут ценности забирать, он им – нет ничего, товарищи дорогие! Пусто! Вот те шаромыги такую машинку и разыскивают!

Уборщица смотрела на него широко раскрытыми глазами – понимает он, что за безобразие происходит?!

– Знамо дело – там, говорят, два пуда чистого золота!

– А чт-о-о, – важнецки протянул Андрей. – Похоже на правду.

– А я вот другое слыхала! – заговорила девушка из окошка.

– Ну да?

– Ага... Но тоже навроде этого... Будто бы в какой-то машинке дупло высверлено и там – брильянты! Тоже в революцию спрятанные. Только на этой машинке где-то номер должен быть специальный – 7777!

«Версия с золотым корпусом представляется более правдоподобной», – собрался было сказать Андрей, но тут за металлическую загородку зашла мама с двоими ребятишками, и девчонки отвлеклись на обслуживание.

Дама в переднике тоже встала. Надо было идти и Андрею.

– Спасибо, девушки, за гостеприимство, – сказал он в пространство. – Зайду завтра. Не ску чайте.

«Вот, народ меня знает и любит. Любит! Девушки в лицо узнают... А ну, как изменю я Анне О. – посмотрит она у меня!»

Конечно, в глубине души он знал, что такого никогда не будет, но узнать о том, что пользуется успехом, было приятно.

В редакции Андрей застал главреда, который диктовал что-то Вале, сидя рядом и держа под носом исписанные от руки листки.

Андрей сел за компьютер и стал просматривать в общем-то готовый материал. Борода что-то наговаривал Вале, очень тихо и невнятно.

«Значит, не мое дело».

Потом редактор встал и, взяв с принтера плотно забитый текстом листок, сам набрал номер на факсе и куда-то его прокатал.

«Точно – органы криминального выделения заработали!»

– Андрюш, как там у тебя соль земли?

– Хотите приобщиться, шеф? Щас распечатаю.

Борода ушел к себе, унес свой листок с собой.

«В урну не бросил... Да, дела у нас в городе, видать, неважные... И все – эта жара!»

– Валь, ты не в Сети?
– Нет, а что?
– Погоду на ближайшее время не знаешь? Там облака на небе какие-то аномальные – перинистые.

– Перистые! – хихикнула Валя.

– Да знаю я... И голова в полет просится.

– Голова знает, что делает... Похолодает к выходным, ее правда.

Андрей отнес шефу «соленую» распечатку. Тот сидел и читал какой-то явно старый документ, пожелтевший и напечатанный хорошо если на «Москве», а то и на ундервуде.

– Вот вам горка, Михал Юрич.

При его появлении Борода быстро сложил листок. Взгляд у него был отсутствующий.

– Да, сынок, спасибо... Ты мне вроде говорил, что Костик вчера снимки делал, ну, когда вы...

– Делал... Хотя я не уверен, что мы имели на это юридическое право.

– Ну, до того, как место не объявлено местом преступления... Хотя это не твой вопрос. Значит, снимки у Костика... Ладно, я сам выясню.

– А завтра напораньше машину взять можно?

– Да... Ты куда конкретно намылился? А то мне тревожно будет.

– К фермеру съезжу, к Степанову. Его в Европе пропечатать хотят – немцам виза нужна.

– О, это хорошо! – чуть взбодрился главред. – Ты потом черкни пару слов об этом, ладно? Мол, сельское хозяйство района выходит на европейский уровень. И роль нашего издания тактично укажи.

Борода посмотрел на Андрея чуть ословелым, влюбленным взглядом, опустил ему в ладонь ключи от машины и отвернулся. Но листок при Андрее так и не раскрыл.

«Будто я сумел бы что-то прочесть... Ну да бог с ним... А похоже, на сегодня я отработал?»

Было два часа дня. В следующий номер он материал представил, на перспективу сойдет – если не будет ничего лучше – ехидный комментарий об искателях сокровищ.

«Пилите, Шура, пилите!»

Духота снаружи приняла консистенцию большого, непреодолимо вязкого комка сдобного теста. Некто невидимый садистски тщательно закатывал в этот комок и город, и деревья, и воробышков, и собак, и людей... Зной мягко и неотвратно залезал в нос, в легкие, закупоривал их герметически. Ни единый листик не шевелился. Солнце, как яичный желток, без следа разошлось в застилавшем небо белом, как тесто, мареве.

Редкие прохожие тащились, вполглаза подремывая на ходу – как усталые деревенские лошадки. Торговцы на лотках тоже спали стоя и не зазывали покупателей.

«Куплю квасу – и домой!.. Может, дождик пойдет? Или гроза – чтоб молнии через все небо!»

Гроза разразилась только в восемь вечера, протужившись невероятно долго, умучив себя и природу. Когда гром грохотал прямо над домом, позвонила Анна. Ему пришлось заткнуть пальцем ухо – иначе, даже при поспешно захлопнутом окне, он бы ничего не услышал.

– ...У нас тут гроза такая – просто жуть! – почти кричал он в трубку, в которой отчаянно трещало и скреблось.

– У нас тоже была, но почти прошла.

– Ты хоть там в безопасности? На улицу не выходи!

– Да какое там выходить! – засмеялась Анна. – Сама-то я грозы не боюсь, но малышня!.. Пришлось прикрыть их руками и сидеть, пока грохотать не перестало... Как насадка с цыплятами!.. Ты-то как?

– Работаю много... События, правда, не всегда радуют.

– Да, я слышала, – вздохнула Анна.
– Что?
– Ну... – Она тихонько кашлянула. – Будто бы опять нечисть водяная появилась.
– Я тебе оберег купил.
– Да?! – явно обрадовалась Анна. – А как он выглядит?
– Зачем я буду описывать? Позволь мне его тебе вручить... Самый тот случай.
– Ну, мы же договорились... На празднике.
– Мы ни о чем не договаривались, Аня! Это просто твои капризы!
«Русалка! Истинная русалка! Заманивает!»
– Нет, не капризы, Андрюшк, не капризы... Я должна выдержать... Думаешь, я не хочу тебя видеть?
– Не хочешь, конечно, – без труда подпуская в голос обиду, сказал Андрей. – Хотела бы – сказала бы, где ты... Я б сам приехал! До праздника еще больше месяца...
– Как – больше?! – воскликнула Анна. – Разве не на солнцестояние? Оно же вот-вот!
– Да, но праздник-то на Иоанна Предтечу – вось-мо-го и-ю-ля-а-а!
– Ох, – выдохнула она в трубку. – Да, долго... Не рассчитала я.
– Так что? – твердо спросил Андрей, чувствуя, что вот-вот Анна сломается.
– Ну, приезжай... Это недалеко – как поселок Первомайский проедешь, полтора километра по грунтовке. Лагерь отдыха «Солнышко». А когда будешь?
– Через полчаса.
– Ой нет! – всерьез испугалась Анна. – Сейчас не надо! Темно, дождь. Ты заблудишься.
– Да шучу я, Ань... Завтра с утра жди.
– Я очень жду, Андрюшк, правда.

Они еще немного поговорили, потом Анну отогнали от телефона коллеги, не желавшие тратиться на мобильники.

«Завтра я увижу Анну!.. Завтра, завтра!» – сладко потягиваясь на своем диване, размышлял Андрей.

Многого ждать от этого визита не приходилось, но хоть что-то... Он должен был убедиться, что Анна к нему равнодушна, как-то определиться с их отношениями.

...Уличные фонари не горели уже месяц – ночи были те самые, с воробьиный нос. Андрей еще долго лежал, наблюдая, как озаряют комнату призрачные вспышки далеких зарниц. Гроза, оттанцевав два больших отделения, ушла, дождь еще капал, из окна тянуло долгожданной прохладой.

Уже сев в машину, Андрей принялся обдумывать маршрут. У него сегодня три пункта назначения... Да шут с ними, двумя другими! Он едет к Анне О.

«Сдалась, русалка, а?! От меня не уйдешь!»

Утро было прохладным, но не слишком, – земля, дома, воздух настолько прожарил многодневный зной, что за несколько часов не успели остыть. Мостовые завалили поломанные ветки и мусор.

«Еще пара дней такой погоды – и начнется общероссийское нытье на тему «холодно, погода никуда, огурцы и клубника померзнут, смородина не созреет...».

Но сейчас это волновало Андрея меньше всего. Он ехал на свидание к Анне О.

Поселок Первомайский Андрею что-то напомнил... Ага, еще в начале весны он был здесь у свиновода-единоличника – у того, у которого чушки обожрались списанной взрывчаткой и погибли во цвете их свинской жизни...

Но ничто, ничто не может замарать его настроение... Зато размокшая грунтовка может запачкать редакционную машину... Но это тоже пустяки.

Лагерь «Солнышко»... Воротца аркой из металлического прута, изгородь из рабицы.

«Серьезно охраняют детишек, ничего не скажешь».

«Девятка» пискнула на прощание и, свернувшись клубочком, прикорнула. Андрей прошел уж в вовсе несерьезную калитку, закрыть которую было не под силу даже ему – так

она выросла в землю. Цветы жизни, должно быть, еще отсыпались после обильного ночного полива, поэтому «веселого гомона детских голосов» Андрей не услышал.

Аллея с клумбами настурций вела к одноэтажному домику, крашенному в трогательный голубой цвет. Сразу за фанерной дверкой обнаружился кабинет со столом и канцелярскими шкафами.

– Здравствуйте, – громко сказал Андрей, входя.

На него резко обернулась полная женщина более чем средних лет, стоявшая у сейфа. Она гулко захлопнула толстенную дверцу и заслонила ее от Андрея, словно тот был в лыжной маске с прорезями и обрезом на изготовку.

– Здра-а-св, – нехотя ответила. – А вы к кому? Вы как сюда прошли?

Тут же у стола сидел мужчина лет сорока, в черной форме охранника, явно только проснувшийся. Волосы у него на затылке стояли торчком. О бритье, по-видимому, речь просто не шла. Да, безопасность тут на высоте.

– Прошел? – задумчиво произнес Андрей. – Через калитку вообще-то... А сам я из «Крестьянской газеты», и мне нужно видеть Анну Аркадьевну Озерных. Она ведь здесь работает?

– А-а... – начал охранник страдальчески-лениво подниматься.

«...Документики?»

– ...документики у вас какие-нибудь имеются?

Андрей привычным движением достал из нагрудного кармана удостоверение и отдал охраннику.

– А зачем вам Анна Аркадьевна? – чуть нервно осведомилась дама у сейфа.

«Как бы это вам, тетенька, объяснить, чтоб не обидеть? Вы, поди, лет десять за этим делом особо никому не нужны».

– Родители кое-что просили передать.

– Вы мне оставьте, я передам, – горько оскорбясь, ответила дама, задирая оба подбородка.

– Родственный поцелуй от мамы с папой я тоже вам оставлять должен, а? – чувствуя, как рот растягивается в гнусную ухмылку, произнес Андрей.

– У нас по территории ходить нельзя.

Дама сделала пару судорожных шажков от сейфа к столу.

– Да неужели? – снова откровенно ухмыльнулся Андрей. – А я так славно прогулялся! Никто меня не остановил...

Охранник набрал воздуха, чтобы дать ему решительный отлуп.

– Ой, Андрей! – послышалось из-за спины.

Он резко обернулся. Анна О. стояла в дверях, одетая в светлое платье, и глядела на него, широко раскрыв глаза и радостно улыбаясь.

«Если сейчас она бросится мне на шею, это будет лучший момент в моей жизни! Но затем эти двое точно бросятся на нас... Я, конечно, умру самым счастливым человеком на свете, но перед этим я обязан любимую женщину... мм, защитить!»

– Да, Анна Аркадьевна, это я. Спасибо, товарищи... Удостоверение верните, будьте любезны.

Все это недолгое время охранник, кривясь, вертел его «краснокожую», а теперь вдруг вцепился в удостоверение – только не спрятал его за спину.

– Будьте любезны...

– Саша, – прошипела дама.

Андрей, чувствуя, что еще секунда – и он разнесет эту деревянную халupu, буквально вырвал удостоверение из Сашиных лап.

– Все, спасибо, – буркнул, разворачиваясь. – Пошли!

Он ринулся к выходу, по дороге подхватил Анну за талию, прижал к себе и буквально вынес наружу. Эти двое что-то похрюкивали им вслед, но Андрею с Анной было уже безразлично... Анна обхватила его за плечо сзади и прижалась к нему головой – это Андрей

ясно почувствовал, хотя чувства и мысли бегали беспорядочно, сплетаясь в яркий клубок...

...Опомнились они только на сырой скамеечке в кустах запущенной, изросшей акации. Андрей с трудом оторвался от Анны, а она сидела все еще тяжело дыша, с прикрытыми глазами. Она провела ладошкой по его щеке и даже чуть оттолкнула.

– Дети увидят, – прошептала.

– Дети сейчас и не такое видят, – тоже отдуваясь, ответил Андрей, ловя ее руку.

– Ты что-то похудел, – заметила она, чуть отстраняясь. – Или просто загорел?

– Загорел я еще в отпуске, а похудел оттого, что страдал. Не стыдно спрашивать? Сбежала, а я там подушку слезьми заливаю. Это как?

– Ну, ведь всего месяц с хвостиком я здесь, чего ты...

Анна еще раз провела по его лбу и щеке, Андрей подхватил ее руку и поцеловал в ладонь.

– Ты мне что-то привез? – кокетливо поведя плечиком, спросила она.

– Да, – Андрей полез в сумку, – вот, это тебе, чтобы нечисть всякая не клеилась, типа твоих коллег. И вот, если интересно, мои шедевры за это время.

Андрей повесил Анне на шею оберег, выпростал волосы из-под кожаного ремешка. Она, умильно улыбаясь, взяла в руку кулон.

– Натуральный камень, да?

– У меня все натуральное.

Они помолчали, глядя друг на друга.

– Когда ты окончательно вернешься в город? – решительно, почти успокоившись, спросил Андрей.

– Ну... – она отвела глаза, – как сезон закончится. Осенью.

– А почему прямо сейчас нельзя?

– А зачем?

– Ко мне – зачем?! Разве между нами ничего нет? Посмотри на меня, ну?!

Он осторожно, но крепко взял ее голову и повернул лицом к себе. Анна попыталась вывернуться и даже встать, но не то у них было соотношение физических данных.

Она просто закрыла глаза.

– Нет, ты на меня смотри. Разве мы чужие?

– Не в этом дело. Я просто еще не до конца уверена...

– А в чем? Ну в чем?

– Ну, ты знаешь...

– А детей ты как наседка пасешь – никто ведь не заболел?

– Ну нет, ты что! Все в порядке.

Она перестала сопротивляться и распахнула наконец свои большие голубые глаза. Андрей заметил, что их радужка обведена темно-синим ободком, а на загоревшем лице эти глаза вообще кажутся бездонными.

«Еще немного, и я не смогу отсюда уехать... Кинусь в ноги той тетке и попрошусь на работу – калитку охранять».

– И я в порядке... Очень даже живой.

– Я все-таки хочу убедиться в... стойкости результатов. Вот если с тобой никаких... изменений не произойдет после этой нашей встречи... тогда... Я только из этих соображений согласилась.

– Ну а тогда ты вернешься – хотя бы к августу?

Андрей отпустил Анну, напоследок, однако, вероломно злоупотребив тем, что ее бледно-розовые губки находятся непосредственно перед ним.

– Мне идти надо, – тихо сказала она, несколько раз глубоко вдохнув, чтобы успокоиться. – Детки мои, наверное, уже проснулись и бузят.

– Ничего, пусть побузят. За этим сюда и ездят. Или как?

Анна чуть грустно рассмеялась.

– Телефон мне свой дай.

Анна послушно продиктовала номер сотового, и они, наконец, встали. Над территорией уже вился радостный гомон – детки действительно проснулись.

Андрей взял Анну О. за талию.

– До машины проводишь?

– Конечно.

У калитки крутился охранник, другой, помоложе.

Андрей на прощание ограничился братским чмоком в ушко.

– Оберег не снимай, особенно у водоемов, – сумрачно пробормотал он.

Был ли он счастлив от состоявшегося свидания? Был, конечно... Он сумел настоять на своем, он увидел Анну О., и она позволила ее обнимать и целовать, наверное, тоже любит его – даже не из простой благодарности... Подтвердила следующее романтическое свидание... Да, но каково было расстаться с ней... Видеть в зеркало заднего вида, как становится меньше хрупкая фигурка на фоне зарослей отцветшей сирени? Оставалось утешаться, что все эти проволочки, отказы, попытки убежать и спрятаться – все это делается исключительно для его блага. От этих томных, горько-сладких размышлений Андрея отвлекло совсем не романтическое зрелище.

Через неширокое, в зеленой щетине поле, нелепо размахивая руками, бежала женщина, грузная, в сапогах и цветастом платье. Андрей притормозил. Интересно...

Женщина добежала до дороги, уже, видимо, из последних сил прошла еще несколько шагов и, что-то бормоча, заглянула в окно, привалившись к дверце.

– Помогите, ох помогите, – бормотала она, едва шевеля языком.

– А что случилось? – невольно отстраняясь, спросил Андрей.

Женщина шаталась, ритмично ныряла головой в открытое окно.

– Ой, помогите, ой, помогите...

– А что, что случилось? – начал злиться Андрей.

Достал мобильник, приготовился звонить.

– Ой, помогите...

– Да помогу я! Помогу! Вы только скажите толком...

Женщина чуть отдышалась, но глаза у нее были такими же мутными и блуждали по сторонам так же бессмысленно.

– Там Степка с Николаичем... в подполе... выйти не могут... помогите.

– Может, сразу спасателей вызовем? – деловито осведомился Андрей.

«Каково мне будет тянуть Степку с Николаичем из того подпола, даже если каждого по раздельности?!»

– Ой да помогите... помогите...

Женщина опять принялась шататься, вцепившись в оконный проем и явно примериваясь как бы открыть дверцу и вытащить Андрея из машины.

– Хорошо, дама, только вы казенную машину не ломайте.

Андрей закрыл окно и запер дверцу. Женщина, стоя поодаль, утирала слезы ладонью и укоризненно смотрела на него: чего он копается, когда Степка с Николаичем томятся в подполе?

– Ладно, дама, показывайте, что тут у вас стряслось.

Женщина, скользя на глинистой тропке, довольно резво побежала к постройкам, видневшимся в полукилометре от дороги.

«Да это, похоже, в самом деле тот мой герой, фермер-свинопас... Ох, опять кто-то что-то не то съел!»

Андрей все-таки решил позвонить – хотя бы в редакцию.

– Валь, это Андрей... Я в районе Первомайского, у той фермы, где свинки взорвались...

Валя хихикнула.

– Нет, тут дела невеселые... Не знаю, что именно. Может, ничего страшного...

– Да как же нестрашно! – вдруг завопила женщина, остановившись и уставясь на

Андрея ненавидящим взглядом. – Как же не страшно-то?!

– Кто это там? – удивилась Валя.

– Да вот женщина меня на дороге остановила... Ты сообщи куда следует... Пусть приедут. Лучше я потом отбой дам... Перестрашуемся.

– Я все сделаю, только ты там осторожней, – сказала Валя и положила трубку.

А они тем временем почти добрались до фермы. Аборигенка, маячившая впереди, смачно шлепала по буро-зеленой жидкой грязи, и Андрей пытался держаться от нее подальше. Но белые брюки, мамин подарок, надетые на свидание к Анне О, уже почти до колен заляпали ошметья грязи.

На территории фермы было тихо, только посвистывала где-то птица. Людей не наблюдалось, а в приснопамятном загоне гуляла дюжина небольших, но толстых свинок. Метрах в пятидесяти впереди стоял жилой дом, еще какие-то строения. Все выглядело мирно, даже идиллически, если б не резкий, кислый запах распаренного навоза.

– Вот, вот! Сюда! – Женщина оглянулась на него, указывая на деревянную хибарку по курсу следования. – Там Николаич, Степка... Да и Лешка, Лешка тоже!

Она вдруг вспомнила что-то.

– Лешка за ними полез и тоже вылезти не может! Я кричала им, кричала!..

«Ага, значит, тянем троих... Нешто потребовать с нее бутылку авансом? Так здесь заведено?»

Они подошли к какой-то хозяйственной постройке, без окон и с плоской крышей.

«Надо будет потом поточнее записать термины – подклеть, лабаз, рига... Что там еще? Ага, амбар, во!»

В земляном полу неосвещенной сараюшки со сплошными деревянными полками вдоль стен обнаружилась откинута дощатая дверца. Вниз вела крутая, с узкими ступеньками лестничка.

– Вон там, там они!.. Спустился Николаич зачем-то, его нет и нет, потом Степка пошел посмотреть... и тоже застрял. А Лешка, тот молодой, за ними. И тоже не вылезает сколько уже... Помогите...

– Эй, мужики! – гаркнул Андрей в темный, смрадный зев подпола. – Отзовись! О-го-го, мужики-и!

– Парень, ну, посмотри! Глянь, что там с ними? – запричитала женщина, ломая руки. – Я старая, я не могу...

– Фонарь есть?

– Да у Николаича был! Другого нет... Ну, спустись, глянь, чего с ними?

– Я боюсь, меня лестница не выдержит, – с сомнением протянул Андрей, вглядываясь в тьму, разверзшуюся под ногами.

– Ну, посмотри, может, им плохо там стало, а, парень?

«Посиделки там у них, типа мальчишника... Четвертым буду».

Андрей развернулся и, прощупывая ногами тонкие дощечки, начал спускаться вниз.

«Если я буду подниматься – даже с молодым Лехой, мы точно рухнем вместе. Кто в этом случае будет спасать меня?!»

На середине пути, когда его голова еще торчала над полом, зазвонил мобильник. Руки у Андрея уже были выпачканы о борт шахты, но, подумав секунду, он вытер их о рубашку и нажал на кнопку.

– Ой, парень, ну потом поговоришь, а? – заныла тетка наверху.

Номер был незнакомым.

– Алё, – сказал мужской голос на фоне шума. – Это районный отряд МЧС. Что у вас случилось?

– Да тут на частной ферме три мужика спустились в подвал и как провалились... Я сейчас спущусь, посмотрю, нужно ли ваше присутств...

– Так, парень! – вдруг решительно прервал его голос из трубки. – Живо вылазь оттуда и отведи всех, кто там есть, подальше.

– Да ладно, спущусь, гляну, – ответил Андрей, уже смилившийся с необходимостью совершить очередной подвиг.

– Вылазь немедленно, сказано! – еще громче гаркнул спасатель. – Там может быть газ! И с огнем поосторожнее!

– Понял, – слегка онемевшими губами ответил Андрей.

«Вот сейчас я поскользнусь или ступенька обломится, и я действительно буду у них четвертым... А тетка расскажет спасателям: Андрюша полез за Лехой и тоже как в навоз канул, ах, помогите, помогите!»

Видя, что он двинул назад, притихшая вроде женщина опять заныла, только уже тоненько, будто распевалась перед выходом на сцену.

– Ну что ж ты, парень, а? Ну, помоги им...

– Спасатели едут, – хрипло произнес Андрей, с облегчением отходя от собственной, неосвоенной по чистой случайности могилы.

– Да трус ты, трус! Вот!

Женщина, только он выпрямился на краю бездны и сделал шаг к выходу, подскочила к нему со сжатыми кулаками и искаженным лицом.

– Подонок ты! – завопила она. – Там Николаич!..

– Мадам, со словами поосторожнее! – не особо стесняясь, прикрикнул на нее Андрей. – Подонки мимо проезжают! И по грязи за чужими тетками не шлепают!

Тетка испуганно захлопнула рот, но продолжала всхлипывать и укоризненно смотреть на него. Андрей, обиженный и раздосадованный, чуть ли не отпихнул ее с дороги, вылез из сараюшки и направился в выходу с территории.

Прямо через поле к ферме ехала машина с желтой полосой.

– Сейчас вам, сударыня, доходчиво объяснят, кто здесь трус и подонок, – бросил Андрей через плечо.

Ответа не последовало, а через несколько минут машина остановилась метрах в пяти от сараюшки, напугав свинок в загоне. Свинки сбились кучкой в дальнем углу и, тряся хвостиками, принялись обсуждать происходящее.

– О, да тут шашлычок гуляет! – услышал Андрей радостное замечание одного из спасателей.

Из машины выскочила еще пара ребят, все резво пошли к нему.

– Вы Андрей? – спросил один, постарше, подойдя ближе.

– Да, пойдемте. Там вроде как подвал, в нем должно быть трое людей... Я крикнул пару раз... Бесполезно. Глухо – как в танке.

– Ладно, сейчас посмотрим. Вы сами в порядке? Там не были? Медпомощь не требуется?

– Нет, вы меня на последней ступеньке остановили, – сказал Андрей и задним числом ужаснулся своим словам.

– Так... Вы, вообще, можете быть свободны.

– Да я уж останусь, – дернул головой Андрей. – Для меня это тоже работа.

Старший пожал плечами, что-то вполголоса скомандовал подчиненным, все они вместе двинулись назад к сараю. Тетка поплелась за ними, невнятно что-то приговаривая.

Один из спасателей напялил противогаз, взял фонарь и спустился в дыру. Его не было самое большое минут десять. Едва появившись из подземелья, он стащил маску и, безнадежно махнув рукой, сказал:

– Крандец мужикам. Вызывай перевозку. Три «двухсотых».

– Парень, постой! – услышал Андрей, уже направлявшийся к машине.

Он обернулся. Тетка, совсем поникшая, жалкая и зареванная, уже надела на голову черный платочек.

– Ты извини, а? Понимаешь... муж, племянник... Как я теперь без них? С этим со всем...

Женщина в который раз заплакала. Теперь она выглядела на все шестьдесят.

«Да, осиротели чушки... И тетка ни при чем осталась».

– Ничего, – кивнул он. – Я понимаю. Я заеду к вам через недельку. Ладно?

– Да-да! Ты заедь, заедь!.. Хоть помянем... Около фермы уже стояли милицейская машина и карета скорой.

«М-да, вот уж коловращение жизни... У нас с Анной все, кажется, на лад пошло, а у кого-то жизнь под откос... Три жмурика за один день. И все из-за того, что гниль какая-то в подполе набралась. Ишь ты – «материал» подвернулся... Что ж это за работа у меня такая?! А?! К Степанову не поедешь – весь в дерьме. Изнутри и снаружи».

В городе, не заезжая в редакцию, Андрей зашел к себе на квартиру, кинул, кажется, безнадежно испорченную одежду в ванну с холодной водой, переоделся в джинсы и поехал докладываться любимому шефу...

– Ох, а я ведь припоминаю похожую историю! – покачал пегой головой главред, выслушав его рассказ. – Вот также семья одна, только не в погреб, а в старый колодец что-то уронили, так один за другим там и сгинули... Метан скопился, а он же без запаха... Три минуты – и ты без сознания. Еще десять – и готов... Их соседи только на следующий день, что ли, хватились. Корова недоенная стала мычать. Пытались кому-то массовую расправу приписать...

«Ну, умеет, умеет наш Михал Юрич утешить и ободрить! Как никто другой...»

– А ты, сынок, вообще как там оказался-то? По следам публикаций решил пройти? – сжалился над ним Борода.

– Не совсем. Я Аню Коваленко, ну, она теперь Озерных, навещал, а потом к Степанову хотел заехать. Но до Степанова я не доехал.

Они помолчали, сосредоточенно мешая участливо налитый Валею чай.

– А как вообще с этим бороться? – решил уточнить у любимого шефа Андрей.

– С чем, родной? – сделал Борода сострадающие глаза.

– С такими вещами? Если по три жмурика находить зараз... Меня так надолго не хватит.

– Ты все слишком близко принимаешь к сердцу, Андрюша, – вставила Валя, молча слушавшая разговор.

– Да, вот что, сынок, – наклонился к нему Борода. – Когда ты на место выезжаешь, ты на происходящее как бы со стороны смотри. Кто, что, как... Документально. Это же работа! Зажми себя в кулак!

Борода изобразил, как это делается, продемонстрировал Андрею загорелую крестьянскую руку в седых волосах и синих прожилках.

– Как в прицел смотри – цель есть цель. А как писать садишься – сразу и выплескивай все на бумагу! Так легче будет, качественнее.

«Ка-а-ак плескану свиного дерьма на жесткий диск – ух, что будет!.. Хороший совет, ничего не скажешь».

– Разделяй работу в поле и за столом. Этому, конечно, в университете не учат... Но жизнь учит. Иначе правда перегоришь быстро.

Они помолчали, прихлебывая чай.

– А как там Анечка? – сменил тему Борода. – Что она там делает?

– По основной специальности работает, детей воспитывает. Здорова, выглядит улетно, веселая. Русалка на отдыхе.

– Ага... В газету возвращаться не думает?

– Отложила решение вопроса до осени.

Тут пришел верстальщик Боря, и главред, все еще сокрушенно вздыхая, пошел с ним возводить следующий номер.

– Но ты, сынок, когда оклемаешься чуть, сделай мне хоть на полстранички, – обернулся он в дверях. – Это не срочно, но... Как я тебе сказал – дело там, эмоции здесь. Черканешь?

– Черкану, конечно, – почти охотно согласился Андрей. – Зря, что ли, я там полдня

грязь месил?

– Ты у нас герой! – прозвучало уже из коридора.

«И не только у вас!»

– А... как ты Аню нашел? – осторожно спросила Валя, забирая у него чашку.

– Я не искал. Она сама сказала, где она, – впервые за полдня улыбнулся Андрей весьма самодовольно. – Я ее расколол.

– Да? Это хорошо. А то я думала, я ее чем-то выдала. – Она наклонила голову чуть напряженно.

– У нас все прекрасно, – решительно сказал Андрей.

Тут в редакцию явился какой-то внештатник, Валя отвлеклась, переписывая материал с его дискеты. Наконец-то все оставили его в покое.

Андрей сел к компьютеру.

«Что там у меня есть – без откровенной мокрухи?!»

Кажется, ничего...

«Сейчас Борода будет плотно сидеть и паять текущий номер... До меня ему дела нет, – значит, можно пройтись до пристани и проконтролировать состояние соляной горки. Как раз в следующий номер. Горка в развитии. Клялся мне этот лысый, что ничего ей не сделается? Вот и проверим».

Понтонный мост был сведен, и через пять минут Андрей оказался на другом берегу Москвы-реки. Но далеко заходить он не хотел. Нет настроения. И не нужно.

«Похоже, горушка сильно потеряла в размерах, – подумал Андрей, разглядывая пристань. – Надо будет опять привезти Костика. Пусть сфотографирует с той же точки – для сравнения. А где наши летуны-белянки?»

Его ждало горькое разочарование. Поднявшись на берег, Андрей увидел, что и кромка капустного поля, и грядки, насколько хватало взгляда, – все сплошь, как снегом, усыпано мертвыми бабочками. Мириады белых крылышек были вбиты в желтую глину, а над полем вилось с полсотни уцелевших капустниц.

«Еще один дождь, даже не слишком сильный, и от них ничего не останется... Ни хоботков, ни крылышек».

– Гражданин, а вы что здесь высматриваете? – послышался за его спиной въедливый голос.

Андрей вздрогнул от неожиданности и оглянулся. За своими размышлениями о бренности сущего он не услышал, как сзади подошли два милиционера, ребята его возраста, может, постарше. Один остался поодаль, другой резво двинулся к нему, явно прикидывая соотношение роста, веса и потенциальную скорость бега.

– Я здесь, товарищ старший лейтенант, так же как и вы, при исполнении служебного долга, – без особого вызова ответил Андрей.

– Ну да?! – делано удивился милиционер.

«А документики?!»

– Документы у вас при себе имеются?

– Иметь при себе документы – это профессиональная привычка, – так же спокойно, даже медлительно, с расстановкой, сообщил Андрей, вынимая из борсетки удостоверение.

Мент поизучал «корочку» и, кажется выучив наизусть, томясь и страдая, отдал Андрею. Тем временем к ним подтянулся его напарник. Андрей заметил, что у съезда с моста стоит патрульная машина. Ага... Неспроста они теперь реку патрулируют... Тогда, в первый раз, он никаких следов шин не заметил – только от их собственной, редакционной машины. Теперь здесь, похоже, пролег популярный милицейский маршрут.

– А что конкретно вы здесь делаете, господин Полевой?

– Вон, видите, на той стороне горка? Она состоит из технической соли. Местные защитники природы опасаются, что ее ливневыми потоками смоем в реку и это будет экологическая катастрофа. Вот я над этой темой и работаю.

– Ага...

Старший лейтенант дернул головой, но совсем отвернуться не решился – а что, если это отвлекающий маневр и Андрей оглушит его ударом копыта и загрызет?

– А можно встречный вопрос? – воспользовался паузой Андрей.

– Ну?

– Вы здесь не по поводу... «Ох, зря спросил! Не моя тема».

– ...недавнего убийства молодой женщины?

– А что?

Ментам уже стало скучно. На подозреваемого Андрей не тянул... А иначе что бодяжиться? – читалось в их взглядах.

– Просто это мы с моим коллегой обнаружили тело и вызвали ваших людей, – подогрел интерес Андрей.

– Ну да?! – вполне искренне удивился лейтенант.

– Да. Так что-нибудь уже прояснилось?

– Ищем, – пожал плечами лейтенант. – Поехали! – Он быстро развернулся и, сделав знак напарнику, пошел к машине.

Андрей видел, как они сели, и патрульная машина, неуклюже взобравшись на высокий берег, медленно проехала вдоль кромки капустного поля и двинулась дальше, к железнодорожному мосту через Москву-реку.

– ...Точно, милиция берег патрулирует, коня водяного загоняет, – невесело усмехаясь, рассказывал главреду Андрей через полчаса. – Вы Костика отправьте на объект, Михал Юрич. Моего присутствия там не требуется, да и конь тот мужиков не таскает... Пусть съездит один.

– Вале скажи, она его отправит. Я полполоски оставил под этот Усть-Усольск.

– ...Андрюш, тебе, наверное, в штаб МЧС подойти придется, – подняла голову Валя, когда он показался в дверях. – Я понимаю, что это неприятно, но...

– Да нет, почему, – пожал плечами Андрей. – Интервьюшку, может, возьму и вообще... развлекусь.

– Да? – обрадованная Валя протянула ему бумажку с телефоном и адресом и вернулась к работе.

Беря бумажку, Андрей случайно глянул на листок в клеточку, с которого печатала Валя. Помимо аккуратно написанного от руки текста, там был рисунок – простым карандашом, неумелый, но старательный. И очень страшный. Бука какая-то... Черная-лохматая.

– Это что ты делаешь, а? Извини, через плечо смотреть невежливо, но...

– Да вот, – не отрываясь от печатания, ответила Валя. – Собака Баскервилей у нас в районе объявилась. Сигнал от населения поступил.

– Покусала кого? – чуть осипшим голосом осведомился Андрей.

– Нет, но что народ это чудище пугает – это было. Уже не в первый раз сигналият.

– Михал Юрич этим занимается?

– Да, вроде сам решил тему вести.

– Ясно. Его право.

«Да ничего тебе не ясно! – раздраженно одернул себя Андрей, сбегая по крутой лестнице. – На того зверозавра с иконы это чудище не похоже кардинально, росмаха какая-то повышенной лохматости... рыкучая. Понавыводили мутантов, понимаешь!.. Тихая патриархальная среднерусская провинция!»

А в тихом омуте...

До штаба МЧС идти было недалеко, он располагался в одноэтажном домике во дворе здания городской администрации. Там Андрей разыскал начальника, сурового мужчину в форме. Тот оценивающе оглядел его и пригласил сесть.

– В принципе ничего существенного по этому случаю я вам сообщить не могу. Оказался там проездом, случайно... Позвонил ответственному секретарю редакции – она связалась с вашей службой...

Говорить о том, что спасатель своим звонком буквально вызвал его из могилы, Андрею жутко не хотелось – даже в виде комплимента дорогому МЧС.

– ...Но может быть, вы дадите мне информацию – для опубликования в СМИ. Ведь такое может случиться с каждым.

– А почему вы считаете, что с каждым? – удивленно поднял брови начальник.

– Мне наш главный редактор рассказал о сходном случае. Только там фигурировал старый колодец, но тоже со скоплением газа.

– Ох нет, молодой человек, нет, – сдержанно рассмеялся начальник. – Здесь таким и не пахло, извините за каламбур... Тем более что природный газ вообще запаха не имеет. Тем и опасен.

– Но наш главный редактор...

Седой остановил его движением ладони:

– Мы Михаила Юрьевича хорошо знаем и глубоко чтим, но наверняка он имел в виду что-то другое. Это там, к Шатуре ближе, торфяники, болотистая почва и все такое... У нас почвенные условия к таким явлениям не располагают – глина, песок... Там, на ферме, – точно нет. Дерьмо, извините за выражение, за свиньями убирать лучше надо было этому фермеру! Тогда бы и сам жив был, и людей бы не угробил.

Начальник досадливо покрутил коротко стриженной головой.

– В подпол экскременты свинячьи просочились из ближайшего хлева. А зима теплая была, ну и перебрадили они, метан образовался. Не задохнулись, так сгорели бы, если б закурили или фонарь искру дал. По глупости мужики погибли и по недосмотру.

– На ваши слова в статье сослаться можно?

– Чего ж нет? Я за свои слова отвечаю.

Главный спасатель, кажется, тоже был не в духе.

– Вы вот что, товарищ корреспондент, раз уж вы здесь... – Полковник вскочил и заходил по кабинету. – Постарайтесь как-то объяснить людям: ну, поумнее, что ли, надо быть, поосмотрительнее... Вот зачем в школе химию, физику изучают, а?

– Чтоб знать, – ответил Андрей, пытаясь заполнить паузу.

– Да, и применять... А что на деле? Начальник автозаправки одной, не первый год работал, решил проверить, сколько в цистерне бензина осталось. Самолично взобрался на бензовоз и посветил туда зажигалкой... Ну как такое можно было делать?!

– И чем закончилось? – задал риторический вопрос Андрей.

– Тем и закончилось, что этого «химика» собирали по всей округе... Хорошо, что все это за чертой города произошло и ночью. Народу вокруг было мало, никто больше не погиб... И как ему не знать, что бензин – жидкость летучая, его пары взорваться могут? Это же азы школьной программы!..

– М-да, азы... Хорошо, я подам этот материал именно в этом ключе.

На прощание начальник крепко пожал ему руку и пригласил навещать.

«Ох, если б только пореже!.. Я ведь к этой тетке, «молодой» вдове, на хуторок заехать обещал!.. Не поеду! С почтой как-нибудь газету отправлю – и будет с нее. Чуть в свином помете меня не утопила, сволочь!» – размышлял Андрей, выходя из одноэтажки.

Нахлынул запоздалый страх глупой, уродливой и никчемной гибели. Теперь, когда он встретил женщину своей мечты, вырвал у нее обещание любви, смерть Андрей не принимал особенно сильно.

Но ведь ему повезло? А этим бедолагам нет.

– ...Ты чего такой взъерошенный? С эмчээсовцами не поладил? – спросила Валя, когда Андрей вернулся в редакцию.

– Да нет, – махнул рукой. – Нормальные ребята. Просто четыре...

«Ох, даже слова этого произнести не могу!»

– ...труп за два дня – для моей ранимой психики многовато.

– Тебя же Михал Юрич учил, как надо.

– Да, но я пока не научился. Костик собирается фотки делать?

– Он уже на объекте.

Андрей представил, что фотокора может заграбастать милицейский патруль, и немного повеселел.

«Не все же мне одному отдуваться. Пусть менты подумают, что преступник вернулся на место преступления!»

Костик, хоть и недовольный, пришел через полчаса, к досаде Андрея так и не попав хотя бы в небольшую передрагу. Он скачал имиджи солидно похудевшей горки, главный редактор добавил сносочку «Пока верстался номер», и в два часа дня Валя уехала в типографию. Борода, как всегда, принялся резаться в шахматы с компьютером – не буди лихо, пока оно тихо...

Андрей же, лениво размышляя, как закончить балладу о мейстерзингерах, сидел у себя. Не бы ло конца ни у этой истории, ни у, соответственно, статьи.

«Нехорошо, конечно, из-за плеча подглядывать и по чужим столам шарить... Но!...»

Конверт с письмом и рисунком лохматой буки лежал в верхнем ящике Валиного стола. Андрей, прислушиваясь, не раздадутся ли в коридоре грузные, мягкие шаги главного, отксерил и конверт, и письмо, и рисунок. Ну так, на будущее... Для порядка. Или нешто отослать Диме-криптозоологу? Раз Борода не хочет делиться с ним информацией, он не будет делиться с ним своими догадками. Справедливо? Справедливо.

Андрей засунул листки в конверт и вернул его в ящик. В тот же момент из коридора донесся зычный глас Бороды:

– Андрюша!

Андрей осторожно задвинул ящик, вышел в коридор:

– Здесь я, Михал Юрич.

– Ты иди, если ничего у тебя срочного нет.

– Я про свинарник этот загазованный набросаю пока.

«Хотя делать это мне хочется, как топиться в ноябре».

Да, был, был большой соблазн предложить несчастного свиновода со товарищи кандидатом на премию Дарвина... Но как на это посмотрит общественность? А вдова, которой он обещал сочувствие и участие? Нет, надо помягче... Гикнулись мужики, и совсем нестарые. А ведь каждого, поди, кто-то любил, женщина какая-то...

«Вот и ход обозначился для материала: ребята, если вам своей жизни не жалко, подумайте о близких, а? Болезненно, но хоть с сочувствием...»

Из редакции они с главным ушли в четыре часа. Похоже, жара возвращалась, хотя и не такая ярая, как майская.

Лето, лето!.. Здесь оно было как-то ближе, чем в Москве. Там оно пряталось за каменными гранями домов, путалось в хитросплетениях арбатских переулков. Ну где в столице, в которой если что-то и росло, так только автомобильные пробки, можно увидеть одуванчики, торчащие из узкой щелки между бордюром и асфальтом? А тут самые нетерпеливые цветки уже обернулись белыми шариками и одуванчиковый пух смешивался с тополиным. Аллергичные граждане ругали тополиный пух на чем свет стоит, а вот Андрею нравилось наблюдать эти невесомые, будто туманные клубы, путешествовавшие по улицам своим ходом и залегавшие отдохнуть в безветренных уголках.

Стрижи, гнездившиеся у него над окном, уже подняли деток на крыло, и те носились по окрестностям наравне со взрослыми и, оглушительно вереща, приманивали длительное ведро.

«Нешто прикупить домик в три окошка на какой-нибудь тихой окраине, поселиться там с Анной О., заняться простым крестьянским трудом?... Разводить чего-нибудь – перепелок, к примеру. Чтоб яички диетические несли... Или пчел. Или шампиньоны в подвале

выращивать?... Ну, чтобы потом никого под нож не надо было пускать, – лениво рассуждал Андрей, возвращаясь домой. – Да, надо же карнавальный костюм справиться! Забыл я за этими подвигами».

Слив, как советовал великий вождь и учитель Борода М. Ю., злость и досаду на жесткий диск, Андрей, кажется, вернулся в дежурное состояние – ждать свидания с Анной. А Иван Купала, как Бахус, окруженный хмельными, едва одетыми вакханками и похотливыми, козлоногими сатирами, тем временем приближался... Уже слышались вдалеке нескромно-призывные клики, звучали резкими всплесками тимпаны...

До праздника на озере Светлое оставалось две с небольшим недели.

– Андрюша, сынок, ты как, про ферму закончил? – радостно встретил его утром Борода, изловив еще на подходе к редакции.

– Ну, почти... Сделаю, не проблема.

– Во-о-от... Ну, пойдем, я тебе сейчас задание дам. Константина я вызвал, сейчас прямо и съездите.

– Что-нибудь срочное?

«Ох, только бы не съезд ударников капиталистического сельхозтруда! Замучаешься термины уточнять!»

Они уже поднялись в редакцию.

– Да нет, просто вечером мне машина будет нужна, рано утром на совещание с губернатором в областную администрацию ехать.

«А ведь почти угадал».

– ...Вот, дорогой, сейчас поедете с Костиком в село Добреньково... Сюда! – Главный распростер перед ним карту района и ткнул пальцем.

– Название хорошее, но далековато.

– Там поэтому и не пахано! Зачем нам протоптанные дорожки? Эта тема по тебе!.. Там в силу исторических условий выросла некая особая порода людей...

«Все-таки влип! Старухи!..» – дернулся Андрей.

– ...понятно, у особых людей особые проблемы. Ты там хорошенько все осмотри, выпроси. Вот я тебе напишу – найдешь там участкового...

– Опять криминал? – упавшим голосом спросил Андрей.

– Не-е-е! – замахал руками главный. – Там как раз весьма благополучно по этой части... Просто человек осведомленный.

Тут в комнату заглянул Костик:

– Здравствуйте, господа журналисты!

Русые волосы Костика были взъерошенные и еще сырые – похоже, главный вынул его из-под душа.

– Здравствуй, Костя. Приехал? – уточнил Борода.

– Как видите.

«Но не весь... Мозги, кажется, еще в дороге. Ну ничего, подтянутся».

Визуально мыслящий Костик обычно приходил в сознание только при появлении живописной природы.

– Мы прямо сейчас поедем? – спросил он, подавляя зевок.

– Ага, давайте, – отечески улыбнулся главный. – Удачи, богатыри!

– Можно, я на заднее сиденье сяду? – попросил Костик. – Меня Борода ни свет ни заря поднял. Только я прибалдел... Младший всю ночь орал... Можно?

– Да хоть в багажник.

Ехать надо было верст сто, до границы с Рязанской областью, туда, где Московская вклинивалась в нее широким треугольным языком.

Костик так и проспал всю дорогу, за что Андрей был ему весьма благодарен. Он не реагировал, даже когда Андрей начал останавливаться через каждые полкилометра, спрашивать у проезжающих и проходящих, где такое село Добреньково. Но это скорей

настораживало...

– Кость, а Кость? – негромко, чтобы не испугать отчаянно дрыхнувшего коллегу, позвал Андрей.

– А?! – проснулся Костик. – Приехали?

– Почти. Собирайся с мыслями. Красотища вокруг такая – только тебя и поджидает.

Они уже катили по асфальтовой двухполоске вдоль густого соснового леса и скоро въехали в некий населенный пункт.

– Добрый день, – высунулся в окошко Андрей. – Скажите, пожалуйста, это село Добреньково?

Женщина в темном платье и косынке, высокая, широкоплечая, остановилась, приглядываясь к нему против солнца.

– А зачем вам?

– Дама, это село Добреньково, скажите, пожалуйста! Мы туда приехали?

– Да... А вам кого надо?

– Участкового вашего, Шмелева Михал Ивановича.

– А-а... А вы откуда?

– Из областной газеты, – терпеливо разъяснил Андрей.

– Ага... Поезжайте прямо, до сельсовета. А там спросите, где Михал Иванович.

Сельсоветом оказался одноэтажный, беленный известкой домик с вывеской «Администрация Добреньковского сельского поселения», вполне добротный на вид. Рядом дремал в тени породистый «ренджровер».

– А ничего тут народ живет, – заметил Костик, выдираясь из машины и разминая ноги. – Не бедствует. Чистенько...

– Сейчас узнаем, чего ради нас сюда Борода пригнал.

Андрей зашел внутрь административного домика и через темные... как это?... сенцы проник внутрь. Все двери были открыты настежь, в одной из комнаток, обставленной мебелишкой восьмидесятых годов прошлого века, Андрей увидел девушку, работавшую за компьютером. Она подняла глаза от клавиатуры и удивилась.

– Здравствуйте, а вы к кому?

– Мы к Шмелеву Михал Ивановичу, – выдал Андрей стандартный текст.

«Сколько раз за сегодня я это повторяю?»

– А зачем он вам?

– Мы из областной газеты.

– Так он здесь почти не сидит, – покачала светло-русой головой девушка.

– А как-нибудь его вызвать можно?

– А, хорошо... Вы присядьте пока. Я его по коммутатору найти попробую.

Андрей сел, девушка принялась говорить в диковинный металлический микрофон, переключая тумблеры на какой-то штуке вроде маленького цуповского пульта и краем глаза наблюдая за ним. Андрей ее тоже разглядывал. Девушка была крупная, отнюдь не страдающая дистрофией, румяная, голубоглазая и с толстой косой.

«Коня на скаку остановит и мужа за пьянку прибьет», – сочинил Андрей и вдруг перестал нервничать.

– Он сейчас будет. Чаю попьете?

– Да! – радостно согласился Костик, уже доползший до помещения.

– А меня Клавой зовут.

«Ого!» – ахнул про себя Андрей, когда Клава поднялась из-за стола, чтобы включить чайник.

Он, привыкший если не морально, то физически смотреть на людей свысока, тут потерпел бы фиаско. В Клаве, даже в тапочках без каблука, было как минимум метр восемьдесят пять роста.

– Я Андрей, корреспондент, а это Константин, наш фотограф.

– Вам покрепче? – ласково, по-домашнему, обратилась к ним большая Клава.

– Мне покрепче! – заявил Костик.

– Мне средний.

В приемной было очень чисто и, несмотря на явно более чем двадцатилетней давности «дизайн интерьера», уютно. Хотя, может, именно поэтому?

Будто бы период разрухи обошел здешние места, а прогресс, за невеликой надобностью, был допущен постольку-поскольку. Компьютер с устаревшим монитором... электрочайник...

– Ага, вот наши гости! – послышалось откуда-то сверху.

Пока Андрей отнимал от губ чашку, ставил ее на стол, к которому пересадила их хозяйственная Клава, распрямлялся, он понял, что сейчас по его самолюбию будет нанесен еще один, если не смертельный, то чувствительный удар. И в самом деле – радушно улыбающийся участковый за долгие-долгие годы оказался первым человеком хоть чуть-чуть выше Андрея.

– Пройдемте ко мне, – кивнул Шмелев, пожав им с Костиком руки.

– Так они ж еще не допили, дядя Миша! – возразила Клава, с упреком посмотрев на участкового.

– А ты поухаживай, поухаживай за нами, Кланечка!.. Мне стаканчик налей, доставь в кабинет! – вальяжно произнес участковый, явно обрадовавшийся посетителям.

Кабинетом участкового оказалась другая комнатка, расположенная через стену.

– Так что вас привело к нам в Добреньково? – радушно осведомился Шмелев, положив фуражку на стол.

– Название хорошее! – невольно улыбнулся Андрей. – Решили проверить, насколько оно соответствует действительности.

– Народ тут у вас какой... – чуть поежившись, сказал Костик. – Габаритный...

– О! – воздел Шмелев палец величиной со школьную указку, но значительно толще. – В этом-то все и дело!

Андрей почувствовал, что, несмотря на неопределенность ситуации, все-таки добрался до темы, – раз Борода не дал ему конкретного задания, придется действовать по обстоятельствам. Он достал диктофон.

– Слушаем вас, Михал Иванович.

– Нет, вы погодите, – загадочно произнес участковый. – Мы сейчас в наш музей пройдем, там я вам все и расскажу. Клава, девонька! Посуду у нас заberi, а?

На пороге появилась Клава, заслонив практически весь дверной проем.

«Ох, ну и хороша же! – явственно читалось во взоре Костика. – Но не по мне...»

– Но вы еще вернетесь? – спросила она, глядя на Андрея.

– А как же! – ответил Шмелев и подмигнул Клаве.

– ...Так у вас и музей есть? – уточнил Андрей, шагая рядом с участковым.

– Школьный. Сейчас каникулы, но нам откроют.

Глядя по сторонам, Андрей заметил, что среди не часто попадавшихся на пути сельчан есть и вполне обыкновенных параметров граждане – встретила даже парочка откровенно плюгавеньких мужичков. Школа оказалась двухэтажным зданием из белого кирпича.

– А вы неплохо живете, – заметил Костик. – Дайте-ка я общий вид забацаю.

Внутри школы было сумрачно, безлюдно, пахло краской.

– Здравствуйте, Михал Иванович, – приветствовала участкового дежурная, сидевшая за столиком женщина среднерусских размеров – сто шестьдесят на сто шестьдесят сантиметров. – А это кто?

– Это со мной, – веско произнес Шмелев. – А Маринки нет?

– Марина Николаевна в городе.

– Ну ладно... Я сам тогда. Музей мне открой.

Дежурная покатила перед ними на второй этаж по лестнице, уляпанной белыми известковыми следами. Отперла дверь с табличкой «Школьный краеведческий музей с. Добреньково».

– Вот, добро пожаловать! – распахнул створки участковый. – Заходите, смотрите...

Шмелев зажег свет. Музей, видимо, был почти весь сделан старательными детскими ручонками. Кроме новодельных бумажных «документов», развешанных по стенкам, экспонатов исторического значения было всего три: кухонный чугунок ведерного объема, пучок старых, но не старинных огородно-полевых орудий типа знаменитых русских грабель и крестьянский женский наряд, вышитый красно-черными петухами.

– Ну, тут, конечно, скромно, для детей, а вам, дорогие гости, я расскажу, как на самом деле было...

Он подвел их к разделу «История села Добреньково с древности до наших дней» – так, по крайней мере, было написано гуашью на полоске ватманской бумаги, прилепленной к стене.

– Вот, молодые люди... Момент, о котором я вам хочу рассказать, тут отражен не очень явно, но он существенен для истории нашего села. После окончания войны с Наполеоном, осенью одна тысяча восемьсот пятнадцатого года, через наше село к месту постоянной дислокации проходил гренадерский полк...

– Гренадерский? – уточнил Андрей, чем-то вдруг обеспокоенный.

Под надписью красовался портрет некоего обобщенного гренадера в синем кивере, с лихо закрученными усами, нахальными голубыми глазами и какой-то текст, отпечатанный на компьютере.

– Да!.. – воодушевился Шмелев. – А зима в тот год наступила рано, да и зимы тогда бывали, не в пример теперешним, лютые. Словом, пришлось сотне гренадеров стать на зимний постой в нашем селе. У нас тут всегда хорошо жили, семьсот дворов по тем временам числилось...

– А-а, кажется, я начинаю понимать, – невольно ухмыльнулся Андрей.

– Ага! – хитро прищурился участковый. – Понятно, зима – у крестьян законный отдых, лапти плетут да песни поют. А в каждой, считай, избе, куда служивого на постой определили, хоть девка, хоть вдова, хоть баба-солдатка да проживает, а?! А если не в этой избе, так в соседней!.. А гренадеры-то – ребята на подбор, молодые, под три сажени ростом, ладные... Супротив местных мужичков – красавцы! Ну и понятно, все с войны, женского полу давно не видали, активные... И пошли тут в Добреньково романы! Да какие рома-а-ны!

Шмелев схватился за щеку, будто сам наблюдал это в раннем детстве, да так и не смог забыть за прошедшие двести лет.

– Потому как местные тем красавцам не чета были, венчанные жены и те, говорят, запали! Те-то все умные, в Европе побывали, грамоте знают, непьющие... Только и рожать от них.

– М-да, – снова улыбнулся Андрей. – Можно вообразить.

– Ну, – почему-то очень довольный собой, продолжил участковый, – сказывают, и свадьбы были – женатых тогда из армии сразу отпускали. Да хоть и без венца и аналая – но к весне, еще дороги не просохли, произошел в Добреньково демографический взрыв. По трое-четверо младенцев в день крестили – батюшка с ног сбивался. А пока суть да дело, некоторые из гренадерских зазноб во второй раз затяжелеть успели.

«Беби-бум по-русски, да...»

– ...С тех пор у нас в селе как бы две нации, две породы завелось – гренадерские дети и местные.

– Что, противостояние? – поднял брови Андрей.

– Да нет, такого никогда не было. Просто, сами понимаете, если девица под дверную перекладину выросла, она ж за карапетика по плечо себе не пойдет? Не пойдет. За такого же парня из того гренадерского набора и выйдет. Ну и смешанных браков было достаточно. Но скорее богатыри маленьких невест брали. А те и рады!.. В войну Отечественную у нас много героев оказалось – вот они, почти все здесь.

На еще одном старательно изукрашенном ватманском листе были наклеены фотокарточки ветеранов в орденах и медалях. Все – неуловимо похожи.

– Часто наши ребята в Кремлевском полку служат, да. Красавцы ведь!.. Но вот назад в село мало кто возвращается... Пойдемте?

– Костик, как ты?

– Все снял.

Шмелев выключил свет, запер дверь, и они сошли в вестибюль. Шмелев отдал дежурной ключ, вышли наружу.

– В этом вся и проблема.

– В чем? – не понял Андрей.

– В том, что ребята в село не возвращаются. В армию парень уйдет или учиться уедет. А девчонки наши замуж выйти не могут. Либо за маленького придется, либо век одной вековать, потому что плюгавенький на большой не женится, он такую же, как сам, возьмет. Вот я тогда вашему начальнику и позвонил, хотел объявление дать. Соответствующего содержания. Наподобие брачного. Но он сказал, что корреспондента пришлет.

Они уже шли по сельской улице, отвечая на приветствия прохожих. Высокие, статные женщины действительно встречались чаще, чем таких же параметров мужчины. Мужчин, честно говоря, встретилось один-два.

– А что вы хотели сообщить в вашем объявлении – ну, если б такое напечатать?

– Так я и хотел – может, найдутся по России мужики молодые, ребята, что покрупнее, пусть бы приехали сюда, за нашими невестами. Золото ж, а не девушки! А, Катя?

Участковый подмигнул девице, проходившей мимо и украдкой, внимательно оглядывавшей Андрея. Катя, потупив глазки, прошмыгнула мимо, возражать против того, что она – золото, не стала, только тихонько бросила: «Здрасть, дядя Миша».

– Желательно, конечно, чтоб наш генофонд приезжие не разбазаривали, а сами здесь оставались. Но если и в отъезд женятся, мы препятствовать не будем.

– Гуманитарная помощь депрессивным районам? – хихикнув, уточнил Костик.

– Можно сказать и так, – солидно ответил Шмелев, не понявший то ли юмора, то ли Костика.

– А почему вы этим решили заняться? Кто-то ведь в вашей администрации за генофонд отвечает? Неужели милиция? – уточнил Андрей.

– Никто не отвечает, – досадливо поморщился Шмелев. – Глава наш, он человек хороший, порядочный, хозяйственный – кто спорит? Но не из...

Шмелев цыкнул зубом и развел руками.

«...гренадерских потомков», – догадался Андрей.

– Ему эти проблемы не близки. Вот я и взялся. У меня самого две дочки на выданье. И тоже...

За разговорами дошли до центра села. Там стояла небольшая, похоже, не новодельная церковка об одной свежезолоченой луковке.

– Батюшка у нас хороший, из местных, – благостно озарился участковый, почтительно снимая фуражку и крестясь. – Хорошо служит, душевно. Даже из городов ближних венчаться приезжают.

«Если он из «ваших», озвучить такой объем для него не проблема».

– А вот свои женятся редко. Вот вы, молодые люди, как в смысле семейного положения?

– Константин у нас уже молодой отец, а я пока холостякую, – поневоле ответил Андрей, предполагая, что за этим последует.

Шмелев мельком глянул на Костика, отошедшего поискать хороший ракурс для съемки, и сразу отвел глаза – Костиковы сто семьдесят семь сантиметров его не прельстили.

– А к нашим невестам приглядеться не хочешь? – Шмелев обозрел Андрея довольным взглядом. – Очень ты под наши задачи подходишь... Мы б и дом для молодой семьи поднатужились построить... А?

– Профессия у меня больно городская, Михал Иванович, – с извиняющейся улыбкой ответил Андрей, решивший не огорчать участкового известием, что невеста у него хотя и

небольшая, но есть. – Может, когда-нибудь после... Если захочу учительствовать в сельской школе, к примеру.

– Вот это совсем здорово было бы! – возрадовался участковый, еще раз плотоядно осмотрев Андрея.

«Еще одно неосторожное слово, и меня скрутят, окрутят и оставят здесь силой – на племя!»

– Вы ваших девушек почаще в город вывозите, – решил он отвлечь Михал Ивановича. – Вон у нас праздник с седьмого на восьмое – молодежь всю ночь гулять будет. Через костры прыгать, на суженого гадать. Приезжайте.

– Да стесняются наши девчонки в города ездить, – вздохнул Шмелев. – Смеются над ними в ваших палестинах.

– Понятно... Тогда действительно надо хорошую статью написать, пусть сюда женихи приезжают.

– Да-да! – воодушевился Шмелев. – У нас тут условия – русская Швейцария...

Участковый долго водил их по «русской Швейцарии». Андрею начало казаться, что они обошли Германию и часть Италии – так гудели на обратном пути ноги.

– ...Ну здоров же трепаться этот дядя Миша! – шипел с заднего сиденья Костик, вымотавшийся еще больше Андрея.

– Не грехи, неблагодарный! Ты где такой супчик в последний раз ел?

– А, да... Харч у этой тети башни классный. И девчонки хороши... Но и велики же!

– Это ты ростом не вышел.

В город вернулись к зыбким, теплым сумеркам. Костик так устал, что даже не ворчал по дороге, просто вывалился из машины у своего дома и, не прощаясь, канул во тьму.

...Всю ночь Андрею снились крупные полуголые девицы, скачущие через невероятной высоты костер, а все попытки найти среди них Анну О. оказывались безуспешными. Ее среди них просто не было видно!.. Кроме того, приходилось постоянно увертываться от дядек в фуражках, жарко шептавших ему на ушко: «Парень, ты того – наших... А? Ну, давай! Неужели не хочется?! Ты глянь, как хороши!»

«А я-то? – размышлял Андрей, вспоминая ночные видения. – Верность храню... И кому?! Девушке, с которой один раз целовался... Вон мне каких шикарных девок навязывают, пачками! А прозрачная до полной духовности Анна О. лишний раз и не позвонит...»

Пятничным утром в редакции обнаружилась только Валя.

– А ты чего явился? – удивилась она. – Мне Михал Юрич сказал, ты отдыхать за вчерашнее будешь.

– Не, я как раз вчерашнее выплеснуть хочу.

– А что – опять тяжело пришлось? – сделала она сочувственное лицо.

– Да нет, наоборот! – охотно улыбнулся Андрей. – Если не считать трехсот кэмэ по не самым лучшим дорогам, все прекрасно. Накормили, напоили, обласкали... Даже невест предлагали.

– Ну да? И как невесты?

– Ух, хороши! Чудо девчонки! Костик снимки принесет – увидишь. Разворот у Бороды выпрошу.

Наверное, Андрей произнес это с излишним энтузиазмом, потому что сначала Валя отвернулась к монитору, но потом не удержалась уточнить:

– Что, действительно присмотрел себе кого-нибудь?

– Ох, Валь!.. – досадливо скривился Андрей, садясь за компьютер. – Другой, может, и присмотрел бы. А я нет. Просто демографическая обстановка там наперекосяк. Пособить людям надо. Информационно...

Валя промолчала, и за пару часов Андрей выплил из себя светлый поток восторгов по поводу села Добреньково и специфической добреньковской породы людей, немыслимой красоты ландшафтов и плодородности начинающегося здесь Черноземья.

К обеду подошел относительно выпавшийся Костик, и они втроем сели смотреть фотоматериал.

– Во, Валь, это Андрюшкина невеста! – будто нарочно ляпнул Костик, показывая на фото Клавды за компьютером.

– Мне – одна невеста?! – решил не возражать на глупую шутку Андрей. – Я и милицеских дочек оприходуу, и всех, кто не спрячется!.. Глянь, что за экземплярычики!

– Что ж ты живых людей экземплярычиками-то зовешь? – обиделась Валя за весь женский род.

– Так я ж люблю!

Костик собрался уходить. Андрей, чтобы опять не оправдываться перед Валей за интерес к гренадершам, вышел вместе с ним на обед. Пребывая в хорошем настроении, решил, чтоб не забыть в очередной раз, зайти в торговый центр и купить, наконец, эти незадавшиеся выходные шорты.

...Он уже потерял терпение, перебирая идиотские штаны – на пояске, на резинке, с кармашками и без. Девушка за прилавком начала зло поджимать губки, когда он услышал за своей спиной знакомый голосок:

– Жениться тебе, Полевой, надо! Зачем так париться? Жена б тебя одевала.

Андрей обернулся. В дверях павильончика стояла Тамара Зуева и нарочито насмешливо его разглядывала. С ней была еще одна девчонка, такого же фитнес-клубного образца, только крашеная в рыжий цвет.

– Ну, тебе, Зуева, на этот счет, я думаю, беспокоиться не стоит, – ответил Андрей.

– Это почему же? – скривилась она. – Вроде неплохо ладили в свое время.

– Это время безнадежно прошло.

– Да неужели?

– Мне твоя подружка подскажет! – обратился Андрей к рыжей, сделал два шага, схватил девушку за запястье и подтащил к груде штанов на прилавке. – Вот... Как вас зовут?

– Таня...

– Вот, Таня, выберите мне, пожалуйста, шортики. Как вы мне скажете, в таком прикиде я на празднике и буду веселиться!

Таня от неожиданности не сопротивлялась и не возражала.

– На каком празднике? – Девчонка беспомощно оглянулась на Зуеву.

– На Ивана Купалу. Не знаете? Там все будут топлес, и мужики, и бабы. Но штаны-то какие-никакие нужны, а? Явные признаки скотского возбуждения скрыть как-то надо?

– Я не знаю...

Она снова оглянулась на подружку, но Андрей не отставал:

– Вот эти ничего? Не буду я похож на чудище лесное?

Андрей выволок из-под груды текстиля шорты цвета хаки с кармашками. Он вообще-то посмотрел их первыми... Но почему-то не взял.

– Нормально это? – строго спросил у рыжей.

– Ну да, нормально...

– Замечательно!.. Девушка, футболку под это подберите, камуфляжку какую-нибудь... Вдруг прохладно будет и топлес отменится. Так хорошо, а, Танюшк?

Рыжая не понимала, что происходит, смеются над ней или как, но Андрей все еще довольно крепко держал ее за руку, так что уйти она не могла.

– Хорошо.

– Великолечно! Спасибо за помощь. Вы свободны!

Расплачиваясь с несколько обалдевшей продавщицей, Андрей чувствовал, что Зуева с подружкой все еще вьются у него за спиной. Когда он, взяв пакет, обернулся, оказалось, что это так.

– А тебе, Тамара, я хочу напомнить то, что уже как-то говорил, – отчеканил Андрей.

– Это что же? – почти не разжимая губ, осведомилась Зуева.

– Не попадайся мне на пути, хорошо?

Он решительно двинулся к выходу, так что девицам волей-неволей пришлось отступить.

– Я думала, ты с концами ушел, – заметила Валя, когда он вернулся в редакцию.

– Про мейстерзингеров закончу, тогда до понедельника кану. Как ты считаешь – я в праве домой к папе-маме на выходные съездить?

– Вправе, вправе!..

На бурливой волне непонятного ему самому раздражения Андрей сколотил из своих заметок о пришлых кладоискателях ироничный, едкий материал, предложив всем держателям местных балконно-чердачных свалок исследовать свои залежи на предмет обнаружения золотых швейных машинок, платиновых гантелей и серебряных ведерок для шампанского. Владельцев хозяйственных магазинчиков и палаток Андрей призвал срочно обеспечить горожан ножовками по металлу и точными весами – для взвешивания найденных драгметаллов. А на происки жуликов, выдающих себя чуть ли не за работников Гохрана, посоветовал не поддаваться, а, напротив, сдавать их, как самый что ни на есть черный металлолом, в пункты приема, то есть в компетентные органы.

– ...Вот, – сказал Андрей, выключая компьютер. – Если любимый глав-вред захочет ознакомиться, файлы здесь.

– Но ты ж в понедельник будешь? – решила уточнить Валя.

– В понедельник буду.

Никогда не скучна Москва так, как летом. Уже с утра висит над ней сизое марево, особенно густое над чирьями автопробок. Поджарые, неразличимые в профиль «менеджеры по продажам» меховых бутиков, ошалев от одиночества, милы и сердечны с редкими покупателями, заходящими сюда, чтобы просто взглянуть на недоступное им мохнатое счастье. Продавцы тремя порядками ниже – толстые уличные лоточницы – начинают автоматически зазывать покупателей, даже прекрасно видя, что те тащат мимо них точно такие же помидоры, что и у них на прилавке.

...Родителям о своих приключениях у водоемов и на свинячьей ферме Андрей рассказывать не стал, только вечером потихоньку поведал младшему брату. Рассказал о том, что, похоже, вернулся тот водяной конь, который колобродил по району много лет назад... И теперь, приняв вид черной лохматой собаки жутких размеров, он бежит по пригороду и страшит припозднившихся влюбленных.

– Да не гони! – сделал преувеличенно испуганные глаза Виталька. – Правда, что ли? Может, ньюфаундленд какой одичал... Они же воду любят.

– Правда, чего там... Даже рисунки с натуры в редакцию прислали.

Андрей и сам не знал, почему он, вот прямо сейчас, связал то читательское письмо с легендой о водяном коне. Но почему-то он это сделал?

А версию о диком ньюфаундленде решил запомнить.

– Прикольно, я смотрю, там у вас – улет! Надо будет к вам на практику попроситься. Коня запрячь...

– Поздно будет.

– Почему? – зевнул брат, выключая свет.

– Он каждые тридцать пять лет из подполья выходит. Ну, в смысле из-под коряги... Пока ты до диплома доползешь, я его сам изловлю.

– Еще чего-нибудь найдется, – сонно пробормотал Виталька и через несколько секунд ровно, почти по-детски, заснул на своей тахте.

Андрей, отвыкнув от постоянного ровного шума за окном, еще долго не мог заснуть.

В понедельник, пропустив утренние перегруженные электрички, Андрей появился в редакции только к двум часам.

– А, герой! – радостно, словно после долгой разлуки, приветствовал его Борода. – Читал я, что ты мне оставил... Хлестко, ничего не скажешь! Вон, Борис уже иллюстрации

ищет. Прямо Нариньяни!

– Кто?

– Это фельетонист, лучший, советский. После его фельетонов в «Правде» кого-нибудь обязательно из партии исключали и с работы снимали. Не проходили разве?

– А, да, вспомнил, – соврал Андрей.

– Ты зачем наш менталитет так опускаешь? – хихикнул верстальщик, оглянувшись. – Я понимаю, ты человек не местный, но что мы тебе плохого сделали? Ну, хотели бабули заработать...

– Никто никому ничего плохого не делал. Надо просто освобождаться от местечкового сознания. А гренадеров видели, Михал Юрич?

– Гренадеры – это грандиозно! – воскликнул Борода. – Мы их тоже заверстали!

«Ага, я, кажется, перестарался».

– Я оба материала поставил, – подтвердил его худшие опасения главред.

«Значит, мне надо искать что-то на первый июльский номер. Шутки шутками, а ведь уже середина лета...»

– Андрюша, утром Аня Озерных звонила, – едва он появился в комнате, «обрадовала» его Валя. – Спрашивала, где ты. Она вечером к тебе домой который раз дозвониться не может.

– А на мобильный она мне не может позвонить?! – взвился Андрей.

– У них там деньги положить неоткуда. И с электричеством проблемы, напряжение низкое – зарядники японские не работают.

– О господи!.. Я ей не могу дозвониться, потому что у нее мобильный постоянно выключен, она мне – потому что там терминала нет! – Андрей забежал по комнатке, натываясь на мебель. – Сейчас положу ей штуку на телефон, а потом угоню у строителей трансформатор на солярке и отвезу им в лагерь – пусть все подзаряжаются до потери пульса!

– Ой, да не переживай ты так!.. – всплеснула руками Валя. – Чего ты!.. Все сладится у вас. Молодые же!

– Я молодой, да, но, боюсь, не доживу, – серьезно ответил Андрей, останавливаясь. – Если наши отношения будут развиваться такими темпами... Точно не доживу.

– Куда ты денешься! – весело махнула рукой Валя. – Доживешь!

– Ага... Кстати, – решил сходить в разведку Андрей, – мой братан высказал предположение, что эта местная собака Баскервилей – просто бездомный ньюфаундленд, от бескормицы промышляющий браконьерской рыбной ловлей.

Валя вдруг помрачнела.

– Да нет... Те собачки хоть и большие, но мирные... Спасатели же. А вот Михал Юрич сказывал: он на этой конференции в кулуарах слышал нехорошие вещи... Покусанные есть.

Сердце у Андрея замерло.

– Сильно коцает тварь?

– Сильно, – сокрушенно покачала головой Валя. – Едва выкарабкиваются из-за кровотечения. Хорошо, пока летальных исходов нет.

– А кого... на кого эти монстры чаще охотятся?

– Ты подразумеваешь...

– Угу.

– Не знаю, надо уточнить у Михал Юрича. Эту тему он сам ведет.

«И куда же?... Да, надо ведь уточнить место и время проведения наших языческих игрищ... А то перенесут в подальше от... греха».

В святилище жреца Клим не было. Зато, ловко ковыряя большим деревянным крючком, сидела девушка с длинными русыми волосами в платье-рубаше до полу.

– ...А вы кто? – ревниво оглядев его, спросила дежурная весталка.

– Я главный специалист по лешим, русалкам и водяным. Клим меня знает.

– А-а, тогда я тоже знаю. Натя. Это вроде пропуска. – Она подала ему бумажку.

– А еще один? Я буду с дамой.

– Это ничего, пройдете по одному. Это ж не официальное мероприятие. Так, для порядка. – Она слегка пожала плечами и мило улыбнулась.

Едва он вышел из магазина, зазвонил мобильный. Не глядя на номер, Андрей нажал на педальку.

– Это ты специально – чтобы мне стыдно было, да? – услышал голосок Анны.

«Ага, получила деньги на счет».

– Добился своего?

– Добился. Мне очень стыдно, но по-другому не получается. На праздник-то пойдем? Я приглашения достал.

– Да, пойдем... – Голосок звучал не очень уверенно.

– Я за тобой заеду? В субботу вечером? В девять начало.

– В девять я только детей укладываю.

– Вот я и подъеду... Как раз костры разгорятся...

– Мы это еще уточним, Андрюша. Вторник же только. Мне пора. Я тебя целую...

– Я тебя тоже.

Разговаривая с Анной, он прошел почти до старой части города.

«Что у нас в программе? Торжественный общий хоровод, гадание по воде – девушкам принести венки и свечи, танцы-пляски до зари... Просьба не приносить спиртные напитки и обнажаться полностью, ага... Не пользоваться видеокамерами и ненормативной лексикой. Не делать ничего, что противоречит общепринятой морали... Ну, это они написали на тот случай, если у властей будут претензии к организаторам за нарушения общественного порядка. Мы, мол, всех предупреждали... А они, мерзавцы, не послушали... Про занятия любовью прямо под звездами ничего конкретного не было говорено? Кажется, нет. Значит, в принципе можно... Хотя это вряд ли то, что хотелось бы делать в принципе».

«Чем занять четверг, пятницу и весь день субботы?» – мучительно соображал Андрей, даже огорченный тем, что Борода ваял очередной номер и его не трогал.

Но... Бросив на секунду верстальщика, главный заглянул к ним комнату:

– Андрюша, сынок!.. Ты как, сильно занят?

– Да нет, почти нет. А что?

– Слушай, я тут тему одну поднял... Если время у тебя есть, сходи к дамочке одной, поспрошай ее – что и как? Она тебе, молодому, красивому, больше расскажет.

– Хорошо, только сориентируйте меня поточнее.

Борода присел на стульчик для посетителей.

– Муж ее, дамочки этой, решил ее заказать... «Упс-с-с!» – как говорят наши американские друзья.

– ...и даже кредит в банке взял.

– О господи! – ахнула Валя за своим столом.

– Представляешь? Оригинально, да? – оглянулся на нее Борода.

– Нет, ребята, я этого не представляю и даже пытаться не буду.

Главред, не встретив сочувствия у ответственного секретаря, снова обратился к ведущему корреспонденту:

– Да, а когда разместил в Интернете объявления на этот предмет, попал в поле зрения органов...

«...которые по старой дружбе и верной любви сообщили об этом факте вам, уважаемый Михал Юрич».

– На его, так сказать, призыв о помощи откликнулся оперативный работник. Ну, с этой стороной я в целом разобрался. А ты, как мастер психологического очерка, разберись – как он дошел до жизни такой, а? Как там у них в семье отношения развивались.

– Ладно, разберусь. Давайте, что там – адреса, явки, пароли...

– Я знал, что ты меня не подведешь! – обрадовался Борода. – Пойдем, я тебе все дам.

Борода плюхнулся рядом с Борей доделывать номер, а Андрей решил обратиться за

помощью к Вале. Она, кажется, обидевшись за всех женщин на всех мужчин, включая коллег, насупленная, что-то набивала с исписанного от руки листочка. Наверное, подборку читательских писем. Про собак страшных и мужиков ужасных.

– Валь, ты мне не поможешь встречу назначить?

– А чего?

– Ну, женским голосом позвонить.

– Этой дамочке, что ли?

– Угу. Я ее мужским голосом отпугнуть боюсь.

– Ну ладно, – согласилась Валя, чуть подумав. – После такого трудно мужикам доверять.

Она набрала номер, вызвала страдальцу, подождала и заговорила с невидимой собеседницей тихим, неуловимо сочувственным голосом. Та, вероятно, не была расположена откровенничать с газетой, и Валя часто повторяла: «Но вы поймите, надо уберечь других женщин от подобных явлений». В ее голосе слышались какие-то знакомые нотки. А, да... Как у Ксении Петровны. Надо ей позвонить.

– ...Нет, это очень хороший журналист... Он многим людям помог, и женщинам, и детям, и пожилым.

Валя зачем-то глянула на него – ты согласен, что ты такой? И Андрей вынужден был кивнуть в ответ.

– Вы не могли не читать его публикаций... Да, за это вы не беспокойтесь, имена мы изменим, зашифруем инициалами... Хорошо... Он подъедет вечером, да?

Андрей снова кивнул.

– Это ненадолго, – сказала под конец Валя то ли Андрею, то ли дамочке и положила трубку. – Ты был прав – я и то с трудом ее уломала. Напугана она, не хочет ни с кем общаться.

«Вот поэтому Борода и дал мне это «почетное поручение»... – Андрей понимающе хмыкнул. – Ну ладно, делали до этого – сделаем и сейчас».

Валя отдала ему бумажку с адресом и отпустила на перерыв.

– Ну как, богатырь? – окликнул главред, когда Андрей проходил мимо раскрытых дверей. – Наклевывается там чего?

Андрей только презрительно глянул на него, выпятив губу.

– Я в тебе и не сомневался.

Ехать к заказанной собственным супругом даме пришлось на трамвае, в новый микрорайон, хотя новым его, вероятно, называли по инерции.

Квартира располагалась на шестнадцатом этаже.

«А чего было киллера нанимать, да еще за бешеные деньги? Сбросил бы с балкона, и все дела, – звоня в дверь, подумал Андрей. – Эх, хорошо, Валя мыслей моих не слышит... Навсегда б разругались».

Объект интервьюирования мельком глянул в шелку, откинул цепочку и впустил Андрея в квартиру.

– Вы, конечно, извините, – жалостливо промолвила коротко стриженная, круглолицая женщина лет тридцати, – но вы же понимаете... Я бы хотела убедиться...

«Что я не Терминатор».

– Конечно, – легко улыбнулся Андрей. – Это обычное дело.

Он дал ей посмотреть удостоверение.

– Да, мы ваши статьи читаем... Вы хорошо про людей пишете. Про директора канатной фабрики всем отделом вслух читали.

В прихожей крутился мальчонка лет пяти, такой же темноволосый и круглолицый.

– Привет, герой, – сказал Андрей и протянул ему руку.

Мальчик ответил: «Привет» – и с размаху шлепнул его ладонью по ладони.

– Кто ж так с гостями-то здоровается, Денис? – строго нахмутив брови, заметила

Оксана.

– У богатырей так принято, не беспокойтесь.

Квартира была двухкомнатная, обстановка, вероятно, сохранилась от родителей, с восьмидесятых годов. В большой комнате был открыт балкон, через него Андрей мельком увидел панораму района и даже пробежавшую здесь Москву-реку. Солнце стояло еще высоко, но от горизонта поднялось сероватое марево. В трамвае Андрей слышал, как граждане сетуют на отсутствие дождя – хоть бы пыль прибил.

«В понедельник, граждане, не раньше!» – тогда же подумал он.

– Дениска, пойди поиграй, – велела Оксана.

– Ну-у-у, – изогнулся парнишка.

– Денис, я кому говорю?

Мальчик нехотя ушел. Оксана провела Андрея в кухню и усадила пить чай.

– Скучает он по отцу, – заметила, разливая заварку. – Не знаю, как ему и сказать, где отец. В полярники нанялся! – Она досадливо мотнула головой и отвернулась.

– А как вообще могла сложиться подобная ситуация? У вас, я смотрю, обстановка приличная, не голодаете. Парень хороший... Нормальная семья, – приступил к расспросам Андрей.

– Ну, Володя...

«Он по-прежнему Володя?».

– ...он всегда ревнивый был. Еще до свадьбы выпрашивал – был ли кто у меня до него. Дальше – больше... На работу очень часто звонил – где я, что делаю... Даже начальница моя на него один раз собак спустила по-крупному, высказала, что из-за него отдел не работает – только меня ищут. Дозвониться до нас клиентам трудно, вечно из-за его звонков телефон занят. Так он пришел в офис и такой скандал устроил... Охрану пришлось вызывать. Ну, к женщине ревновать – где ж это видано? Вообще...

– М-да, такое не часто услышишь.

– Ну, вот я и решила, чтоб у него эту агрессивность снять, на вегетарианский рацион перевести.

«Какая-то кинологическая лексика у нее... Спросить потом?»

– Мы-то, как поженились, питались, можно сказать, отдельно, мне одно, ему другое, сыну, как родился, – третье. Я сама уже восемь лет мяса в рот не беру и прекрасно себя чувствую. Вегетарианцы же не агрессивные, мягкие... Вот я и хотела, чтобы он таким стал. Но Володя, как два-три дня без мяса просидит, ворчать начинает, злиться. Возражал, что я Дениску редко мясным кормлю. Я настаивала, уговаривала, думала, привыкнет.

– И долго это...

– Да года два с половиной.

«Стойкий мужик Володя! Но достали его таки мягкотелые вегетарианцы!»

– И все время были какие-то конфликты?

– Да, были... И ревность проклятая никуда не уходила, и из-за питания скандалили часто.

– Тогда, может быть, стоило отказаться от этой тактики? Раз хуже было?

– Так ведь почему хуже-то! – всплеснула руками Оксана. – Потому что меня не слушал! Привык бы постепенно... Но он же не все время дома питался, обедал в общепите, значит, и мясо ел. От этого все!

«Значит, путь через желудок ведет не только к любви, но и к ненависти».

Оксана прослезилась.

– А теперь на пожизненное пойти может... А? Сын без отца вырастет. А как вырастет, узнает, что папа сидит за то, что маму убить хотел.

Они помолчали.

– Скажите, Оксана, а если бы ваш муж вернулся через некоторое время домой, вы бы его простили? Приняли бы?

– Простила бы, конечно... Как мальчишке без отца?

– А... отношение к питанию изменили бы?

– Что ж тут изменять? У меня современный, здоровый подход. Она смотрела на него, явно ожидая подтверждения своей правоты.

– Так, я понял ситуацию, – отводя глаза, сказал Андрей.

– Вы ведь так и напишите – что от мясной пищи весь вред и преступность, да?

– Я, естественно, точно донесу до читателя вашу жизненную позицию. Может быть, проконсультируюсь с врачом-диетологом. Я не специалист, так что лучше спросить у тех, кто занимается этим профессионально.

– Нет-нет! Вы так и напишите – весь вред от мяса, особенно от говядины... Вы ведь понимаете, когда эту несчастную скотину забивают, весь ее ужас, боль, страх смерти – они как бы остаются в тканях и травят человека... Ой, я вам сейчас книжку принесу!

Оксана унеслась и через секунду вернулась с брошюрой, заметно потрепанной, с разлохматившимися уголками.

– Вот, почитайте.

– Спасибо. Когда мы сделаем материал по этому случаю, я вам верну.

– Ой, не надо!.. Оставьте себе. – Оксана радостно замахала руками. – Я ее почти наизусть знаю!

«Ты б лучше «Книгу о вкусной и здоровой пище» выучила!»

– Тогда спасибо, – сказал Андрей, вставая. – Да, я еще хотел спросить: чем вы занимаетесь?

– Менеджером работаю, в небольшой фирме. Корм для домашних животных поставляем.

«Ведь почти угадал... Интересно, связано это как-нибудь с ее увлечением вегетарианством?»

Коль скоро Борода играл в шахматы, а Валя вязала, можно было сделать вывод, что номер вчера благополучно сдали в типографию.

– Привет, Андрюша! – повернулся к нему главред. – Ну, чего, был ты у этой жертвы несостоявшейся?

– Был-то я был, но кто там жертва – большой вопрос.

– Я и надеялся на твой нестандартный подход к теме.

– Кстати, о подходе... У вас знакомый врач-диетолог есть?

– А чего?! – всполошился Борода. – Ты заболел?

– Да нет... Это у героев наших дело в питании. Обеспечите информацией?

– Хорошо, я сейчас позвоню. Ты набросай там, что нарыл, а я потом все в один материал сведу, хорошо?

«Вот так и прокантуюсь до вечера пятницы... Столько ждал – может, и дождусь, доживу!»

...Вчера вечером ему на домашний номер позвонила Анна. Она говорила быстро и как будто прикрыв микрофон ладошкой – что у нее все хорошо, что на празднике, скорей всего, будет, просто еще не знает, стоит ли Андрею приезжать за ней.

– Ох, господи, ну что за дела? – стонал он в трубку. – Ночи-то нет, светло почти круглые сутки!.. Что я, заблужусь?

– Ладно, я еще позвоню. Целую, Андрюшечка.

Бессильно послушав назойливо-издевательское пиканье отбоя, Андрей едва не швырнул телефон об стену.

– ...И что там за убийственная ситуация? – ревниво спросила Валя, не отрываясь от вязания, когда он сел за свой стол.

– Ничего хорошего, подруга. Оксанка эта просто довела мужа диетами до полной невменяемости, а теперь рыдает, что сынишка без отца вырастет. Женская логика, блин!.. Мне из них только его по-настоящему жалко... Разнесу всех сейчас к чертовой матери со всеми их заворотами!..

– А чего ты злой такой? Неужели из-за них?
– Нет, не из-за них, – признался Андрей, включая компьютер.
– Аня не звонит? – осторожно предположила Валя.
– Да нет, звонила вчера. Только неохотно на контакт идет. Я ведь ей, по-моему, свою преданность доказывал неоднократно... А она мямлит что-то, все тянет...

– Ну, ты понимаешь... Она ведь, кроме твоего замечательного отношения, с подлостью людской неоднократно сталкивалась. Бойтся еще раз обжечься. Я, например, ее понимаю.

Андрей глубоко вдохнул, собираясь произнести тираду о том, что его нежно любят птицы, дети и читатели. И все потому, что он благородный, готовый прийти на помощь слабому и страждущему и вообще замечательный, но в комнату с какой-то бумажкой вкатился главный.

– Вот, Андрюша, можешь созвониться и получить консультацию. Только это после обеда.

– Да, Михал Юрич, а вы мне машину на вечер субботы дадите?

– А ты куда намылился? – живо заинтересовался Борода.

– Так ведь шабаш районного масштаба намечается – не помните разве? В приснопамятные Озерки поеду, с русалками колобродить, коней водяных укрощать.

– Ах да... Костика тебе дать?

– Да не надо... Это ж на всю ночь. Он изноется там. Я у Клима, лешака их старшего, фотки возьму – наверняка у них архив немалый за последние триста лет собрался.

– Ага... Ну ладно. Как знаешь.

– Ты чего дедушку пугаешь? – тихо спросила, давась от смеха, Валя. – Он ведь поверил.

– А я и не врал вовсе, – сам невольно фыркнул Андрей. – Назначь мне встречу, а? А то вдруг там на телефоне баба-яга какая-нибудь? Биографию заставит рассказывать, справки о прививках потребует...

Свидание с врачом Валя назначила только на два часа пятницы, а до этого можно было расслабиться и, отпустив Валю, побродить по Интернету.

Борода, отдав ключи и посоветовав не задерживаться, тоже укывлял по своим делам.

Еще учась в университете, Андрей любил, пропустив малоинтересную пару на Моховой, посидеть на лекции по психологии, которые читались в высотках на Воробьевых горах. Там он слышал местное присловье, сводившееся к тому, что проблемой эмоций занят эстонец, лекции по психологии зрительного восприятия читает слепой, а ведущий специалист по спортивной психологии приезжает на лекции в инвалидной коляске. Поэтому вполне можно было ожидать, что врачом-диетологом работает необъятных размеров дама, которой легче застрелиться, чем похудеть. Но доктор, кандидат наук Лисовец, напротив, оказался поджарым, желчным мужчиной. От большого, нависавшего над верхней губой носа к подбородку проходили складки, а кожа была желтоватого оттенка. Если б не белый халат и шапочка, выглядел бы он типичным Кошеем Бессмертным. Хотя у кого, как не у Кошея, спрашивать совета, как прожить триста лет да еще активно добиваться расположения юных царевен?

– ...Полное вегетарианство русскому человеку совершенно несвойственно, – выговаривал Лисовец Андрею, словно тот был ярым приверженцем салатов. – Там, где можно собирать три урожая овощей в год, это, может быть, и возможно в принципе, но не у нас. В России слишком скудные урожаи и слишком долгая зима. Овощей до нового урожая все равно не хватит. Да и в природе ни одно самое травоядное животное не упустит случая поесть мяса. Белка, если представится случай, ворует из гнезд птенцов...

– Ну да? – искренне удивился Андрей.

– Да... Я, работая на Крайнем Севере, лично наблюдал, как олени, которые питаются почти исключительно мхом ягелем, нашли под снегом гнездо леммингов, и через пять минут от бедных грызунов ничего не осталось – так, несколько капель крови на снегу... Кстати,

тамошнее население питается практически только мясной пищей, а преступность там, особенно связанная с насилием, традиционно очень низка. Так что ваша героиня...

Лисовец почему-то указал на книжку, которую дала Андрею несостоявшаяся жертва.

– ...действовала в заведомо противоположном направлении.

– А?...

– Я вам больше скажу, – перебил его явно вошедший в лекционный вкус Лисовец. – Где-то в Кордильерах есть некое индейское племя...

«Да, ну это точно про нас! В самую десяточку!»

– ...где мужчины, как правило, не доживают и до сорока лет. И все из-за того, что там постоянно происходят кровавые драки...

– И как это соотносится с нашей темой?

– А так, что это племя вообще не употребляет мяса и другой белковой пищи – в силу религиозных традиций. Только растительную.

Врач победно посмотрел на Андрея: что, убедил?

«А ведь и вправду про нас... Недоедают мужики по-крупному, вот бросаются друг на друга с мачете, или что у них там...»

– В этой связи я всегда выступал против религиозных постов, особенно Великого поста, – продолжил обличать Лисовец.

– Почему?... Вроде, говорят, очищение, обновление... Поясните.

– Во-первых, не надо загрязняться, тогда и очищаться не придется. А во-вторых, что за польза от поста в конце зимы, когда и так катастрофически не хватает питательных веществ? Если уж охота очиститься – попоститесь летом, когда достаточно овощей и фруктов.

– Многие вас не поймут.

– А обычаи, изобретенные три тысячи лет назад для палестинских земледельцев, понятны?

Лисовец ехидно усмехнулся, будто бы Андрей в ранней юности сам принимал участие в их создании – сам на скрижали буква за буквой переносил, и врачу это было доподлинно известно.

– К примеру, – совсем уж скривил тонкогубый рот диетолог, – почему во время Великого поста запрет налагается еще и на интимные отношения, а?

«Вот это уж точно не я сочинил!.. Правда-правда, дяденька!»

– Не представляю, доктор.

– А потому, что, если женщина забеременеет в начале весны, к концу осени будет уже на сносях и не сможет принять участие в сборе урожая. Да еще будет сама нуждаться в присмотре и уходе других лиц... А осенний день – он год кормит.

– Словом...

– Словом, надо руководствоваться здравым смыслом, а не предрассудками, и не книжки дурацкие читать, а консультироваться у специалистов. Не согласны?

Лисовец еще раз с презрением ткнул длинным желтоватым пальцем в Оксанину брошюрку.

– Согласен полностью. Так и напишем. Вы мне дадите сведения – для точности, – что вы заканчивали, по какой теме защищались. Наш главный редактор очень требователен к фактам.

– Э-э... – замялся врач. – Тут есть одна особенность... Я, видите ли, кандидат технических наук...

– Как?

– Да... Из-за занятий наукой я подзапустил собственное здоровье, ну, знаете, сухомыткa, перекусы... А когда спохватился, уже так подорвал себя, холецистит, катар желудка...

«Ага, ведущий специалист по психологии слухового восприятия глух на полтора уха... Чего нового!»

– ...а врачи ничего, кроме консервативного лечения, предложить мне не могли. Вот я и

начал почитать специальную литературу, собирать народные рецепты... Вылечился сам – теперь лечу других. – Он, не глядя на Андрея, пожал плечами. – Довольно успешно.

– Ну, эти обстоятельства к нашей теме прямого отношения не имеют, – постарался утешить его Андрей. – Главное я услышал, за что вам большое спасибо.

Выйдя из корпуса горбольницы, Андрей решил пройти пешком до редакции – это заняло бы минут двадцать пять. Всего? Ох, как же гнусно тянутся последние часы до... праздника.

«А хороший мужик этот врач технических наук... Желтолицый правда, но все равно. Главное, пост не надо соблюдать – точные науки категорически против, а это уже серьезно!.. Мяско хавать можно под завязку – раз! Воздерживаться от дамсага полу не надо – два!.. Хорошо-то как!.. А я вот воздерживаюсь».

Шел пятый час, в редакции клубились и вставали волнами внештатники, явившиеся за июньскими гонорарами. Комната главного была закрыта и заперта.

«А ну эту работу! – подумал Андрей. – Пойду-ка я на самом деле хряпну парочку-троечку бифштексов... Мне, кажется, воздержание не показано? Нет... Наемся мяса и завалюсь спать, как большой удав – свернувшись бухтой... Ведь мне завтра всю ночь куролесить... Или как?»

Надо было во что бы то ни стало дозвониться Анне О., согласовать встречу... Самое логичное и простое – забрать ее из лагеря, отвезти на это языческое токовище... А потом, когда нагуляется, повезти к себе. Если она захочет... А она захочет?

Вот об этом надо будет спросить ее на празднике.

...Отдуваясь и довольно прикрывая глаза, Андрей взялся за мобильник. Ох, хорошо пошли эти рыжие фабричные кругляшки! Вот что надо было этой глупыхе Оксанке делать – кормить мужа от пуза и преимущественно белковой пищей! За морковку тертую, конечно, убивать жену не стоило, но... Жаловать тоже особенно было не за что.

Посмотрел на часы – половина восьмого вечера. Тепло, томно... Солнце зависло над горизонтом, заглядывая прямо в открытые окна. Визжали, тоже активно ужиная белком, домашние стрижи. Пусть бы так было завтра... А там – хоть потоп.

В мобильнике настырно пищало – и то хорошо! Значит, телефон у Анны включен и абонент доступен.

– Алё, Андрюша!

– Привет. Ты как?

– Замечательно!

«Ага, голос радостный!».

– Как мы завтра?

– Ну да... Завтра встретимся прямо там, на Озерках.

– А раньше? Чтоб я был уверен?

– Я буду обязательно. Но только не к самому началу.

– Нет, давай я в лагерь приеду?

– Не надо, я сама приеду. Там встретимся.

– А зачем все эти сложности?

– Ну, так... Я так хочу, – почти прошептала Анна. – Уж найдем там друг друга, я думаю...

В голосе Анны слышались мурлыкающие, скользко-неуловимые нотки, от которых у Андрея защемило сердце. Ведь будто обещает... Или не «будто»?

– Правила тамошние знаешь? – смирился Андрей.

– А там есть какие-то правила? – уже совсем по-земному спросила Анна.

– Есть, и очень строгие, – приврал Андрей. – Вот поэтому надо встретиться хотя бы на подходе...

– Созвонимся завтра ближе к вечеру, ладно? Сейчас детки поедят, мне их укладывать. Извини, пора идти. Я тебя целую, Андрюшечка, крепко-крепко...

Андрей не успел договорить «и я тебя тоже», как в трубке запикал отбой. Все. Поговорили. Главное, свидание состоится... Обязательно.

Где его парадное обмундирование?

Вид пятнистых шорт и майки неприятно напомнил о Тамарке Зуевой.

«Вот пойду завтра с утра пораньше и куплю что-нибудь другое – светлое, как одеяние Лознгрини... С утра перед работой и сбегаю. Эх, лишь бы дождь не пошел».

Засыпая, Андрей прислушался, пищат ли стрижи, хватая припозднившихся мошек, но, кажется, птицы, налетавшись, тоже завалились спать.

Идти в редакцию утром в субботу было не обязательно. Материал для следующего номера вырисовывался отличный... Но чтобы без глубоких психологических травм протянуть эти десять часов до свидания с Анной О., позарез нужно было их хоть как-то заполнить...

Андрей влился с первыми покупателями в только что открывшийся торговый центр, не перебираясь, купил в павильончике у какой-то взрослой тетеньки короткие светло-серые шорты со множеством карманчиков, белую футболку и резво поскакал назад на работу.

«Отчешу сейчас эту Оксану-травоедку, а там пусть Борода преломляет ее в своем творчестве как хочет... Я на два объекта за материалом выезжал – моя часть все равно информационно весомее!» – чуть злясь на весь непонятный женский род, подумал Андрей.

Погода стояла теплая, почти жаркая. Дождя не было уже три недели с хвостиком, центр города усиленно поливали машинами. Это был не очень хороший признак. Андрей давно заметил, что вслед за искусственным поливом, как правило, очень скоро наступал естественный. Это было совсем неплохо, если разобраться... Попрыгают они там через костер, а потом хлынет противный, ужасно мокрый дождь – и они с Анной побегут спасаться от холодных струй сначала в машину, а потом к нему домой. Куда ж еще? Зачем на другой конец города ехать и родителей ночью будить? Конечно, к нему... Да, вот и эти тонкие, высокие облачка появились в зените бледно-голубого неба. Точно, к ночи дождика надует...

Бороды на месте не было, только Валя говорила по телефону. Она, не прекращая вещать, протянула ему ключи от машины.

– О! – невольно воскликнул Андрей, а Валя сделала ласковые глаза.

– Веселый сегодня? – спросила вместо приветствия, положив трубку.

– Вроде да, – кивнул Андрей. – А чегой-то компьютер включен? Я вроде вчера не садился. Да и вообще – выключаю всегда четко.

– Это я тебе Михал Юрича скинула. Он ту часть, которую у своих людей взял, велел тебе отдать, чтобы ты один большой материал сделал. Там увидишь.

– Ага, – совсем развеселился Андрей, открывая файл. – Вроде он собирался меня абсорбировать?

– Михал Юрич старенький, ему на пенсию пора... Тебе что – трудно?

– Да нет, чего там. Не трудно. Сейчас залудим по-быстрому.

Действительно, уже к обеду была готова полосная статья – даже не о том, что нехорошо убивать людей, скорей о том, что людям надо уметь между собой договариваться. Тогда и убивать никого не придется. Очень пафосно...

«Примет ли суд во внимание, что несостоявшаяся жертва, похоже, готова простить своего неудачливого убийцу, мы узнаем через месяц-полтора. Тогда же станет ясным, кто будет выплачивать взятый в банке кредит и будет ли он выплачен вообще», – философически закончил Андрей свой опус.

– Валь, а номер со швейными машинками вышел? – спросил, отваливаясь на спинку кресла.

– А то!.. В транспорте обсуждают – сама вчера вечером слышала. Сегодня тоже, утром. Смеются все над этими «металлистами», так ты их...

Тут зазвонил телефон, секретарь ответила строгим голосом:

– Редакция «Крестьянской газеты»... Да... Я поняла... Ну ясно...

Голос у нее странным образом потеплел – на том конце провода был явно не возмущенный чем-то читатель и точно не желающий подать коммерческое объявление бизнесмен. Андрей насторожился, а Валя, продолжая угукать в трубку, украдкой окинула его внимательным взглядом.

– Нет, там все в порядке. Хорошо, я поняла. Не беспокойтесь.

Андрей начал догадываться, в чем дело, и в свою очередь принялся метать в ответственного секретаря презрительно-уничижительные взоры.

– Все, до свидания. Спасибо за звонок.

Валя, не глядя в его сторону, положила трубку.

– Анька звонила, да? – выждав секунду, бранчливо процедил Андрей.

– Во-первых, не Анька, а Анечка, а во-вторых, да, она.

– А меня позвать можно было?

– Нет. – Валя упорно не хотела смотреть ему в глаза. – Не велела она.

– А чего вообще говорила?

– Спрашивала, где ты, как у тебя настроение.

«Спросить, не было ли каких-то отмен?» – подумал Андрей, но он почему-то знал – не было.

– А она как? Чего делает?

– Так вы же вчера созванивались, – наконец поглядела на него Валя. – Перышки чистит к празднику Анюта, что еще.

– «Перышки»! – пробормотал Андрей, нервно гоня файл по экрану. – Сколько у вас затей этих бессмысленных, девицы! Я ее всякую видел – что мне ее «перышки»?

– Мы – порядочные девицы, – кокетливо произнесла Валя, поводя плечами. – Нам без затей нельзя.

– Вот, а я страдаю вовсю.

– Да ты когда ее в первый раз увидел, Андрюшка, миленький! – всплеснула руками Валя.

– Ну, полгода назад, – солидно приврал Андрей.

– Люди годами друг друга ждут!

– Я не хочу годами! Я хочу сейчас! – почти взвизгнул он, вскакивая.

Валя вздрогнула, но промолчала.

– ...Борода сегодня будет? – уточнил Андрей, немного побегав по комнате и утомившись.

– Нет, он на даче до понедельника.

– Ну, тогда в понедельник дам ему почитать.

– Хочешь уйти?

– А чего делать? Я свою долю оттрубил.

– Ты ж у нас надежда и опора.

Валя тоже начала собираться, складывая в стол дыроколы и степлеры.

– Давай развлекайся, – сказала она Андрею на прощание.

– Да уж я развлекаюсь! Я развлекаюсь по полной программе! – прорычал Андрей.

Он чмокнул Валу в щеку, отчего та испуганно ойкнула, и вылетел из редакции.

До официального начала праздника оставалось больше пяти часов.

Похоже, они собирались длиться месяца два...

Но эти несколько часов прошли. Все-таки прошли. На Анну О. Андрей откровенно злился: ну почему не позвонит, не подтвердит встречу?... Сам звонить не стал – сколько можно, в конце концов?

Когда выехал за город, солнце уже завязло в сиреневой дымке у горизонта. Было тепло, как-то обволакивающе, ненавязчиво – со всех сторон сразу.

Андрей наивно думал, что будет чуть ли не первым, но уже на дальних подступах к Озеркам увидел гибэдэдэшников, которые истово махали полосатыми жезлами.

«Как скунсы хвостами!»

...Отправляли гостей парковаться на обочину. Судя по запаху, самые нетерпеливые язычники приехали еще утром, развели костры под шашлык и неплохо погуляли.

Ставя машину, Андрей разглядывал участников. Похоже, все здесь, не только он, решили оттянуться по полной. Из только что вставшей перед ним машины вылезли две тощие девицы хорошо «за двадцать» в джинсовых юбчонках и майках, напялили венки, сильно смахивающие размером на траурные, и заспешили куда-то. Туда же направлялся неспортивного вида сорокалетний дядька, прикрытый дикарской набедренной повязкой из мочалки. Его дама не стеснялась запущенного целлюлита, который подло выдавал раздельный купальник.

«Разоблачились! – подумал все еще злой Андрей. – Надо бы вам сумерек дожждаться».

Сам Андрей заранее в шорты переодеваться не стал, но, увидев, что в брюках, даже легких, будет вне зоны действия локального дресскода, тут же в машине натянул шорты.

Конечно, он не каждый день за этот год добровольной ссылки в провинцию брался за гантели, а о тренировочном зале и думать было некогда, но все-таки он смотрелся получше многих даже молодых мужиков, которые бегали едва прикрытые растянутыми плавками и ожерельями из ракушек.

«Я вообще зачем сюда приехал?! Предаться гнусному, разнузданному языческому разврату! Значит, наличие штанов – это не только ханжество, но откровенное лицемерие и гордыня!»

Зазвонил мобильный. Так и сидя в незастегнутых шортах, Андрей посмотрел на дисплей, подождал, выравнивая дыхание, и ответил разморенным, чуть недовольным тоном: «Мм-да?»

– С праздником солнцестояния! А вы где?

– Взаимно... Мы только подъехали. Боевую раскраску делаем.

– Ну да?! А мы уже туточки.

Голос Анны О. звучал на фоне криков, брэнчания музыки и девичьего смеха.

– Да?... А вы где конкретно?

– Мы на бережку... Подтягивайтесь, а? Через пятнадцать минут начало церемонии.

– Сейчас буду.

«Кто ж это «мы», интересно? И кто там с кем церемониться будет?!»

Андрей рассовал по карманам шорт разные нужные мелочи, повесил на грудь мобильник и, чуть стеснясь голых ног, поспешил вслед за всеми.

«Во, хорошая фраза – одетый только в сотовый телефон... И ни с кем я церемониться не намерен».

Народ нестройно, путая слова, распевал русские народные песни и не спеша двигался к месту действия. Эта дорога, или, вернее, широкая тропа, была Андрею незнакома. С Павлом Никитичем они подъезжали к озеру через поселок, как бы с торца, а сейчас двигались, обходя населенный пункт слева. Наверное, метров через восемьсот они выйдут к берегу, противоположному тому, с которого весной ученые мерили озеру температуру.

Что-то внутри Андрея тревожно ойкнуло – как к этому заполошному, разномастному нашествию отнесутся аборигены? Ну, агрессивно настроенных русалок ему можно было особенно не опасаться – у него есть личная заступница. А как тот лохматый, мокрый мужик, который сглазил мужественного чекиста Никитича?...

«Сколько нас тут – сотни три-четыре? – прикинул Андрей густоту толпы и помножил ее на видимую протяженность дорожки. – Плюс те, кто уже тусуется и еще подтянется... Ну, тысяча... Да, а как я Анну среди них искать буду?!»

...Когда он представлял эту их с ней встречу, воображению рисовалась полупустынная местность с догорающим на отдалении костром и двумя-тремя такими же, как они, нежно воркующими в кустах парочками. А тут!

Такая мощная тусовка...

Тем временем они уже вошли в перелесок, отделявший дорогу от озера. Голоса стали

чуть тише, а тропа еще более сузилась, и пройти по ней можно было в лучшем случае вдвоем. Здесь было уже сумрачно, хотя впереди, за деревьями, мелькал неяркий, цвета червонного золота диск садящегося солнца.

Андрея кто-то несильно толкнул в спину. Девушка с распущенными волосами, прихваченными кожаным ремешком, пробежавшая мимо него, кокетливо оглянулась.

– Чего пихаешься? – шутливо-грубовато откликнулся Андрей. – Догоню – мало не покажется!

Он почувствовал, как его лицо расплывается в совсем неинтеллигентной, двусмысленной плотоядной ухмылке.

– А ты попробуй догони! – бросила на бегу девушка.

«Так, начинается!..»

На девушке был длинный холщовый сарафан – как в павильоне у Клима.

– Не проблема, – пробормотал Андрей, но за наядой не побежал.

«А в таком балахоне женщина кажется более привлекательной, чем в бикини... Интересно, а трусики под них носят? Зачем они там, в сущности?»

Не было бы у Андрея запланированного свидания, он бы ее догнал, ох догнал!..

«А как сегодня одета Анна? И есть ли на ней... венки или что-то еще?»

Додумать эту важную мысль до конца не удалось – он вышел на обширную поляну. Посреди нее располагалось нечто похожее на шалаш из сухих веток высотой метра в три с половиной.

«Если это – тот самый костер, то через него не перепрыгну даже я, – подумал Андрей. – Останусь при всех своих грехах!»

На границе поляны и невысокого кустарника располагались лотки со снедью и напитками. Кто-то проверял связь, считал в микрофон.

«Так, пора искать Анну О. Все возвращается на круги своя...»

Телефон у Анны был отключен.

«Вот это фокус!» – подумал Андрей, но почему-то не огорчился.

Он же знал, что Анна здесь и вот-вот появится... И остаток вечера, который будет длиться до утра, они проведут вместе... Просто играет русалка. Ну, ее право – в такую-то ночь.

– Дороги-и-и-е го-о-ости! – зазвучало из громкоговорителя, и Андрей узнал голос Клима. – Сердечно приветствую вас на празднике летнего солнцестояния, празднике Яр-р-рилы-солнца, отца и прародителя всего живущего!

«А как это соотносится с Ванькой Купальщиком? – удивился Андрей. – Это у него ник такой?»

Но размышлять об этом не было возможности, потому что толпа, все прибывавшая на поляну, откликнулась гулом и улюлюканьем.

Клим, воздев правую руку к небу, вещал в микрофон с дощатого помоста. Он был одет в униформенную холщовую рубаху до пят, только с сине-голубой отделкой. На старославянский манер, окая и растягивая слова, Клим поведал, зачем они сегодня сюда пришли, призвал, отдаваясь безудержному ликованию, не пугать лесных, земных и водяных духов излишними проявлениями животной страсти и объявил праздник открытым.

По мере продвижения климовского камлания к логическому концу, у него за спиной накопились девушки в рубахах и просто в светлых легких платьицах. Андрею вдруг пришло в голову, что они затянут государственный гимн, и он, не стесняясь, фыркнул. Этого никто не заметил, потому что толпа отвечала Климу радостными кликами. Хор действительно запел, но а капелла, что-то дикарско-языческое, с горловыми переливами, пританцовывая и хлопая в ладоши.

«Уф, обошлось!» – с облегчением выдохнул Андрей и стал разглядывать певца.

Клим взял поданный кем-то факел и поджег костер. Сухие ветки занялись дружно, жарко, с треском, а искры вознеслись в темно-синее, с первыми звездочками небо.

Служители и служительницы культа находились метрах в тридцати от Андрея. Но до

того, как огонь резво взобрался на вершину и заслонил их, Андрей успел заметить, что одна из хористок, одетая в светлое платье в крупных красных цветах, до боли ему знакома...

«Ах, так она еще и поет! Я тут, понимаешь, извелся весь, а она там горлышко полощет!» – только что не зарычал он и стал, лавируя между собравшимися, пробираться к помосту.

Девушки еще не допели, когда Андрей, пробравшись за помост через кусты, зашел в тыл забывшимся в пении язычницам. Клим еще зажигал, рассказывая гостям, что сегодня всем хорошим людям откроются клады, несемейные могут погадать на будущего супруга, и просил быть осторожными на воде во время торжественного открытия купального сезона, который вот-вот состоится. Попутно призвал не мусорить – леший накажет.

– Ага, за жопу хватать – и в кусты! – прокомментировал кто-то рядом.

Народ понемногу входил в праздничный транс.

Девушки спели что-то переливчатое, но повеселее, и официальная часть, по-видимому, закончилась. Певицы, послушав аплодисменты и чинно поклонившись в пояс, повернулись и гуськом двинулись со сцены.

«Хорошо, хоть не бисируют», – подумал Андрей, притаившийся у схода с помоста.

Ночь набегала на озеро неукротимо и быстро. Освещалась поляна теперь только пригасшим костром и гирляндами цветных лампочек, кое-где наброшенных на ветки сосен. Так что незаметно подкрасться к Анне О. сзади, выхватить ее за талию из муравьиной цепочки жриц не составляло труда.

– Ой! Кто это? – вскрикнула Анна, которую Андрей легко, прижав к себе, вскинул в воздух. – Ой, пусти!

– А ты как сама думаешь, затейница?! – рыкнул он ей на ухо, не упустив провести губами по шее.

Девушки, ритуально взвизгнув, бросились врассыпную, а в неверном свете пламени Андрей увидел, что к ним двинулись два-три парня, голые по пояс, длинноволосые и в бусах.

– Что там? – крикнул один.

– Все в порядке, все в порядке! – откликнулась Анна, которую Андрей все же поставил на землю. – Это мой друг!

«Друг я тебе, как же!.. Нет, так не пойдет!» Парни притормозили, но все так же приглядывались к ним, не выказывая желания оставить в покое.

– Свой я, свой! Я знакомый Клим, журналист, – пришлось сказать Андрею.

– А, ну давайте! – разочарованно отозвались спасатели.

Андрей снова оторвал Анну от земли и, прижимая к себе, перенес на несколько шагов туда, куда не доставал отблеск костра. Хотя именно там было заметно, что тьмы нет, но есть темно-голубые сумерки, а по гладкой поверхности озера пролегает оранжевая закатная дорожка.

– Так, – сказал он, поставив Анну на землю и повернув к себе, – поешь, да? А я тут...

– Ой, Андрюшечка, как же я тебе рада!

Анна закинула ему руки на шею, и он, кажется, различил, как блестят ее глаза, и угадал счастливую улыбку.

– Не верю!

– Нет, правда! Очень рада...

«Ах, ну раз так!..» И Андрей принялся повсеместно и бурно, чуть грубовато тискать так неосторожно давшую ему повод Анну. Что там по пути попало – все в дело пойдет!

– ...Ой-ой, Андрюшечка, перестань! Я сейчас умру... – зашептала на ухо Анна, предпринимавшая слабые попытки выпростаться из его объятий.

– Я уже два месяца так помираю! Терпи!

Но воздать Анне полной мерой не удалось, потому что поодаль раздалась радостные клики, топот и треск раздираемых кустов. Они, с трудом оторвавшись друг от друга, обернулись на шум и увидели, что мимо, совсем рядом, двигаются люди с факелами, бия в бубны и звеня чем-то металлическим.

– Чегой-то они здесь? – недовольно пробормотал Андрей, нехотя отпуская Анну, одергивающую платье.

– Сейчас купальный сезон будут открывать. Пойдем посмотрим?

Анна осторожно сняла его руку со своей талии.

– А, ну пойдем, – разочарованно произнес Андрей. – Когда еще такое увидишь.

Мимо них к озеру шла нестройная процессия штатных язычников в рубахах и с ошумляющими приборами.

«Ну, теперь водяного коня опасаться не стоит – они этими тимпанами и кимвалами целый табун разгонят! Хотя... как знать?»

Они присоединились к процессии и в неверном свете факелов спустились с невысокого пригорка к озеру. Среди прибрежного ивняка был проделан или существовал от природы проход к воде. Клим, возглавлявший процессию, остановился на сыром песке у кромки, и факелоносцы и девушки-жрицы выстроились за ним.

– Тебе, надеюсь, туда не нужно? – спросил Андрей, на всякий случай беря Анну за руку.

– Нет, я на это не подписывалась, – с легким смешком ответила она.

Клим многословно и распевно благословил все воды, которые есть на Руси, а девушки в холщовых одеяниях, что-то монотонно приговаривая, пустили по воде веночки со свечками. Народ подбадривающе загалдел, будто венки должны были плыть наперегонки, а на берегу действовал нелегальный тотализатор.

– Веночек я бы пустила поплавать, – сказала Анна.

– Нечего! – сварливо отрезал Андрей. – Ты уже просватанная! И венки эти никуда не плывут!

Ветра почти не было, и веночки с догорающими свечами сбились, как утята, в испуганную стайку в трех метрах от берега.

– Во... видела? – злорадно пробормотал он Анне на ухо. – Все эти лохушки в девках останутся, ага!

– Фу, какой ты злой и неприветный!

Андрей почувствовал, что она легонько потянула его за нос, и успел прихватить губами ее ладошку. Кажется, пока уединиться с Анной где-нибудь под кустиком не получится.

– Пойдем хоть сосисок похаваем, а то я со вчерашнего вечера почти не емши, – сказал Андрей. – Ноги подкашиваются.

– А с чего это? – невинным голоском поинтересовалась Анна.

– Фигуру в порядок приводил.

– Да ладно – тебе ли беспокоиться?

Андрей действительно почувствовал, что сильно голоден. Ну, перекусить-то он был не прочь всегда, но сейчас... Он был наконец, за столько месяцев, по-настоящему счастлив, умиротворен. Анна находилась с ним, свидание состоялось. Его девушка была рядом, смотрела на него сияющими глазами, а впереди предстояла долгая теплая праздничная ночь... Поэтому у него внутри заворочался голод молодого, здорового, готового к спариванию хищника...

Народ вокруг был занят примерно теми же проблемами. Ярче ритуального костра горели мангалы и костерки, на которых жарились шашлыки и сардельки. Запах копченого залез Андрею в нос, выбил слезу из глаз и фонтаны слюны.

Они с Анной обошли почти всю поляну, пока нашли некое подобие передвижного кафе с пластмассовыми креслицами и едой на картонных тарелочках. Анна, вероятно просто из вежливости, аккуратно, как домашняя кошечка, скушала одну сардельку и отдала другую Андрею. Потом они пили горячий чай, смачно отдававший черной смородиной.

Вокруг костра уже начинали, заливаясь немыслимыми песнопениями, водить хоровод убежденные язычники.

– А ты каким макаром среди этих нехристей оказалась? – расслабленно откидываясь на жесткую спинку, спросил Андрей.

Напрямик о пребывании Анны в монастыре он напоминать не хотел, но все же было интересно.

– Это все от увлечения филологией, – ответила она, чуть манерно прикладывая к губам салфетку. – Я еще в школе в фольклорном ансамбле выступала.

– Анютка! – вдруг подскочила к ним девушка в светлом платье с многочисленными нитками бус на шее. – Тебя Климушка зовет! Пойдем!

– Она со мной, – веско произнес Андрей.

«Климушка! Развелось тут!»

– Так и вы давайте, – повернулась к нему активистка. – Там второй круг вести некому. Вы такой большой – вас всем видно будет!

Девушка ободряюще улыбнулась, и в отблесках далекого пламени Андрей заметил на ее пухлых щеках очаровательные ямочки.

«Ладно, надо же размяться! И проследить, чтоб климушки всякие к моей даме не липли», – решил Андрей.

– Хорошо, пошли. Раз надо!..

Андрей встал. Анна посмотрела на него чуть недоуменно – он хоть понимает, о чем речь?

– Ты слышала – вождь призывает? Вы, девушка, не беспокойтесь... Щас мы вам такой кружок залудим... В лучшем виде!

Андрей почувствовал что-то такое, словно был немного пьян... Сейчас он сделает со всеми этими людьми все, что сочтет необходимым. Он их заведет!..

– Показывайте, где тут у вас данный хоровод располагается?

– А... это там. – Девушка, тоже впад в недоумение средней тяжести, сделала какой-то странный жест в сторону костра.

– Да?... Пошли!

Андрея словно вынесло упругой волной в центр поляны, хотя он не очень хорошо представлял, что они с Анной должны делать.

Заглушая далекое бречание гитары, у костра сдавленно, но звонко играла жалейка, кто-то яростно теребил трещотку, звенели колокольцы. Первый круг хоровода разросся настолько, что уже стал западать вовнутрь, празднующие спотыкались о высокую траву и друг о друга.

Правда, Андрею не удалось возглавить хоровод, потому что девчонка с ямочками сама ловко разъединила руки танцующих, схватила Андрея за руку, а Анна сунула свою руку в его, и обе девушки громко, на два голоса подхватили песнопение, звучавшее над поляной.

...Долго ли они скакали вокруг огня, горланя не пойми что, Андрей не слишком хорошо помнил... Его за обе руки держали две молодые, горячие, аппетитные женщины, да и ночь была какая-то особенная – наверное, недаром пережил этот праздник столько веков. Потом, когда хоровод утомленно затормозился, затих, стал разваливаться на группки и парочки, Андрей изловчился, выдернул Анну из цепочки плясунов и увлек в темноту. Ее подружка щебетала им вслед, Анна тоже залепетала что-то протестующее, но Андрея было уже не остановить.

– Ой, ну куда это мы?

– Папоротник искать!.. Клады раскапывать... Андрей утянул Анну, продолжавшую издавать невнятные, хотя и не очень возмущенные звуки, подальше от света, в перелесок, росший вдоль озерного берега. Музыка доносилась туда только отдельными, самыми высокими нотами, зато с озера ясно слышались плеск и многозначительный смех купающихся.

«Ага, кто-то, похоже, уже отработал... на папоротнике», – сообразил Андрей, но вслух этого не сказал.

Он тянул Анну за руку подальше в лес, а она, слегка упираясь, невольно бежала за ним, спотыкаясь и чуть нарочито хныкая.

– Ну куда мы?... Куда ты меня тащишь?

– Ну... куда-куда... – на ходу, запыхавшись – то ли от танцев, то ли от предвкушения, ответил Андрей. – Какая разница!.. А потом купаться пойдем!

Наконец, за кустами и деревьями стало почти не видно огней, не слышно музыки и голосов резвящихся язычников, любителей и профессионалов.

Впрочем, надо было бы послушать, не раздастся ли поблизости голосов других любителей уединения... Мало ли кто здесь чего нашел? Вон кто-то неподалеку пыхтит, ямку, поди, роет-старается...

«Эх, не приземлиться бы на муравейник!.. – подумал Андрей, стягивая с себя футболку. – Или они по ночам не ползают?»

Анна, видимо тоже не желая привлекать чьего-либо внимания, только томно постанывала, когда он дрожащими от нетерпения руками стягивал с нее платье и ощупью искал в траве местечко помягче.

– Господи, да что ж мы такое делаем? – услышал Андрей совсем уж тихое и беспомощное.

– Погоди – мы вначале сделаем, а потом обсудим, ладно? – решил все-таки уточнить Андрей.

– Ладно...

В общем-то обсуждать было особенно нечего. Они все объяснили друг другу без слов, но подробно... Хотя не сказать что получилось быстро и без повторений. Нет – но куда было особенно торопиться? Они так долго ждали этого.

– ...Смотри, – тихо сказала Анна, садясь рядом. – А ведь уже рассвет.

Андрей лежал, заложив руки за голову, и через полуприкрытые веки пялился в небо. Там, на фоне светлеющей синевы, стали вырисовываться верхушки деревьев. Где-то уже откашливалась перед сольной партией птица.

– В лагерь меня отвезешь, мм?

Анна положила пахнущую травой ладошку ему на глаза.

– Не-а, – мотнул головой Андрей и взял руку Анны, словно боялся, что она сейчас же сбежит. – Ко мне поедем. Только искупаемся сначала. Я еще этим летом не причащался.

– Мне на работу надо, – немного жалобно сказала Анна и принялась шарить вокруг в поисках поспешно скинутого платья.

– В таком виде?

Андрей приподнялся на локте и вынул из ее спутанных волос шершавую еловую веточку. Да и платье, которое Анна наконец нашла в траве, было безнадежно измято.

– Непедагогично это, – чувствуя, как рот растягивается в гадкой, почти злорадной ухмылке, сказал Андрей. – Возвращаться под утро, да еще в таком виде... Что о тебе дети подумают?

– У меня есть во что переодеться. Там, около помоста, должна быть моя сумка.

– Ладно, пошли. Но я все-таки окунусь.

Праздничная поляна представляла собой довольно жалкое зрелище. Костер давно догорел, стал кучей едко дымящего серого пепла. Трава была истоптана, замусорена, а остатки запахов, витавших над ней, только раздражали. Людей не было видно, хотя где-то трескуче ворчал приемник, пытаясь втолковать кому-то вчерашние новости.

Анна покорно шла за Андреем, но когда он направился к озеру, она за ним не последовала.

– Ну пошли, поплаваем, а?

– У меня купальника нет, – не глядя на него, ответила Анна.

– А кто его здесь требует? Пойдем!

– Нет, я подожду, переоденусь. Ты купайся...

– Только не исчезай никуда, хорошо? А то за тобой такие штучки водятся.

Андрей действительно пошел на берег. Неширокая полоска серого песка была истоптана десятками ног, но сейчас пустынна. От почти недвижимой темно-сизой воды

поднимался легкий пар.

«Что, русалки удовлетворились принесенными жертвами и дрыхнут на дне под корягами? На меня нападать не станут?» – прикинул он, входя по пояс в воду и чувствуя, что озеро прогрелось от силы на метр и по ногам елозят потревоженные холодные языки.

Вокруг было так тихо, так мирно, что кидаться на середину, разгоняя волны и брызгаясь, как он это делал всегда, не хотелось.

«Ох, до чего ж хорошо-то! То, что надо! Жаль, Анна не захотела... Но ее понять можно – я же ее вон как утомил!»

Андрей выплыл на самую середину и даже рискнул нырнуть. Вода на глубине была действительно жутко холодная, прямо ледяная, и непроницаемо темная.

Вынырнув и отплываваясь, Андрей увидел, что к воде спускаются еще несколько человек. Мужики гоготали, а девицы без лифчиков прикрывались руками и развратно повизгивали, гнусно нарушая гармонию раннего утра.

«Все, пора по домам!»

Вытираясь собственной футболкой, безнадежно выпачканной травяным соком, Андрей вернулся к помосту. Анна сидела там, одетая в джинсы и голубой свитерок.

И не скажешь, что они вот так, бурно, почти бесстыдно, провели ночь...

– Не замерз? – спросила она, мельком оглядывая Андрея.

– Не успел. Пошли?

Они двинулись к дороге. Неукротимо светало. Из-под кустов вылезали помятые, ошалелые язычники, зевали не стесняясь, потягивались, собирали разбросанные вещи и брели к шоссе.

Было половина пятого утра. Небо затянули облака.

– Похоже, будет дождь, – заметил Андрей.

Анна промолчала, а он с запоздалым опасением пощупал кармашек на шортах, но ключ от машины, слава богу, был на месте.

«Удивительно, что я его там не посеял... Ага, к следующему году москвичок аккурат бы взошел... Точно! Импульс к плодоношению дан был мощный».

– Ты действительно хочешь, чтобы я отвез тебя в лагерь? – переспросил Андрей, отпирая машину.

– Да, если можно, – тихо ответила Анна.

– Да можно-то можно...

– А что?

Они уже сидели в машине.

– А то, что мне надо что-то решать... со всем этим. – Андрей двумя пальцами погладил Анну по виску.

– С чем – с этим?

– Со мной, с тобой, с нашими отношениями... С моей жизнью, в конце концов.

– А... почему такая спешка? – Анна повернулась к нему.

– Потому что через полтора месяца у меня заканчивается договор с редакцией, – терпеливо разъяснил Андрей.

– Да? – искренне удивилась Анна.

– Да, дорогая, да! – покачал головой Андрей. – И мне уже сейчас надо решать – остаюсь ли я здесь, и если да, то на сколько. Если остаюсь, то как у нас с тобой? Если возвращаюсь в Москву, едешь ли ты со мной?

– Я не знаю.

– Тебе со мной плохо?

– Мне с тобой очень хорошо, Андрюшик! Правда... – Она ткнулась в его плечо лбом. – Ты себе даже не представляешь, как мне с тобой хорошо.

– Значит, будем думать вместе. А?

Анна ничего не ответила, но возражать не стала. Надо было отправляться.

Андрей повернул ключ зажигания и глянул в зеркало заднего вида. От их дикой

парковки одна за другой отходили машины – гости разъезжались по домам, к цивилизации.

Праздник кончился.

«Да, но как мы это там... в лесу, а? – развеселился Андрей, подъезжая к городу. – Славно-то как было!.. Разве я плохо себя показал? Очень даже хорошо!.. Может, поэтому девочка такая квеля была? Отвыкла, поди, от яркого... э-э... проявления чувств, а сознаться побоялась».

В свой подъезд Андрей вошел без четверти семь утра – хорошо, что его в мятых брюках и выпачканной черт-те чем футболке никто не увидел.

Хотя с его профессией чего не бывает... И такое тоже. Жаль, не часто.

Он уже был готов на упругой волне мерзкого самодовольства – ух, я и крут мужик! – в два прыжка взлететь на свою площадку. Но у него на пути, совсем для него неожиданно, возникло трое парней. Андрей, все еще пребывавший в лесу, полном то воинственных кликов, то сдержанных вздохов, отстраненно удивился – не спится кому-то утром в выходные... Машинально сделал движение – обойти ранних пташек, но парни заступили ему дорогу – уж никак не случайно... Пришлось притормозить.

– Ты, что ли, Андрей Полевой? – прищулив и без того маленькие глазки, поинтересовался один.

– Ну, что ли, я, – в тон ему ответил Андрей.

– А зачем же ты, Андрей Полевой, такую байду гонишь?

– Я много чего гоню, но вот насчет байдy я б поспорил. И вообще-то я пишу, а не гоню.

Все парни были ниже ростом и хлипче его. Но все-таки их было трое.

«Читатели-почитатели явились... Хорошо, что Анна со мной не пошла».

– Да ты пиши-то пиши чего хочешь, только чужой бизнес-то не ломай, а? Что ты за бодягу нарисовал, а?

Андрей успел прикрыть левой рукой солнечное сплетение, а правую выкинуть вперед и въехать парламентарю в челюсть, но рук-то у него было вдвое меньше, чем у нападавших... Да и ребята, похоже, сильно на него обиделись... Так что в тесноте маломерного парадного пустить в дело ноги и использовать длину рук было не слишком удобно, хотя, судя по удивленным возгласам крутяг, такой прыти они от него не ожидали. А он молотил ногами и руками как попало: густота нападавших была ему в жилу – куда ни попал, все в цель... Но и троица преподобная даром времени не теряла – все-таки кто-то нехило въехал ему скользким ударом в бровь и висок...

На третьей минуте схватки почитатели его таланта поняли, что с ног его сбить не удастся, а продолжать бой себе дороже – вот-вот кто-то мог появиться.

– Сваливаем! – всхрапнул один из нападавших, и троица, топоча и матерясь, оперативно выкатилась наружу, едва не снеся подъездную дверь.

«...Так, издержки профессии, – размышлял Андрей, стоя под теплым душем. – Это, надо думать, отважные ловцы «Зингеров»?»

Саднило костяшки пальцев, щипало над левым глазом, дергало стремительно распухавшую губу.

«Ну хорош я буду завтра, а?» – подумал он, рассматривая себя в тусклом зеркальце в ванной.

Ничего серьезнее этих царапин, похоже, не было. Или он сгоряча не почувствовал? Да нет, ничего такого... А вот парочку трещин в челюстях одного-двух его противников найти можно будет... и найти их по этим признакам...

«Любимая тема шефа – по следам наших выступлений... Самое оно!»

Словно отчитавшись перед высшими силами за выполненный по жаре план, ночью с воскресенья на понедельник погода сникла, скисла в противенький, мелкий, прилипчивый дождик. Небо было в обложных, низких, серых облаках. Утром Андрею пришлось даже

накинуть ветровку – сильно похолодало.

– Господи, Андрюша! – всплеснула руками Валя, едва он в понедельник в десять утра вошел в их комнату. – Что это с тобой, лапуля?!

На ее голос появился Борода:

– Что случилось, сынок?!

– Не волнуйтесь – им больше досталось, – попытался улыбнуться Андрей, садясь за свой стол.

За время, прошедшее с блицтурнира, ранка над левым глазом присохла, но там образовался кровоподтек, элегантно спустившийся на нижнее веко, губа опухла, слегка отваливалась наружу и не слушалась.

– Да что случилось-то?! – не унималась Валя, начиная слезоточить.

– На празднике с водяным конем за бутылку шампанского сражался. Победил вот по очкам гада.

– Правда, что ли? – явно не поверил Борода.

– Да ну нет, Михал Юрич!.. Экий вы, право!.. Утром вчера «поклонники» помяли. В подъезде.

Как я понял – те, которые за швейными машинками охотились. Хотя, конечно, может, не из-за этого... Но имя мое знали – это точно.

– Так надо же сообщить куда надо! – взвился Борода. – Это же информационный повод! Мы их поймаем! Я сейчас, сейчас!..

– Ох, не надо куда надо, а, Михал Юрич? Можно я как-нибудь тут, потихоньку, в уголке отлежусь?

Но главный, не слушая Андрея и бурля праведным гневом, убежал к себе.

– Валь, уговори его, а?

– Ну, это ведь непорядок, Андрюша... Это что за дело – журналистов бить?

– Хорошего журналиста хоть раз в жизни да побьют. Говорю же – им куда хреновее, чем мне.

– Ну, это понятно... Ты ж вон какой! Дай я тебя посмотрю? Может, помазать чем?

Поняв, что сердобольная Валя не отвяжется, Андрей подставил ей побитую физиономию.

– Ой, а тут у тебя еще царапины какие-то на шее!

«Ну, царапины, допустим, я из другого места принес».

– Да там уже все засохло, Валь! Заживет как на собаке! Только Аньке не рассказывай, ладно?

– А ты с ней виделся? – Валя с удовольствием переключилась с темы боевых ранений на более лирическую.

– Ну да... Мы только за час до этого расстались.

– И как праздник? – отошла к своему компьютеру Валя.

– Удался на славу. Сейчас опишу все – в красочных деталях.

«Или почти все».

Андрей включил компьютер, всем видом показывая, что тема нападения исчерпана и он по уши занят созданием актуального материала о празднике солнцестояния.

«Надо фотографии у Клима взять и поспрашивать что и как... А то ведь я не все видел-то... Непростительно отвлекся на личные дела в ущерб служебному долгу».

– Валь, а у тебя не найдется чего-нибудь мои цапцарапки подштукатурить?

– Ну, моя, как ты выразился, штукатурка на такие сильные разрушения не рассчитана, но что-то найдем, конечно. А тебе когда нужно?

– Я еще часик-полтора напишу, потом созвонюсь с этим главным жрецом и схожу за фотографиями.

– Я принесу что-нибудь из дома. Потерпишь?

– Придется.

Валя ушла на обед, а к нему заглянул Борода:

– Сынок, а ты когда с этих сатанинских игрищ уезжал?
– Ну зачем так грубо? – пожал плечами Андрей. – Пели, плясали, через костер прыгали...

«Любовью занимались...»

– Нет, ну во сколько ты уехал?

– Около пяти утра.

– И ничего такого ты там не слышал?

– Ох, да там такого наслушаться можно было!

Андрею сильно не нравилось выражение лица главного – озабоченное и склоненное куда-то внутрь себя. Он что-то усиленно соображал, кусая губы.

– А что случилось, Михал Юрич?

– Я позвонил своим друзьям, ну, по твоей теме, а они огорошили меня крайне неприятным известием... Там, на месте ваших плясок, ну, может, чуть поодаль, труп обнаружили.

– О господи!

– Да, женский... Личность уже установили...

В голове у Андрея пронеслось – Анну он посадил очень далеко от Озерков, но все-таки... Страшно... Позвонить немедленно!..

– Да ты ее вроде тоже знаешь, – глухо, не глядя на него, продолжил Борода. – Тамара Зуева.

– О-о-о! – Андрей, сам не сознавая, что делает, схватился за голову. – Вот это да... Томка!

Тамарка была изрядной паршивкой, но такой ранней смерти она, конечно, не заслуживала. Исправиться теперь шанса у нее не было.

– И... что с ней случилось? – едва шевеля губами, выдавил из себя Андрей, в общем-то представляя, что услышит.

– То же, что и до этого, – развел руками моментально постаревший главный. – Многочисленные рваные раны... Да...

– Неужели все это... правда? Опять та же история?

– А как еще прикажешь понимать? – развел руками главный.

Они немного помолчали: Андрей – сидя у задремавшего компьютера, Борода – стоя в дверном проеме.

– Ты ее там не видел? – вяло поинтересовался Борода.

– Нет, – пожал плечами Андрей. – Я с Аней Озерных почти весь вечер был.

– А-а... У вас как... отношения-то развиваются?

– Развиваются, – кивнул Андрей. – Но медленно.

– Ой, мужики, а вы чего?! – обвела их взглядом Валя, вернувшаяся с обеда.

– Тамара Зуева погибла, вчера, – пробормотал Борода, поворачиваясь, чтобы уйти к себе.

– О-ох! Час от часу не легче! – Валя плюхнулась на свой стул. – Когда это было?

– Не знаю, – ответил за шефа Андрей. – Только что Михал Юричу коллеги бывшие сообщили.

Обсуждать с Валей обстоятельства жуткой Тамаркиной кончины Андрею хотелось меньше всего.

– Ты меня в порядок приведешь? – спросил он у Вали, которая так и сидела с дамской сумочкой на коленях и глядела перед собой, видимо еще переваривая новость.

– Ах да... Давай.

Валя как-то бестолково порылась в сумке, наконец достала какие-то тюбики-баночки и, тяжело ступая, подошла к нему. Она принялась, легонько касаясь его боевых ранений, замазывать их жидким кремом, и Андрей чувствовал, как мелко-мелко дрожат ее пальцы.

– Ну, так получше будет, – сказала, разглядывая результаты труда мокрыми, растерянными глазами. – Ты сейчас далеко?

– Да к этому главному язычнику подбегу. Может, что и об... этом узнаю.
– Ага, давай. Только ты как-нибудь... поосторожнее.
– Да со мной-то что может случиться?
– Ну, вот видишь... Случается с вами, корреспондентами. Может, это на журналистов охоту специально открыли?

– Хм, не приходило в голову. Поделись с Бородой.

Дождик, так и не прекращавшийся с самого вечера воскресенья, был очень на руку Андрею – можно было накинуть капюшон ветровки и почти нацело скрыть попорченную физиономию. К Климу Андрей шел, предварительно не позвонив от расстройства, но вспомнил об этом, уже подходя к универсаму.

Киоск был закрыт. Пришлось звонить верховному жрецу.

Клим сказал, что они по понедельникам не работают, да и все, кто хотел купить языческую атрибутику, отхлынули. А фотографии и дополнительные сведения он даст – не проблема.

Никаких трагических интонаций в голосе верховного жреца не ощущалось.

– А... ты не слышал, что там, на Светлом, произошло?

– Нет... А что?

– Там девушку нашли... мертвую.

– Да ты что?! – выдохнул Клим. – Из наших?! Я ничего не знаю... Нет, ты это серьезно?!

– Серьезно, Климушка, очень серьезно... Девушка эта скорее из наших – журналистка... Тамара Зуева – не слыхал?

– А... да, знаю. Черненькая такая, да?... У меня времени не было с ней пообщаться. А что еще там?

– Пока ничего. Давай завтра встретимся? Ко мне в редакцию с фотками подойти сможешь завтра, в течение дня? Там и поговорим.

Расстроенный и испуганный Климка обещал перезвонить и отключился, что-то бормоча о силе судьбы и неизведанных силах природы...

Сразу же Андрей набрал номер Анны.

«Только бы ответила!»

– Алё, – прозвучало на фоне гомона детских голосов. – Андрюшик, извини, я занята! Я перезвоню вечером!

– Ань, с тобой все в порядке?

– Да... А что?

– К водоемам не приближайся, поняла?

– Почему?

– Потому что я сказал! – рявкнул Андрей. – Не подходи, и все! Вечером свяжемся.

– Хорошо... Пока...

«Напугал я ее почти как... этот, водяной. Но так лучше... Лучше я ее напугаю по телефону, чем эта зверюга – в жизни. Что же делать-то?... Томку и то жалко, а сколько же эта тварь народу сгубит, пока ее поймут?»

«...и поймут ли вообще», – подумал Андрей, поднимаясь в редакцию.

– Сынок, тебя ждут, – негромко сообщил Борода, когда Андрей проходил мимо открытой двери.

– Да? Опять с кулаками в руках?

– Ну да, почти... Это по твоему материалу о «Зингерах», – чуть улыбнулся главный.

– Ага, Валя зашпаклевала, так что можно продолжить.

В их комнате на гостевом стуле сидела субтильная, очень немолодая дама – именно дама, несмотря на весьма скромный в смысле стоимости костюмчик.

– Вот, – сказала Валя. – Это наш ведущий автор, Андрей.

– Здравствуйте, – пробормотал Андрей. – Извините, я в таком виде... Издержки профессии.

– Да-да, мне ваш начальник рассказал. – Гостя, наклонив седенькую головку, разглядывала его с нескрываемым удовольствием. – Весь город так благодарен вам за то, что вы их разоблачили!.. Предупредили людей о мошенниках.

– И что вы мне хотите сообщить по поводу этих мерзавцев? – обреченно спросил Андрей, сядя напротив посетительницы.

– О нет, я не об этом!

«Повезло...»

– Я думаю, может, ваша газета поможет мне... Я только такому человеку, как вы, могу довериться.

«Ох, мне только сейчас и заниматься чужими проблемами!.. Хотя, может, именно сейчас и стоит. Отвлекусь...»

– Вот. – Дама развернула бумажную салфетку и положила перед Андреем какую-то явно старинную вещь, вроде крупной броши. – Я бы хотела это продать, дать объявление, но боюсь, что меня обманут или, того хуже, ограбят, убьют... Вещь очень ценная.

– То есть вы хотите, чтобы мы сообщили о вашем желании продать раритет, но так, чтобы никто не знал, что она находится у вас?

– Ну да – как-нибудь так... Я только таким людям, как вы, – она оглянулась на Валю, – верить могу.

– Спасибо за доверие... А что это, вы можете сказать?

Андрей взял в руки «брошь». Она оказалась довольно тяжелой, хотя была небольшой, сантиметров пять на три. В фигурную золотую оправу была вделана чуть выпуклая пластина кремового камня, а на ней красовалась накладная красновато-коричневая фигурка воина со щитом и мечом, похоже вырезанная из сердолика. Камень и даже металл казались теплыми на ощупь.

«Это что – и есть камея? Такая, какие в Эрмитаже выставлены?»

– Наверное, у этой вещи интересная история? – вежливо осведомился Андрей, заворачивая камею в салфеточку.

– Разумеется! – всплеснула ручками в синих прожилках дама. – Вы, вероятно, знаете, что почти четыреста лет назад в здешнем детинце некоторое время содержались пленные польские шляхтичи, пришедшие сюда с войском Лжедмитрия. Некоторые так и остались, приняли православие, обзавелись семьями, перешли в подданство русского царя – словом, обрусели. Вот с одним из моих предков эта вещь и попала сюда, в Россию. Она к тому времени уже была семейной реликвией – охраняла воина в бою. Это заколка на плечо или на грудь, чтобы плащ не спадал в пылу сражения. Считается, что это работа самого Бенвенуто Челлини.

– Ну да?! – удивленно поднял брови Андрей, тут же скривившись от боли – потянул ранку. – Ох, извините калеку... Это же немыслимые деньги, если вещь такая старинная! Ваши родные не будут на вас в обиде, если вы ее продадите? Тем более если у нее такие свойства.

Дама поджала белесые губы и обиженно опустила глаза.

– Сын мой умер несколько лет назад, а внук с внучкой не вспоминают даже на праздники. Понятно – кому нужна старуха с грошовой пенсией... Так зачем я буду о них думать?

– М-да, невесело... Но это ваше право. Знаете что... Давайте сделаем небольшой материал информационно-рекламного характера, а все предложения пусть поступают на адрес редакции. Чтобы мы могли контролировать ситуацию и обеспечить ваши интересы и, главное, безопасность? Как вам такой вариант?

– Да-да! – снова обрадовалась дама. – Чтобы мое имя нигде не упоминалось...

– Его будут знать только главный редактор, наш ответственный секретарь и я. Согласны?

Дама охотно кивнула.

– Да, но придется сделать фотографию... Минутку посидите?

Андрей вышел в комнату главного и прикрыл за собой дверь.

– Михал Юрич, а мы вообще-то своим делом занимаемся?

Борода отвернулся от монитора:

– Что ты имеешь в виду, сынок?

Андрей присел на стул, где обычно восседал верстальщик.

– А зачем нам эти хлопоты типа геморроя с этим Чевенуто Беллини?

– Затем, Андрюша, – поучительно произнес Борода, не понявший его тонкого юмора, – что газета должна помогать людям, тем более читателям.

– Ага... А...

– А еще... Если вещь окажется ценной, мы возьмем с покупателя небольшой процент за посредничество, и наше издание продержится на плаву еще какое-то время. Полиграфию получше закажем, цветную вкладку сделаем... Разве ты против?

– Да я-то нет... Я свою часть отработаю. Костыку на фотографирование объекта организуйте?

– Хорошо, сынок. Как закончишь с дамой – пришли ее ко мне.

День прошел незаметно. За работой Андрей подзабыл о событиях последних дней, но вечером, оставшись дома один, почувствовал, как из темных углов его временного жилья полезли страхи – за Анну, которая находится в угрожающей близости к дикой природе. За себя. За их отношения.

За припозднившихся девчонок, которых может задрать ни за понюх табаку свихнувшийся на сексуальной почве монстр. Или тот, кто под него зловредно косит.

Позвонит ли Анна сегодня? Дошли до их мест слухи о страшном происшествии с Тамарой?... Сказать Анне правду, нет? Не испортит ли задним числом это событие воспоминание об их романтической встрече?

Анна позвонила сразу после девяти вечера – уложила своих подопечных и сразу пошла звонить, так она сказала.

– ...У нас такие жуткие слухи циркулируют... Родители детей по мобильным контролируют каждые полчаса, нескольких до срока в город забрали... Ты что-то ведь знаешь?...

– Ну да, знаю... Ты только, во-первых, не слишком переживай, а во-вторых, будь поосторожнее.

– Да... А что все-таки случилось?

– Эта девушка, что нашли там, на Озерках, после праздника, – четко, отдельно произнес Андрей, – наша с тобой общая знакомая, Тома Зуева.

– О-о-ох! – выдохнула в трубку Анна. – Вот это да!..

– Да, Анечка, да...

– И что там с ней... случилось?

– Ну, трудно сказать. Томочка ведь не гнушалась обществом крутых парней...

– Не надо плохо о мертвых, Андрюшик.

– Это был ее осознанный выбор. Может, вечеринка праздничная пошла вразнос, может, кто-то припомнил ей прошлые подвиги, кто знает... Ее нашли в километре от поляны, где мы скакали, уже днем, случайно, около самого озера, сильно поврежденную, если так можно выразиться. Михал Юрич поведал. А может, третьи силы вмешались, если ты понимаешь, о чем я...

– Ты поэтому мне не велел у воды появляться?

– Да, поэтому. Зуева – это уже третья жертва, если мы знаем про всех.

– А ты веришь в этого... водяного коня?

«А ты в себя веришь, русалка моя долговласая?»

– Приходится... Все на это указывает. Место, способ... Так что, пожалуйста, сама где ни попадя одна не ходи и детишек не пускай. Охрана у вас – я видел какая.

– Ну, – ободряюще сказала Анна, – мы, пока сы ро, больше в корпусе сидим, мягкую

игрушку делаем.

Они поговорили еще минуту, потом Анну, видно, сместил кто-то из желающих поболтать по городскому телефону.

«Раз на дворе дождь, никто у речек шастать особо не будет, а конь этот болотный далеко от водоемов не охотится... Пока новых жертв не будет. Анна в относительной безопасности... Но надо же что-то делать? Почему власти бездействуют? Или я просто не знаю?»

То, что это фантастическое чудище, по всему, вышло на сексуальную охоту – аккурат через поколение, – думать Андрею было особенно мерзко. Ищет себе самку... И что ж, Томка ему не подошла? Вот уж напрасно! Совсем недурная парочка могла бы получиться... А уж потомство-то! Или она была недостаточно плоха?

Заслуживала ли Тамара такого конца, нет ли – сейчас это было не важно... Главное – уберечь Анну и других девушек.

Решив завтра же поговорить с Бородой обо всех этих событиях, Андрей лег спать.

Почти с утра в редакцию ввалился Клим. Он был одет в потертые джинсы и серую холщовую рубашу, не длинную, как на празднике, но тоже вышитую загогулистыми знаками-оберегами. Он принес папку с бумагами и пакет с фотографиями языческих праздников разных лет. Нашлись там даже черно-белые снимки с празднеств семидесятых годов, почти подпольных, тайных сборищ, как сообщил Клим.

– Только я тебе дать не могу – завтра уезжаю, а потом... Сам знаешь, то да се... Люди имеют гадкую привычку не возвращать фотографии.

– Да, за ними это водится... Валь, отсканируешь вот эти?

Валя кивнула и ушла в другую комнату, где Борода с верстальщиком уже делали следующий номер.

– Ты мне скажи – чего, как? – понизив голос, спросил Клим. – Мне ж, понимаешь, надо знать... А то вроде как мы не обеспечили...

– Я мало что знаю, Климушка, друг!.. Эту тему сам главный ведет. Да ты не убивайся – кто ж такое предвидеть мог.

Они сокрушенно замолчали, и из соседней комнаты стал слышен невнятный ропот голосов.

– Как думаешь – неужто эта нечисть в самом деле существует? – спросил Клим.

Кажется, он был язычником в чисто духовном плане.

– Или она, что маловероятно, – пожал плечами Андрей, – или просто кто-то под нее работает. Крыша поехала.

Вернулась Валя, и они переменили тему. Андрей еще поспрашивал у Клима об истории проведения праздников и отсканировал несколько листов его самоличных рукописаний о необходимости возрождения язычества на Руси. Тот ушел озабоченный, задумчиво хмыкая и крутя головой.

Когда Андрей зашел в комнату к главному, чтобы отдать дискету с готовым материалом, Борода, не оборачиваясь, каким-то странным, сиплым голосом сказал:

– Андрей Викторович, вам придется сегодня к четырем часам подойти в отдел внутренних дел.

– Мм, а зачем? – слегка растерявшись, ответил Андрей.

«А с чего мы такие официальные?» Борода будто бы не обратил на вопрос внимания и спросил:

– Паспорт при вас?

– Куда ж теперь без него? В туалет не сходишь.

– Про туалет мне неинтересно, а вот сюда подойдите обязательно.

Борода, не оборачиваясь, через плечо, подал ему бумажку. Ко все возрастающему удивлению Андрея, это был не стикер с корявыми строчками, как обычно – куда, когда и к кому, а официальная повестка, ему, Полевому А. В., явиться в кабинет такой-то к следователю Крикуну Л. Д. для беседы.

«Да это ж Борода мне свой материал сдал! А сознаваться не хочет! Заговор у них!» – мысленно хлопнул себя по лбу Андрей.

– Вам что-нибудь не ясно, Андрей Викторович? – все так же не отрываясь от экрана, спросил

Борода, поскольку Андрей еще торчал у него за спиной.

– Нет... Пойду и все сделаю.

Главный издал какой-то неопределенный звук, но промолчал. Боря украдкой оглянулся на него, но Андрей уже разворачивался, чтобы уйти. Взгляд у верстальщика был какой-то... чуть испуганный и слегка недоуменный... Или Андрей просто не уловил?

А, да шут с ними со всеми!..

Пробило полтретьего дня – как раз время, чтобы пообедать по дороге и отправиться слушать Соловья-Крикуна Л. Д.

Андрей взял из стола диктофон, проверил, не выдохлись ли батарейки, бросил Вале: «Я на задание» – и направился к выходу. На выходе Андрей опять перехватил взгляд – теперь уже Валин, тоже странноватый и недоуменный.

«Интересно, у кого с головой хуже – у меня или у них?! Я хоть побитый – мне простительно».

Много, много душевных сил он истратил на ожидание свидания с Анной О., да и на само свидание энергии было потрачено немало. Хотя о последнем он не жалел... И потом эта стычка с поклонниками его таланта... Многовато на его голову свалилось за эти три-четыре дня.

«Ох, блин!.. Я ж забыл у Вали сеанс макияжа принять! В таком виде по городу пойду, а потом еще в прокуратуру! Совсем я плохой».

Но возвращаться было поздно – он уже ехал в трамвае, резво катившем в новую часть города.

За эти дни Андрей пообвыкся со своим временным обликом – ранка над глазом превратилась в коричневую черточку, синяк, обосновавшийся на нижнем веке, стал меньше и загадочно полиловел, губа подтянулась – хоть говорить-то не мешала.

«Ну ладно – пусть эти Крикуны видят, что не одни они за правое дело кровь проливают!» – ободрил себя Андрей.

Он наскоро – время поджимало – поел в кафе и направился в ме... милицию. Его поразило количество квартировавших здесь следователей – длинный коридор с дверями по обе стороны. И чем они заняты в тихом провинциальном городе?

«На коня-супостата загоном идти надо, а не в конторе сидеть!»

Андрей стукнул в дверь с табличкой «Следователь, советник юстиции... Крикун Л. Д.» и почти сразу открыл ее.

«Сначала послушаю, что сам скажет, потом задам вопросы, – решил еще на подходе. – Интересно, а почему Загашников с нами не работает? В отпуске нежится?»

Андрей вошел в кабинет. За столом у окна сидело существо в синей форме – очень большое существо. Настолько крупное, что голова с прилизанными, крашенными в иссиня-черный цвет короткими волосами располагалась практически в центре туловища.

Существо поглядело на него темно-карими, густо обведенными черным карандашом глазами, очень недовольными.

– Добрый день, – выдавил из себя Андрей. – Я Андрей Полевой из «Крестьянской газеты».

– Повестку давайте, – вымолвило существо, не отвечая на приветствие.

Андрей протянул бумажку, существо брезгливо взяло ее, расправило и положило перед собой на стол.

– Садитесь.

«Господи, да за что ты ее так?!» – ошарашенно подумал Андрей.

«Крикуну» было не больше тридцати, но бедняжка ударными темпами добежала до шестидесятого размера – даже шеи у нее не было, так массивен был торс, который

увеличивал объемный мундир с погонами. Хотя, помимо этого, выглядела следователяша неплохо – лицо у нее было смугловатое, с оранжевым румянцем.

– Так, господин Полевой... – решительно начала Крикун.

– Имя-отчество позвольте узнать?

– Любовь Дмитриевна, – нехотя пробормотала дама, и Андрей демонстративно записал это в блокнот. – Тут записи делать нельзя. Без вас все запишут!

– Да, но...

– Послушайте, Полевой, вы что, не понимаете, где вы? – повысила голос следователь.

– Очень хорошо понимаю, – пожал плечами Андрей. – Я не в первый раз контактирую с правоохранительными структурами. И всегда...

«...обходилось».

– ...находил общий язык с вашими коллегами.

«...без крика».

– А вот со мной вряд ли найдете!

– Это почему же? – искренне удивился Андрей, и его собеседнице эта непосредственность явно пришлась не по вкусу.

– А потому!.. Мы сейчас побеседуем о ваших взаимоотношениях с покойной Зуевой Тамарой Анатольевной. И будьте, пожалуйста, поточнее в ваших ответах! От этого много что зависит в вашей судьбе!

Андрей почувствовал, что челюсть, внезапно отяжелев, потянула вниз, прямиком в преисподнюю. Это, выходит, не редакционное задание?! Его что, к истории с Тamarкой пристегнуть хотят?! Ну и поворот темы!

Крикунше явно понравилось его замешательство.

– Что – не ожидали, что мы на вас так быстро выйдем?

– Вообще-то я ни от кого не прятался и знакомства с Тамарой Зуевой никогда не скрывал, – пожал плечами Андрей. – Журналистов в городе не так уж много, все всех знают – хотя бы шапочно.

– Хорошо, тогда объясните, по какому поводу у вас с Зуевой была ссора за неделю до ее гибели?

«Так, Андрей Викторович, с возвращением! Будем считать, что это интервью с интересным человеком».

– Объяснить точно не смогу.

Крикун, что-то сосредоточенно писавшая, подняла голову. Кажется, даже обрадовалась.

– Почему же?

– Потому что не было никакой ссоры.

– А вот свидетель, Савельева Татьяна, рассказала нам, что была.

– А... это такая рыженькая, худенькая? – просветлел Андрей.

Лицо у Крикун чуть дернулось.

«Получила?!»

– С которой Зуева меня в магазине засекла?

– Да. Так.

– Тогда Зуева сама ко мне пристала. Я попросил ее раз и навсегда оставить меня в покое.

– Но вы ей угрожали!

– Не больше, чем вы мне сейчас.

Это замечание чуть охладило Крикун. Но она быстро взяла себя в руки и опять разозлилась.

– Вы состояли с Зуевой в интимных отношениях?

Ей нелегко дался этот вопрос.

«Бедняжка... Интересно, а как вот такая, как ты, может... состоять?»

– Вообще-то я не должен отвечать на такие вопросы, но чтоб облегчить вашу... задачу,

ответу: нет, не состоял, хотя она, кажется, была не против. Я здесь работаю по временному договору и обнадеживать девушку на длительные отношения считал непорядочным. Это ясно?

Крикун промолчала, продолжая писать.

– С Зуевой у нас были чисто деловые отношения. Она изредка поставляла мне информацию – я за нее платил.

– А потом?

– А потом в этом отпала необходимость, и мы перестали общаться.

– Так, хорошо... А чем вы объясните эти ранения на вашем лице?

– Во-первых, это трудно назвать ранениями, а во-вторых, это следы хулиганского нападения.

– И кто же на вас напал? – с нескрываемым презрением прошипела Крикун.

– Это скорее вы должны выяснить. А если по существу, это были злоумышленники, которые, пользуясь бездействием правоохранительных структур, продолжительное время орудовали в вашем городе.

Андрей специально подчеркнул – «в вашем».

– Это те, со швейными машинками?

– Читали?

Крикун опять промолчала, но, спохватившись, продолжила:

– А когда это событие имело место?

«Ох, а вот это нехорошо! – похолодел Андрей. – Ведь меня, когда я этих троих валдохал, никто не видел... Докажи, что это не жертва нападения меня разрисовала».

– В это воскресенье, утром.

– То есть непосредственно после сборища на озере Светлое? – едва сдерживая злорадство, уточнила Крикун.

– Да, – как можно спокойнее ответил Андрей, – в пятницу вышел номер с материалом об этих мошенниках, а в воскресенье рано утром они меня поджидали в подъезде. Бизнес я им поломал, говорили. Оперативно сработали, правда?

Крикун пропустила намек мимо ушей.

– И вы не подали заявление в милицию?

– Нет.

– А почему?

– А испугался, – с вызовом ответил Андрей.

– Кого же? – поджала малиновые губы следователь.

– Да милиции и испугался. Выяснится, что я им ребра переломал, – меня ж и упекут за превышение. Что – такого разве не бывало?

Крикун не стала углублять тему, Андрей воспользовался паузой.

– А вообще, вы что – хотите сказать, что я имею какое-то отношение к гибели Тамары Зуевой?

– Мы проверяем все версии.

«Да она у вас единственная! Поверху плавала, ты и схватила! Врать научись, профи!»

– Тогда запишите себе – никакого отношения к смерти Зуевой я не имею, на празднике с ней не сталкивался, никакого мотива на нее нападать у меня не было и быть не могло.

– А кто может подтвердить, что вы не встречались с ней на этом сборище? – склонив голову к плечу, осведомилась следовательша.

– Все, кто там был, – развел руками Андрей. – Я там присутствовал по долгу службы, общался с людьми, хороводы водил, все время был на виду. Ищите!

«Конечно, это не совсем так, но... Не дай бог Анну сюда втянуть. Страшно подумать, что с ней сделает эта особа. Из элементарной зависти к талии в три вершка».

– Хорошо, мы и это проверим.

– Разумеется.

Крикун что-то нервно дописывала.

– Что-нибудь для газеты дадите по этому делу? Минимальную информацию.

– Ведется следствие.

«Действительно, минимально».

– Вот, прочтите, и если согласны, подпишите все страницы.

«А вроде меня должны были предупредить об ответственности? Или это была просто неформальная беседа по душам?»

Андрей пробежал глазами текст, судорожно проглотил желание подправить слог, стиль и пунктуацию, размашисто подписал, словно давал автограф поклоннице.

– Все? – Андрей превентивно встал.

– Да, можете идти.

Крикун подмахивала его повестку дольше, чем писала протокол.

«Ох, не хочет она меня отпускать!» – подумал Андрей и не ошибся.

– Далеко не уезжайте. Можете еще понадобится.

– Во-первых, я все сказал, во-вторых, дальше границ района я не уеду, поскольку это не входит в мои планы.

– Во-первых, во-вторых!.. – пробормотала вслед ему Крикун, но Андрею не хотелось даже огрызаться.

Снаружи было сыро, неудобно, ветрено, на душе – тревожно и пакостно. Как-то это все не укладывалось в голове – связать его с гибелью Томки...

«Это ж надо – меня к этому делу пристегнуть!.. Вот – не связывайся с брюнетками, да еще кудрявыми, Полевой! Век тебе наука!.. Да, но что сказать завтра в редакции?... То-то Борода скукоженный сидел... Подозревал, что меня из-за... этого? Говорил ведь он, что, когда в семьдесят втором маньяка искали, всех оцарапанных в ментовку таскали?»

По дороге домой Андрей купил в киоске два последних номера «Подмосковной мимозы» – так, по наитию... И угадал. В сегодняшнем номере на последней странице был некролог с фотографией. Тамарку называли ярким человеком, талантливым журналистом и невинной жертвой жестокого, бессмысленного преступления. О том, что оно было совершено на несколько двусмысленном празднестве, тактично умалчивалось.

Но об этом в городе наверняка знали и без газеты.

Наутро Андрей поймал себя на мысли, что оттягивает время выхода из дома. Он выполнил весь ненавистный ритуал домашней уборки: засунул в полированный хозяйский шифоньер лишнюю одежду, вымыл чашки, даже протер пол в комнате и прихожей. Он даже вымыл обувь!..

Если какой-нибудь крикун захочет провести химический анализ почвы на обуви и половичке – накося выкуси! Это вам не «Си-эс-ай» с хорошими манерами и умными глазами!..

«Тьфу ты господи! А ведь напугала меня эта плюшка в мундире!»

Но появляться на работе позже одиннадцати часов было бы... неуместно. За ним ведь еще числилась эта история с брошкой «от Челлини».

...Мимо комнаты, где Борода с верстальщиком строили очередной номер, Андрей пробежал поспешно, бросив: «Привет всем!» Краем глаза он увидел, как Борода подскочил, оглядываясь на него.

«Захочет – позовет и спросит. У него свои дела, у меня свои».

– Валь, привет!

Валя что-то пробормотала, но Андрей, изображая невероятное служебное рвение, пролетел к столу.

– Костик фотографии брошки сделал? – деловито осведомился он.

– Да, – тихонько кашлянув, ответила Валя. – Они у Михал Юрича на компьютере. А... как там вчера прошло?

– Вчера? – задумчиво повторил Андрей, якобы перечитывая собственные заметки. – Представь, Загашникова любимого на месте не оказалось, а следователь по фамилии Крикун оказался женщиной ужасно толстого вида. А так... ничего. С нападением на мою персону

ничего не известно, с нападением на Зуеву – еще меньше. Журналистов гнобят все, кому не лень, а никто ничего делать не хочет.

Андрею понравилось, как он лихо скомпоновал две темы.

– Да? – тихо и нерешительно произнесла Валя. – Ну, может, что-то и выяснят... постепенно.

На пороге комнаты появился Борода:

– Ну, что там за дела, Андрей?

«Андрей» – это среднеарифметическое между «Андрюшей» и «Андреем Викторовичем»? Временный нейтральный вариант?»

– Материала не принес! – поднимая руки, словно Борода скомандовал ему: «Хенде хох!» – сказал Андрей. – Моим делом не занимается никто, делом Зуевой занимаются все, поэтому ни про что ничего не известно. Тайна, покрытая синим мундиром!

– А, понятно... Ну, это не срочно.

Неловко споткнувшись о собственные ноги, главный ушел к себе.

«Он что – тоже думал, что это я Томку замочил?! – из последних сил держа лицо, ужаснулся Андрей. – Или тут все с ума посходили? Не ожидали, что я приду на работу по причине заключения под стражу?»

– Валь, ты меня в Интернет пустишь? Мне про Бенвенуто Челлини посмотреть надо.

– Заходи, конечно.

Так, вполне мирно – может, чуть более молчаливо, нежели обычно, – они доработали до обеда. Андрей нашел несколько имиджей с работами знаменитого ювелира. По снимкам трудно было судить – но вроде эти штучки были очень и очень похожи по стилю на бабулин раритет. Хотя все старинные вещи чем-то похожи... Как старики и старушки всех времен и народов. Тут настоящий спец нужен!..

На одном профессиональном антикварном сайте Андрей даже нашел формулу, по которой можно было рассчитать если не реальную цену вещицы, то стоимость ее страховки. Как ни изощрялся Андрей, а меньше пятнадцати миллионов долларов не выходило.

«На эту цацку, выходит, небольшую нефтяную компанию купить можно? Ну, этого быть не может!.. А если может, надо помалкивать... Замочат несчастную бабулю в рассоле, а я виноватым окажусь – не юридически, так морально... Ведь даже в банковскую ячейку такую штуку не положишь! Не во всяком районном банке такой уставный капитал имеется. Да, правду говорят – меньше знаешь, лучше спишь».

В четыре часа дня Валя повезла в типографию пленки, а почти успокоившийся Андрей заглянул в комнату к главреду. Тот, против обыкновения, не дулся в шахматы с компьютером, а что-то набивал двумя пальцами.

– Михал Юрич, вы заняты?

– Нет-нет! – резво обернулся Борода, не забыв, правда, сбросить файл вниз. – Что ты хотел?

– У вас на диске фотки этой брошки с красным солдатиком?

– Да, а что?

Шеф изобразил невероятное внимание. Андрей принял игру.

– Я думаю, может, как-то через третьих лиц показать их антикварам? Чтобы правильно оценить и татей кровавых на хозяйку не навести?

Борода постучал пальцами по столешнице, размышляя.

– Хорошо, а как конкретно ты это себе представляешь?

– Ну, мамку озадачу, братика... Только это сейчас сделать надо – у меня родители в августе обычно отдыхать уезжают. Перешлем сидишку в Москву почтой – для конспирации, а? Зачем лихо будить?

– А, ладно... Я тебе завтра скажу – позвоню вечером ей, а завтра тебе скажу.

Борода наконец поднял на него глаза. Глаза были чуть жалкие.

– Как скажете, шеф. Текст у меня вчерне готов – только мнение специалистов о подлинности подпечатать, чтобы тетенька на цене не прогадала.

– Ты всегда на высоте. Видишь проблему в перспективе!

Борода в знак того, что аудиенция закончена, повернулся назад к монитору, а Андрей пошел к себе. На душе, как все последние дни, было мутно.

«Да, я ж хотел с Павлючком повидаться! Пусть бы рассказал, о чем народ толкует», – вспомнил он.

Андрей прислушался – Борода лупил по клавиатуре, – осторожно прикрыл свою дверь и нашел в записной книжке мобильного воришкин номер.

– Алё, дядя Андрей, – через пару звонков ответил Павлючок.

– Привет, Серега, чего не звонишь? Как жив-здоров?

– Да я звонил пару раз – вы отключенный были.

«Хорошо, что не заключенный...»

– Сережка, ты везде бегаешь, скажи мне – а чего в городе говорят про то, что женщин покоцанных находят?

– Дядь Андрей, – с энтузиазмом откликнулся Павлючок, – так говорят, его уже поймали!

– Ну да?! – несказанно удивился Андрей.

– Ага! – обрадовался своей осведомленности Павлючок. – Вчера еще!

– Не слыхал... И кто это оказался?

– Говорят, мужик один приезжий гадил.

«Ну да, я ж неместный... Или действительно органы любимые кого-то зацапали – лишь бы начальству доложить? Ой, худо, если так! На мою карму пойдет».

– Да? Не знал... Спасибо, Серж. Если услышишь что-нибудь интересное, звони в любое время.

– О'кей... Ой, дядь Андрей, а я вашу статью про швейные машинки читал! – так, словно он одолел «Красное колесо» Солженицына, похвалился Павлючок. – Пацаны наши от нее просто торчали!

– Ага, а мне за нее рыло начистили! – от души пожаловался Андрей.

– Ну да?! – кажется, еще раз обрадовался Павлючок.

– Угу... Трое! Но им тоже мало не показалось... Ну, ты не пропадай, хорошо? Держи ушки топориком и звони хоть изредка – я о тебе беспокоюсь.

– ...Сынок, ты еще работаешь? – Борода открыл дверь.

– Да нет, только осведомителю звонил.

– Да? На вот тебе брошечку.

Главред, протягивая ему сидирому, все еще по-девичьи стыдливо прятал глаза. «Да бог с вами, шеф дорогой! Все в прошлом».

– Ага, хорошо, Михал Юрич... Еще успею сегодня в «Ди-Эйч-Эл» снести. Завтра к вечеру мои получают.

Они, как всегда, мирно, даже přátельски, расстались у выхода из здания.

Небо очистилось, было высоким и нежно-голубым. Похоже, возвращалась хорошая погода.

Замечательно, конечно, но едва начавшие подживать боевые ранения под капюшоном уже не скроешь...

Когда они заживут окончательно, через недельку-полторы, можно будет съездить навестить Анну. А там скоро закончится ее работа в дурацком лагере и надо будет решать с их отношениями...

Может, они поживут вместе в его квартире, притрутся характерами?... У него-то не было опыта постоянных отношений, так... нерегулярные физиологические отправления, как называл это младший брат... А вот хоть почувствовать, что это – когда рядом любимая женщина, которую всегда можно поймать за талию, прижать к себе, забравшись губами под светлые волосы, поцеловать в лилейную шейку... А она будет сопротивляться, так – ну не надо, чего ты?

А чего он? Он только продолжает так дивно начавшиеся там, на лесной полянке, их

любовные радости... Ух, хорошо-то как там было!..

В таких радужных мыслях – есть чем отвлечься! – Андрей дошел до центрального почтамта и отправил диск на свой московский адрес.

Из дома позвонил маме в Москву. Та ответила на фоне трескотливого кухонного репродуктора.

– ...Только никому не рассказывай, откуда это, ладно? Просто узнай приблизительную стоимость и маркетинг маленький проводи. Мы хотим с продажи гешефт взять – на издание газеты.

– Ну хорошо, я поняла... А что у тебя с голосом?

– Да ничего, – удивился Андрей. – Как всегда.

«Неужели начищенная физиономия отражается на тембре голоса? Вряд ли... Или мама проинту ичила?»

– Да я же слышу... У тебя все в порядке?

– У меня все великолепно. Я народный заступник районного масштаба.

– Вот это меня и беспокоит... Тебя, Виталька говорит, уже и в Интернете трактуют, в блогах упоминают...

– Значит, районный масштаб я уже перерос.

Едва он положил трубку, позвонила Анна.

– Я с мамкой беседовал, извини... Как там у вас – природных катаклизмов нет?

– Мм, кажется, нет... Грязно – гуляем только на территории. А что там о Тамаре слышно?

– Ведется следствие. Результатов никаких, – делано вздохнул Андрей. – Типичный «глухарь».

– Похоронили ее?

– Не знаю – нас никого не пригласили. На верное.

«Анне незачем быть в курсе... других незначительных происшествий», – решил он.

– Когда ты закончишь свою бурную педагогическую деятельность? – спросил строго – или он пред ней не воин, любовник и властелин?

– Ну... двадцать пятого июля. – Анна осторожно добавила: – Но просят остаться...

– А если я попрошу не соглашаться – это будет что-нибудь для тебя значить?

– Это очень много для меня значит, Андрюшк.

– Так, двадцать пятого вечером я забираю тебя из этого исправительного заведения. Как успешно отбывшую испытательный срок. Я ведь правильно понимаю ситуацию?

– Как-то ты это нехорошо сформулировал...

– Дело не в формулировке, а в сути. Так что?

– Хорошо, Андрюшк, все будет так, как ты хочешь, – кротко промолвила Анна. – Мне пора, родной.

«Так, рыло мое заживет за эти семнадцать дней практически нацело... А там будем решать».

Тут Андрей внезапно почувствовал: а ведь вот-вот окончится этот очень немаленький и совсем не легкий кусок его жизни... Слегка суматошная работа в провинциальной газете, странная, но волнующе романтическая история его встречи с Анной О. И все другие, странные случаи... А что дальше?

«Ох, да фиг с ним... Впереди провальный – в смысле карьеры и трудоустройства – отпускной сезон. Раньше середины сентября ничего при всем желании не решишь... Вот бы на это время получить в полное распоряжение Анну О., разобраться в своих чувствах и выяснить, как же мы в конечном итоге друг к другу относимся... Вот так разбираться, разбираться... подольше...»

В таких томительно-радужных мечтаниях Андрей пробыл до рассвета. Даже не мог бы утром сказать – спал не спал... Не спал – бродил по полянам с прохладной травой, бережно держа маленькую ручку полуобнаженной нимфы. Они все искали и искали, где бы им

уединиться, но изо всех сколь-нибудь укромных уголков раздавались переливчатый женский смех, подозрительная возня и довольное, басовитое урчание. Они обменивались чуть разочарованными страстными взглядами и шли искать дальше... Ну так и бродили, пока их не спугнуло настырное пиликанье дикого лесного будильника.

Нимфа, одарив его напоследок многозначительным взглядом и нежной улыбкой, исчезла, а Андрею пришлось вставать и отправляться в редакцию.

Четверговое утро было таким, как всегда, то есть никаким. Пока притащился Борода, у Андрея появился повод отпроситься у него на выходные.

– Мама у меня человек занятой, да и не хочу я, чтоб она рядом с такой вещью светилась...

– Да поезжай, сынок, поезжай! – опять, как вчера, с преувеличенной нежностью замахал руками главред. – Прямо сейчас и езжай, пока не жарко!

«Дождется Валю, усадит ее за телефон и поедет на дачу, хитрец!»

...Мама появилась дома уже под вечер.

– ...Нет, но это точно не из-за этого? – допытывалась она, крутя перед его носом присланным сидиромом и пристально глядя ему в глаза.

Потом, успокоившись, мама обвязалась фартуком и принялась застряпню.

– А почему ты решил, что это сердолик?

– Ничего лучше в голову не пришло.

– Челлини, как мне сказали, с таким материалом не работал. Это, скорее всего, рубин.

– Ру-би-и-ин? – удивился Андрей.

– Ну да. Это ж для королей делалось... Почувствуй ужин, пришел с работы отец. Весь вечер они втроем – братик уже выбыл из Москвы на отдых – проговорили про брошку и про машинки, отлитые из золота. Об Анне и о том, как он отмечал солнцестояние, Андрей промолчал. Главное, мама позвонила кому-то и сказала, что завтра они подойдут к одному человеку в московское представительство «Сотбис» и покажут картинки.

Вещь, похоже, вообще стоила немерено...

Москва-утро-пятница-лето – в любой другой ситуации Андрей зарыдал бы от такого стечения обстоятельств, но сейчас ему даже нравилось... Быстрее пройдет время.

– ...Если вещь подлинная, то в конечном итоге, после уплаты налогов, вашему, гм, знакомому останется миллионов семьдесят.

Мама едва слышно кашлянула. Андрей, откровенно поперхнувшись, пролаял:

– Скока-скока?

Эксперт «Сотбис-Раша» откинулся на спинку кресла – не офисного, крутящегося на журавлиной ножке, а деревянного, массивного, с высокой резной спинкой. Он был явно доволен произведенным эффектом.

– Может, чуть больше, – добавил он. – В зависимости от конъюнктуры рынка.

– А семьдесят миллионов чего? – решила подать голос мама. – Евро?

– Фунтов, мадам, – сумрачно ответил эксперт. – Фунтов стерлингов. Но это, повторяю, после тщательной экспертизы.

– ...А тебе за это... чего-нибудь заплатят? – все-таки уточнила мама, всю дорогу домой задумчиво молчавшая.

– Ну, если у старушки башню не снесет, может, и заплатит. Вроде она меня полюбила... Но это дело мой глав-вред ведет, мам. Он хочет на издание газеты заработать. Значит, и мне перепадет в виде зарплаты...

Выходные прошли в чтении накопленных за эти недели родителями книг, причем большинство из них оказалось редкостной макулатурой.

Ехать в область Андрей решил на последней перед техническим перерывом электричке. Июльское отпускное время позволяло не только нормально сесть в поезд, но даже прилечь на лавку – если б его рост позволил, конечно.

В темный подъезд Андрей зашел чуть ослепнув от солнца, и тень, метнувшуюся к нему, принял за капризы сетчатки. Но когда тень, коротко крикнув, схватила его за запястье, а другая тень сомкнула корявые пальцы на другой руке, от чего Андрей выронил сумку, он понял, что расслабился рано... Поскольку еще некто, весьма материальный, повис у него на загривке, Андрею стало ясно, что понедельник делается для него хронически тяжелым днем.

– Не дергайся, гад! Лось проклятуший... Это милиция! – взревел кто-то у него над ухом. – В машину его, ребята.

Вовсе ничего не понимая, но чувствуя, как трое или четверо крепких мужиков волокут его на улицу, Андрей подчинился. У дверей действительно стояла спецмашина. Две минуты назад ее не было, он это точно помнил.

Кто-то нарочно больно потянул его за волосы и переправил на заднее сиденье. Еще один хлопок в штатском быстро запрыгнул рядом. Машина тронулась, у Андрея появилась возможность что-то сказать.

– Может, кто-то объяснит мне, что происходит?

Тому, как сдавленно и испуганно звучит его голос, Андрей просто не поверил... Не бог весть какие они атлеты, эти менты, но с любителями ему было гораздо легче. Хоть можно было не стесняться.

– Я те щас все объясню! Я тебе очень хорошо все объясню!

Человек на переднем сиденье резко обернулся, и Андрей узнал бравого майора Загашникова. Ему сделалось смешно – вероятно, просто начиналась истерика.

– Бог мой, товарищ майор! Вы ли это?! – набрался духа выпучить на него глаза Андрей.

– Да я, я, товарищ корреспондент! Не ожидали?

– Чего не ожидал, того не ожидал, честно скажу!

Машина уже лихо зарулиwała во двор райотдела милиции, который был неплохо знаком Андрею.

– Думал, если он Любашку очаровать сумел, ему все с рук сойдет! – криво усмехнулся мент, прикрывавший от него левую дверь. – Вываливай, и тихо тут!

Он потянул Андрея за рукав рубашки, будто тот собирался остаться в машине.

– Вы что, пацаны, все-таки Томку Зуеву на меня решили повесить? Не выйдет, не надейтесь! – подскочил на сиденье Андрей, едва не пробив крышу темечком. – Не трогал я ее и не видел две недели до праздников! Свидетелей навалом! Полгорода подпишется!

– Да хрен с ней, с журналисточкой этой! – в тон ему рывкнул Загашников, неловко карабкавшийся с переднего сиденья. – Туда ей и дорога, шалаве!.. Шестой труп на тебе, гад, сволочь!.. Свеженький! А?! Молчишь?! Вылезай, кому сказано!

Андрей ошарашенно молчал и, кое-как выбравшись из машины, едва не упал под тяжестью рухнувшего на него предположения. Поэтому «ангелам» в штатском было совсем не сложно доволочь его, спотыкавшегося на обмякших ногах, до кабинета Загашникова.

Его бросили на стул перед столом майора. Тот, как заметил Андрей, был не только зол, но и очень доволен.

В горле у Андрея пересохло, как в пустыне, под грудиной защемило – не вздохнуть.

«Ага, вот так и умирают от инфаркта... Молодыми... Нет, не выйдет... Надо что-то делать... Взять себя в руки... срочно. Все это слишком плохо, чтобы быть правдой».

Он сделал – возможно незаметнее – пару глубоких вдохов. И тут заметил, что сидит в наручниках. Когда успели... профи.

Андрей, чуть успокоившись, выпрямился, взглянул Загашникову в лицо. Тот все еще поедал его хищным взглядом, словно прикидывая: а не шлепнуть ли его тут же, во дворе, без суда и следствия? Так спорей будет и дешевле для национального бюджета... А?

– Так что у вас ко мне, товарищ майор? – без труда имитируя адскую усталость, вымолвил Андрей.

– А то, – глядя на него из-под невысокого лобика, заговорил Загашников, – что сегодня утром у села Видного был найден труп шестнадцатилетней...

«О господи! Не она... Не она!»

– ...местной жительницы Алёны Зайченко.

– А я-то здесь каким концом причастен? – усмехнулся, чувствуя, как свинцово-тяжкая волна все-таки отваливает, прокатываясь асфальтовым катком по сердцу, отпускает руки и холодит ноги.

– А вот мы и выясним – и про конец твой, и про начало!.. И что ты вообще в нашем городе делаешь, зачем сюда припожаловал?! Говори, сволочь, где вчера был?

– Вы с выражениями-то поосторожнее, господин майор, – чувствуя, что уже почти в порядке, процедил Андрей. – А то ведь я представитель СМИ. В следующем номере фигурировать будете – вместе со всей вашей профессиональной лексикой и приемами. Еще и у начальства вашего интервью возьму о методах вашей работы. А?

Андрей повел плечами и подобрал под себя ожившие ноги. Чувствуя, что лицо все еще не расправилось, чуть откашлялся и добавил:

– Вообще-то, исходя из презумпции невиновности, я не должен ничего доказывать, но, принимая во внимание вопиющую беспомощность местных органов...

– Ну, поговори, поговори, – процедил Загашников, вроде уже не так уверенно.

– ...и желая облегчить им непосильную задачу...

Загашников издал тихий, свистящий звук и покрутил коротко стриженной головой.

– ...сообщаю вам, что с вечера четверга по сегодняшнее утро находился в столице нашей родины городе-герое Москве. Вопросы есть?

– Очень много! – Загашников привстал, чтоб поближе посмотреть ему в лицо. – Очень даже!.. Первый – кто это может подтвердить?

– О-хо-хо! – развеселился Андрей. – Да кто угодно! От моего руководителя Михал Юрича Бороды, который сам меня отпустил на выходные, до соседей по московскому дому, которые имели удовольствие наблюдать меня все это время.

Последние слова были ложью, и довольно опасной – ни с кем из соседей он не виделся, а слова родителей для органов немного стоили. Говорить про визит в «Сотбис-Раша» было нежелательно – выдашь старушку с рубином в четырнадцать каратов...

– Ну, это мы проверим, мы это очень хорошо проверим! – осел Загашников.

– Да, а еще тут у меня в карманчике билет на электричку, по-моему, сохранился. Не посмотрите? В Москве брал... Там и дата есть.

– Ага!

Загашников сорвался с места и дрожащими от вожделения пальцами залез в нагрудный кармашек рубашки.

– Ой, та-ва-рищ майор, вы б поосторожнее! – обольстительно улыбнулся Андрей.

Загашников выскреб из кармана билет, бегло на него взглянул, скомкал и безглаголиво отбросил.

– Это, кажется, называется «сокрытие улики»? – осведомился Андрей.

Ему показалось почему-то, что это скорее хорошо, чем плохо.

– Вот с самого начала ты мне не понравился, парень!

«Я вообще не нравлюсь неинтеллигентным людям», – подумал Андрей, но промолчал.

– Ну, знаю ведь я, знаю, что это ты, знаю! – тихо выли Загашников, бегая туда и обратно.

– А что я?!

Андрею начало надоедать происходящее, хотя с нелепостью положения он уже как-то смирился. Или научился, как наставлял Борода, смотреть на ситуацию со стороны?

– Что ты тогда у речки сам наряд вызвал – сам эту девку ночью завалил, козлина, и сам потом наряд вызвал! И перед этим в коттеджной застройке бродил... Высматривал, когда трупешник обнаружат... Что, скажешь – совпадение?

– Конечно! – пожал плечами Андрей. – Все можно проверить. Про козлин особенно. Только пока вы дурью маетесь, еще девчонок эта зверюга порвет. Увидите. И все на твою карму пойдут, майор.

– Чё?...

Майор, видимо, про карму не уловил, но спросить не успел. В дверь стукнули.

– Я занят! – рыкнул Загашников, но дверь все-таки отворилась.

Внутрь заглянул молоденький лейтенант.

– Товарищ майор, извините, тут от товарища полковника. Просили принять...

Дежурный отступил, и в кабинет впал встрепанный и красный Борода.

– Володенька, в чем дело? Почему вы задержали моего человека?

«Ах, так он еще и Володенька!» – усмехнулся про себя Андрей.

– Здравсте, Михал Юрич. – Они обменялись поспешными рукопожатиями. – Вот...
Выясняем.

– Еще одну девушку нашли, Михал Юрич, – устало сообщил Андрей. – Вот товарищ майор и решил на меня все женские трупики навесить. Оптом, так сказать. Сколько их там, говорите, – шесть?

– А... ты разве не в Москве был? – разом сошел краской с лица главред.

– Теперь, получается, что не был, – грустно улыбнулся Андрей.

Загашников поджал по-девичьи припухлые губки и промолчал.

– К-как? Так!.. Вон, видите? – Андрей дернул ногой. – Ваш Володенька билетик мой на поезд изничтожил, так что поди теперь докажи, что я только утром сюда из Белокаменной свалился.

– Володя, дорогой, ну что за методы!.. Двадцать первый век на дворе! – Борода изобразил на лице отчаяние, как-то по-бабьи всплеснул руками и укоризненно покачал головой.

– А почему ваш журналюга все время рядом с трупами оказывается, а? – пошел на следующий вираж Загашников. – Ну, как ни посмотришь – где он, там труп!.. А?

– Ага, пусть мне тех троих из свинарника навесят – во потеха-то будет! – фыркнул, отворачиваясь к окну, Андрей.

«Господи, как же там, на свободе, хорошо! Машинки стоят, менты бегают, солнце светит...»

– Работа же у него такая, Володенька, пойми! – терпеливо разъяснил Борода. – У нас нет специалиста по криминальной тематике – все на Андрюше... Да вся газета на нем! Давай с тобой выйдем, а? Ну, на минутку?

Загашников заколебался, смерил Андрея подозрительным взглядом – словно тот, при его габаритах и в наручниках, мог просочиться сквозь решетку и сбежать.

– Ну, ты что, меня не уважаешь, Володя?

Майор нервно дернул головой, и они вышли. Андрей, воспользовавшись передышкой, расслабился, опустил лицо в ладони.

«Ох, ну как мерзко-то!.. Опять девчушку загубили, а я обрадовался, что это не Анна... И опять на меня накатили!.. Ох, не пройдет мне третий такой накат, ой не пройдет!.. Если этот пройдет, третий – точно нет... Если эту зверюгу в ближайшее время не поймают, аборигены меня линчуют. Хотя бы для острастки... Нет, надо срочно забирать Анну и катить в Москву. Родители через неделю уедут, месяц наш, а там...»

Что «там», додумать не удалось, поскольку дверь распахнулась. Загашников, глядя куда-то в сторону, вразвалочку подошел к Андрею.

– Руки давай!

Андрей, словно полжизни провел в кутузке, охотно протянул ему руки. Майор отпер браслеты и, даваясь словами, пробурчал: «Свободен».

– Да ну? – озарился невинной радостью Андрей.

– Пока...

Загашников произнес это очень тихо, чтобы не слышал Борода, торчавший на пороге.

Андрей с трудом поднялся и постоял, наблюдая, как майор прячет наручники в стол, подписывает какую-то бумажку и отдает ее Бороде. Вообще-то Андрей просто не мог двинуться, потому что одеревенели ноги и кружилась в венском вальсе голова. Двинуться к двери? А ну как Загашников только того и ждет, чтобы пристрелить его при попытке к бегству? Нет, без приглашения Андрей не пойдет... Пусть попросят.

Загашников это почувствовал.

– Чего еще? – нехотя повернулся к Андрею. – Я же сказал – свободен! Не понял?

– Я извинений жду, товарищ майор, – вкрадчиво произнес Андрей.

– Чего?!

– Володя, это справедливо, – мягко пробурчал Борода. – Володя...

– Примите наши извинения, товарищ журналист, – отчеканил майор, но в глаза Андрею не глянул. – Работа такая.

– Ну что вы, мы ж понимаем, – хитро улыбнулся Андрей.

Если б Загашников знал, как ему это далось, сильно обрадовался бы.

– Андрюша, пойдем, я с машиной, – подал голос главред. – Сумку не забудь.

Не совсем веря, что жуткая сцена закончилась, Андрей шел за Бородой по узкому коридору.

– Сынок, куда тебя отвезти? Может, домой? – ласково спросил Борода. – Ты ведь, наверное, отдохнуть хочешь?

– Я Ане Озерных позвонить хочу, – пробурчал Андрей, роясь в сумке – не скрали его недешевый мобильник подлые менты?

– Позвони, позвони, привет от меня передай обязательно... Так куда мы едем?

– На работу мы едем... Анюта, ты как?

– Я в порядке... Как ты съездил? – зазвучал райской трелью далекий голос Анны О.

– Я нормально, а ты будь очень осторожна... Ты слышишь? Никуда одна не ходи! И вообще никуда не ходи! Сиди на территории!

– А... что? Опять?

– Да, опять! Опять! И никаких третьих смен, ясно?

– Ну ладно, не переживай... Я вечером позвоню.

– А чего ж привет не передал? – все так же подчеркнуто участливо спросил Борода.

Они уже приближались к редакции.

– Не до этого было, Михал Юрич, извините.

Валя резко обернулась на их с Бородой появление. Решив хотя бы Вале не давать предлога для жалости, Андрей бодро прошел к столу, бросил по дороге: «Привет, Валь!» Рядом с ней сидел какой-то парень лет двадцати с небольшим, видно внештатник или жалобщик.

– Привет, Андрей... Дальше диктуйте, пожалуйста.

Но парень, чуть приоткрыв рот, не стесняясь, разглядывал Андрея. Тот тяжело плюхнулся на стул и включил компьютер.

– Диктуйте, диктуйте!

Парень забубнил текст, а Андрей, изображая служебное усердие, принялся дополнять статью о шедевре Бенвенуто Челлини информацией, полученной в «Сотбис-Раша».

Через сорок минут парень ушел, бросив напоследок в сторону Андрея изучающе-недоуменный взгляд.

– Как съездил-то? Результативно? – почти сразу заговорила Валя так деловито, будто ничего особенного сегодня утром не произошло.

– Удачно, – не отрываясь от дисплея, ответил Андрей. – Алиби себе надежное обеспечил. Хоть коллеги не станут меня за коня водяного держать.

– Ой, не надо об этом, а? – досадливо повела головой Валя. – Давай чайку поставлю?

– Чаю – это можно.

«А ведь отрицать-то не стала...»

Они как ни в чем не бывало попили чаю, потом Андрей пошел в комнату главного – тоже как обычно – посоветоваться насчет бабули, могущей в одночасье стать мультимиллионершей.

– Я что-то совсем не представляю, как это все обставить, Михал Юрич, – честно признался Андрей. – Мне жизненного опыта не хватает.

– В первый раз такое слышу, – усмехнулся главред, пробегая глазами текст.

– Я лучше признаюсь, чем на старушку лихих людей наведу. Если мы хоть намекнем, что у нас в городе есть кто-то, кто обладает такой штучкой, крутые пацаны весь город обыщут, а брошечку найдут.

– Найти-то можно – продать сложно, если мы изображение опубликуем. Тем более цена-а!..

– Ну, на ваше усмотрение, – пожал плечами Андрей. – Мне как-то тревожно за бабулю.

– Ладно, я помозгую на досуге что и как... Ты, того, в порядке? Может, домой пойдешь?

– Ну, если ничего нет...

«Хотя находиться где-то, где меня не видит хотя бы полсотни свидетелей, мне крайне неуютно».

Было уже полпятого вечера, Валин чай не восполнял нервных и физических потерь – Андрей ощущал зыбкую мягкость в коленях.

«Сейчас как пойду в «Макдоналдс», как срублю там пару тысяч калорий, а потом домой, мыться и спать! Не явятся Любаша с майором во сне по мою душеньку?»

Он так и сделал. Вечером, оставшись наедине с самим собой, Андрей, боясь наступления реакции на утренние события, попытался отвлечься приятными мыслями об Анне О.

«Так, завтра день плюс неделя... Тогда можно будет забрать Анну из этого лагеря... Август впереди. Если будут меня здесь теребить – уволюсь к чертовой бабушке, увезу Анну в Москву...»

Было половина седьмого вечера. Андрей открыл окно, послушать, пищат ли его быстроскрылые соседи и какую сулят погоду. Но ни писка, ни стремительных пролетов за окном не ощущалось. Риска вывалиться на заброшенный внутренний двор, Андрей высунулся в окно почти по пояс.

«Вот мне сейчас на голову или в глазик – плюх!..»

Но похоже, колония была покинута. Из гнездышек не высовывались любопытные желтые клювики, не сновали туда-сюда, отчаянно вереща, хлопотливые родители.

«Они что – улетели вовсе? – огорчился Андрей, втягиваясь назад в комнату. – Детки подросли, и они все вот так, в стайку, и на юг? Не дожидаясь осени? М-да...»

Решив перед вечерним чаем позвонить Анне, Андрей вызвал на мобильнике ее номер. Она ответила почти сразу:

– Андрюшк, я занята!

– Чем это?

– Праздник окончания смены готовим. Дел невпроворот. А что случилось?

«Почувствовала, что мне плохо?»

– Ничего, просто проверяю тебя.

– Я все понимаю и все делаю, как ты сказал. Но ты здоров, нет?

– Я дома, здоров и благополучен.

...Даже короткий разговор с Анной его утешил. Раз она чувствует его состояние – значит, любит.

«Господи, поскорей увезти ее и самому уехать из этого города!.. В пыльную, шумную Москву, где нет водяных коней, поскольку в Москве-реке даже рыба не водится».

Мысли были скорее тревожные, чем приятные, но заснул Андрей быстро, ужасов с участием необъятной Любы и злого, как цепной Шарик, Володеньки не видел и проснулся под издевательское вяканье будильника.

Пришел в редакцию, приземлился на стул и вдруг почувствовал, что стул под ним... подозрительно сырой.

«Ха, я что – уделался и не заметил?» – хмыкнул Андрей и привстал.

– Кто сидел на моем стуле и на...ал на него? – громко провозгласил Андрей, вставая в полный рост.

– Чего? – подняла голову Валя.

– Кто написал на мой стул?... Сырой стульчик-то, а?

– Ну, не знаю...

Она округлила глаза в преувеличенном недоумении.

– Может, уборщица переусердствовала?

– Ага, как пыль со стола вытереть, так ее нет, а вот обивка – хоть выжми. Хорошо, хоть заметил, а то так бы и ходил с пятном на штанах.

Андрей отставил стул и взял другой – с пластмассовым сиденьем, предназначавшийся для гостей.

– Сейчас высохнет, – пробормотала Валя, возвращаясь к печатанию.

В комнату заглянул Борода, как всегда жизнерадостный.

– Как дела, сынок?

– Задания есть?

– Пока нет, номер собрали.

– Тогда я свои дела в порядок приведу.

– А, давай. Если надо что – обращайся.

Андрей, вроде настроившись на отъезд, решил собрать свое профессиональное «портфолио». У него набралось много оригинальных публикаций – с такими не стыдно предложить себя в самое крутое издание... Чего он только не раскопал за этот год!

Надо собрать лучшие статьи, скомпоновать папку... Разоблачение кровожадного водяного коня послужило бы прекрасным апофигеем его здешней карьеры, но тему подмял под себя Борода...

– Михал Юрич, вы на целый день засели?

– Да-да, не отвлекай, – торопливо ответил Борода, когда Андрей остановился на пороге его комнаты.

– Машину взять можно?

– А куда ты намылился?

– Аню Озерных навестить. У них там какой-то праздник намечается грандиозный.

– Ага... Костика взять думаешь?

– У них свой фотограф, – лихо соврал Андрей. – Поделится материалом, я думаю.

– А, ну давай... К обеду вернешься?

– Вернусь.

То, что он через час увидит Анну, как-то радовало, и из города Андрей выехал почти в радужном настроении. Поселок Первомайский промелькнул полоской слившихся в один дощатый забор палисадников. Разумеется, у входа на территорию опять никого не было, и, заперев машину, Андрей пружинисто пошел по территории. Откуда-то неслись упругие волны звонких детских голосов, репетировавших какую-то речевку.

«Черлидинг по-русски! Где-то тут и моя русалка репетирует?»

– Гражданин, вы куда? Сюда нельзя! – кто-то грубо схватил его сзади за плечо.

Андрей инстинктивно вывернулся и оглянулся. Это был охранник в форме, но не из тех, которых он видел в прошлый раз.

– Во-первых, руки придерживай, во-вторых, я могу находиться где хочу, а в-третьих, у входа на территорию стоять надо, раз нельзя.

Парень примерно его возраста и тоже не хилый, поджав губы, обежал Андрея оценивающим взглядом. Андрей решил не усугублять конфликт.

– Вообще, мне к руководству – оно меня знает. Я корреспондент «Крестьянской газеты».

Андрей, не дожидаясь ответа, продолжил путь, чувствуя, что охранник если и не бежит за ним, то очень пристально смотрит вслед. Сейчас, поди, доложит толстой начальнице. Ну и

пусть.

– Девчонки, а мне бы Анну Аркадьевну?

Андрей притормозил рядом с группкой молоденьких девчонок.

– А вы ей кто? – неумело, но старательно состроив глазки, спросила одна.

– Любимый человек, – довольно ухмыльнулся Андрей.

– Да-а-а?

– Да, куколка, да! Так где она?

– А в столовке со своей малышкой тусуется.

– Спасибо, хорошеньчики, – еще раз расплылся Андрей и пошел, даже чуть вразвалочку, к длинному, смахивающему на барак сооружению.

Внутри было сумрачно, пахло парами манной каши на молоке. Поодаль, на свободном от столов и стульев месте, разучивали какой-то несложный танец малыши лет шести.

Анну он заметил сразу – она сидела вполоборота и руководила перемещениями детишек, большей частью девочек. Андрей постоял минуты три – до того, как его заметили дети. Анна, невольно проследив за их взглядами, встрепенулась.

– Так, пять минут отдыхаем, но не расходимся!

Анна на ходу провела по волосам ладонями – причесалась, ага! – и, не останавливаясь, увлекла его за руку вон из столовой.

– Ты чего – не рада меня видеть? – спросил Андрей, прекрасно видя, что она рада.

– Ох, просто никак не ожидала... Что-нибудь случилось?

– Да нет, захотел увидеть любимую женщину.

– А... А это что?

Анна сосредоточенно рассматривала розовый рубчик на его виске.

– Пустяки – бандитская пуля. Уже прошло.

– Что, правда?

– Ну, правда. Как я тогда тебя сюда отвез – до дома не дошел, подрался.

– Ох, господи...

– Им гуще перепало, не беспокойся.

Анна опустила в изнеможении руки, отвернулась. Воспользовавшись тем, что она на время утратила бдительность, Андрей прижал ее к себе. Она не возражала, и ему удалось забраться носом в светлые пушистые волосы на макушке.

– Когда я приезжаю за тобой окончательно? – Андрей чуть оттолкнул от себя Анну, посмотрел ей в лицо.

– Ох, Андрюшник, я не знаю... Тут у нас тяжелое положение...

– Ага...

– Да. В Первомайском, по соседству, пропали двое ребят – мальчики одиннадцати лет и двенадцати. Теперь каждый человек здесь на счету.

– А, то-то я смотрю, калитка у вас нараспашку и охранник по территории мотается, девочек молоденьких бдит!

– Да? – явно огорчилась Анна.

– Да, солнышко, да... Безопасность у вас...

– А, вот он, вот!

К ним с Анной, галдя, тесной группкой приближалась пара охранников в форме и троечка толстых теток. Андрею пришлось отпустить Анну.

– Почему вы без разрешения заходите на территорию? – завелась самая толстая дама.

– А мне разрешения не требуется, мадам, я журналист. Да и спросить не у кого было. На воротах никого, ходи не хочу.

– Как?

– Так...

«Мадам» обернулась к охраннику, совсем молодому парнишке:

– Коля, как так?

– Да врёт он! Я никуда не отлучался! – задиристо двинулся на Андрея пацаненок.

– Ты с базаром-то полегче! – развернулся навстречу ему Андрей и почувствовал, что Анна крепко взяла его за запястье. – Не было никого на входе! Однозначно!

Парень не нашелся что ответить. Остальные не нашли что добавить.

– Ну ладно, – скептически оглядывая загонную команду, сказал Андрей. – Если вам, дамы и господа, нечего сообщить прессе, я покидаю вас. Анна Аркадьевна, проводите меня до выхода?

Краем глаза он увидел, что Анна кивнула.

– А за входом на территорию надо действительно следить повнимательнее.

– Сами знаем, – вякнула одна из толстых.

– Надо не только знать, но и выполнять. Маньяк в районе орудует, слышали?

– Андрюша, не надо, – пробормотала Анна, проходя за ним через компанию неохотно расступившихся коллег.

– ...У меня теперь неприятности будут, – досадливо сказала Анна, когда они прощались у машины.

– Ну какие неприятности, какие неприятности! – чуть не взорвался Андрей, слегка тряхнув ее за плечи. – Что они тебе сделать могут, эти жирные тупицы?! Через три дня все кончится! Двадцать седьмого утром ты должна быть здесь, на этом месте, с багажом! Это понятно?

Анна чуть дернула плечами, пытаясь сбросить его руки.

– Не слышу?...

– Понятно.

– Вот ответ настоящей женщины!

Пользуясь тем, что охранник встал на пост и вокруг не было ни души, Андрей поцеловал с удовольствием ответившую ему Анну, прижал ее к себе так, что она жалобно захныкала, еще раз чмокнул в висок и уехал.

Вырулил с грунтовки на асфальт, уже чуть успокоившись.

«И чем же я отчитаюсь за прогон казенной машины? – подумал Андрей, уже въезжая в поселок. – Нешто узнать, что с теми парнишками стряслось? Блин, что вообще творится в этой тихой провинции?!»

Заныла в протест диафрагма – ох, не стоит этого делать, хозяин! Давай в город, а?

Но долг есть долг. Надо было хоть попытаться получить информацию.

На глаза Андрею попалось одноэтажное здание с неохотно волновавшимися на летнем ветерке флагами, федеральным и районным. Может, оперуполномоченного застать удастся?

– ...Ну... я не понимаю, почему этим интересуется районная газета? Найдутся пацанята, никуда не денутся. Нагуляются и вернутся. Дел-то!..

Местный опер, тощеватый, загоревший дочерна мужчина сорока с лишним лет, вертел авторучку, глядя в окно.

– Газета интересуется жизнью района. Мы могли бы опубликовать приметы или даже фотографии детей – может, кто-то что-то видел, сообщит, в какие края эти лягушки-путешественники наладились?

– Вся информация разослана по райотделам, – досадливо повторил опер. – Нам помощь не нужна. Найдутся. Лето – самое время такое... Все, кто может путешествовать, куда-то тянутся. Снимут с товарняка где-нибудь в Краснодаре и домой отправят.

«Ага – грузом 200», – зло подумал Андрей и сам ужаснулся своим мыслям.

– А скажите мне как специалист – ну, в целом, когда-нибудь похитителей несовершеннолетних ловили, судили, сажали? Детей по стране пропадает куча, а вот о процессах над виновниками что-то не слышно?

– Ну да... Раскрываемость по этим делам невелика.

– Хорошо, спасибо и за это.

– А что вы писать будете? – встрепенулся оперуполномоченный.

– Да нечего писать-то, – развел руками Андрей, поднимаясь. – Вот если б они

вернулись – тогда бы я хоть расспросил, что их из родного дома гонит. Это интересно. А так...

«Пусть думает, что я отступился... Материалу тут немного, но для анонса хватит. Я ведь могу через пару-тройку деньков наведаться».

Проезжая по главной улице поселка, Андрей вдруг вспомнил, что вроде бы не планирует работать под началом у Бороды.

«Может, август еще посидеть? Что в Москве делать в такое время? А здесь природа, Анна плюс отдельная, без брата и родителей, квартира».

Вообще, он все правильно сделал. Малейший намек на интересный факт, который может стать темой, – и он тут как тут! Он – высококлассный профессионал.

– ...Ну, нарыл чего-нибудь? – радостно спросил Борода, вышедший на его шаги в коридор.

В руке у главного была кружка с чаем. Значит, номер сверстали.

– Ну, только если на перспективу, – пожал плечами Андрей. – Мальчишки какие-то из дома сбежали, а опер местный не чешется искать.

– У-умм? – уставился на него Борода. – Фамилии, адреса выяснил?

– Да выяснил – толку чуть! Родители на работе, поселок как вымер. Опер говорит: нагуляются – сами вернутся. Никто ничего делать не собирается.

– Ну, это ты, конечно, напрасно... А справочку мне накидай – я спрошу там...

«Ага, у своих!»

– Как скажете, Михал Юрич.

– И ключики верни – я завтра с утра отъеду.

Валя, по-видимому, убыла в типографию. Поэтому, отстучав в тишине несколько строк неугомонному главреду, Андрей засобирался домой. Через несколько дней они с Анной планируют начать совместную жизнь, не так ли? Хотя слегка прибраться в квартире... Нельзя же на любимую женщину сразу домашнее хозяйство обрушивать... Все-таки репетиция медового месяца... Да, это хорошо – репетиция медового месяца.

Кстати, такая репетиция может длиться сколь угодно долго.

«...Ну вот, самое нудное позади», – подумал Андрей, выходя из квартиры уже затемно, чтобы выкинуть мусор.

Из мусорного бака, куда неприцельно метнул свои тюки Андрей, в темноту порскнула, фыркая, пара уличных котов.

«Ух вы, хвостатые! Мышей бы лучше ловили, чем по помойкам шастать!»

Вечер был тепел и приветлив.

«Пройтись, что ли? А то пыли наглотался...»

Мобильник был с ним, бумажник тоже, времени навалом.

В зенит уже вышли крупные, сочные звезды. Лето, созревая, начинало катиться к закату. Но ничего, ничего... Только бы увезти без задержек и проволочек Анну, а там...

Их лето будет длиться бесконечно.

Радуюсь, что в сумерках никто не видит его глупо-счастливой физиономии, Андрей прошелся до центра. Там уже горели желтые, солнечные фонари. Пошатавшись мимо витрин и с удовольствием послушав, как завлекательно-щебетливо, хоть и чуть делано, смеются молоденькие девчонки, произрастающие кустиками там и сям, он повернул домой.

До переулка, в котором находилось его временное пристанище, было еще метров тридцать, когда Андрей заметил, что поодаль как-то так неприметно встали гуськом три легковушки скромных рас цветов...

Час назад их здесь не было, да никто и не парковался на главной улице города. Андрей, ощущая на спине многозначительный холодок, сбавил ход. Здесь фонари пока не горели, но могли зажечься в любую минуту.

Он сделал шаг в сторону и почти прижался к стене. Нет, не может быть... Это слишком

плохо, чтобы быть правдой. Машины в рядок – это ерунда. Это – случайность. Ну встали и стоят... Что с того?

Андрей отлепился от стены и сделал пару шагов вперед. Но сразу же опять остановился. Что-то не пускало, словно магнитом притягивало к месту...

Нет, это невозможно. Сейчас он все выяснит! Ведь он такой умный и изворотливый!

Куда выходят окна его квартиры? Да в тот двор, где он пулял пачками макулатуры в полуночных котлов... Сейчас, сейчас!.. Они под самой крышей, его окна...

В его квартире горел свет. Яркий – наверное, включили все пять рожков, чего он никогда не делал, чаще пользуясь настольной лампой. В кухне тоже было светло. Сам он этой «иллюминации» оставить не мог... Еще бабушка выговаривала его родителям за неэкономный расход электричества: «Иллюминацию устроили!»

Что только не полезет в голову в такой момент! Да, там, в его квартире, сейчас чужие люди. Те, которые приехали в этих скромненьких тачках.

Те, которые пришли за ним.

Все-таки пришли...

Минуты три Андрей простоял в темном дворике, стараясь удержаться на обмякших и одновременно одревеневших ногах. Ужасное чувство... Что – это и есть тот самый унижительный страх, который «приковывает к месту»?

Нет, он этому не поддастся...

Что же делать?... Сейчас в его вещах роются посторонние люди. Ага, думают они, порядочек наводил, гад? Нет, улики уничтожал – вот что он делал!.. Сувениры-фетиши, снятые с убитых, прятал!.. Майки окровавленные!

Андрей неловко повернулся на непослушных ногах и двинулся прочь из дворика вдоль торца дома, стараясь держаться поближе к шершавой, еще излучавшей тепло стене. Если выглянуть из-за угла, до стоявших машин было метров пятнадцать. Заметить его в сумерках трудно. Но они все-таки профессионалы. Вдруг засекут... Тупые, но не дураки. Передадут патрулям ориентировку, примутся искать его по всему городу и району.

Это что – последствия его настойчивых расспросов о пропавших подростках? Или еще какую-то невезучую купальщицу обнаружили в зарослях у водоема? И Загашников решил «доработать» Андрея как основную версию?

За неимением других кандидатов... достойных кандидатов, ага!..

Теперь главное – дожить до утра и броситься в объятия Михал Юрича, который выручит и на этот раз. Надо полагать, выручит... Или?...

На главной улице начали один за другим набухать малиновыми ягодами фонари. Сейчас это резко не в его пользу.

Рядом с кортежем появились люди. Потом Андрей услышал, как хлопают дверцы и отъезжают машины. Но наверняка дома кого-то оставили, и если он попытается сунуться к себе в квартиру... Но вдруг все не так плохо, как ему кажется, и он напуган? Может, все это бред?

«Да чего я пыжусь-то?! Все сейчас проверим!»

Он, сосредоточившись, вспомнил, как с мобильного позвонить к себе домой на местный. Трубку сняли после третьего звонка.

– А Ленку можно к трубочке? – дурашливо спросил он у неприветливого мужского голоса.

– Ошиблись... Эй, алё, алё! – спохватился голос. – Алё!

Андрей нажал на клавишу, выключил мобильник и быстро, но не слишком, двинулся назад к центру.

Пока шел, выбирая уголки поукромнее, мысль пойти и высказать ментам все, что он о них думает, была всесторонне рассмотрена и отвергнута. Не отпустят они его – почки отобьют, а не отпустят. Слишком нервная обстановка в городе, общественность требует найти проклятого вражину... А тут сам явился – совесть заела за невинно убиенных тетенок, ага!.. Может, конечно, все постепенно выяснится, но тогда его жизнь – если он физически

переживет это замечательное приключение! – и, разумеется, карьера окажутся безнадежно испорчены.

«С таким багажом – только в политику! Там мне цены не будет!»

Ксения Петровна открыла ему почти сразу, глянула чуть близоруко и отступила в прихожую, приглашая войти. Она уже была в домашнем халате, надетом на ночную рубашку.

– За мной пришли. Я в бегах, – сказал Андрей, разведя руками. – Примите?

– ...Ты не голодный? – поинтересовалась ясновидица, выслушав краткое изложение последних подвигов.

– Нет. Мне б только до утра дожить, а там я со своим шефом свяжусь. Это можно?

– Да, конечно. Митька с ребятами за город уехал, комната свободна. Я постелю.

– Это не обязательно.

– Ну что ты. Я постелю. – ...А как ты... ну... сегодня? – спросила она, вернувшись в кухню.

– Сбежал-то? Мне, как невинному, ангел-хранитель помог.

– Да? – подняла русые брови Ксения Петровна.

– Угу. Прогуляться вышел. Понять не могу, что это меня потянуло, сколько здесь живу – никогда этого не делал, и так гулянки хватало. А тут вышел на полчаса, а эти подъехали... Я решил с ними не пересекаться.

– Не знаю, правильно ли это.

– В любом случае мне у вас лучше, чем в «обезьяннике». Разве вы хотели бы видеть меня среди вшивых бомжей?

– Ну нет, конечно, ты ж мальчик домашний... Ложись. Может, утром что-то выяснится. А... Анечка об этом знает?

– Скорее всего, нет. Мы с ней только утром расстались.

– А-а?! – повела головой Ксения Петровна.

– Навещал я ее в Первомайском сегодня.

– А, ну ладно. Ложись, хорошо? Спокойной ночи.

«Ночь-то, может, и относительно спокойная будет... А вот завтрашний день каков выдастся?»

– Ну и какие у тебя на сегодня планы? – спросила Ксения Петровна, кормя его завтраком.

Ей надо было идти на работу, и завтракал Андрей непривычно рано. Может, от этого есть не хотелось. Хотя, может, и не от этого.

– Уж у меня «планы»!.. Дождусь, когда мой шеф на работу придет, попрошу разобраться. Хотя он наверняка сам все знает. Может, к вечеру что-то прояснится.

– Ага, хорошо. Тогда посиди тут... Если надо будет уйти, ключи под половичок положишь.

– Как скажете, благотельница. Ане с работы позвоните? Я мобильник включать не буду.

– А с городского? У меня московский номер.

– Я знаю. Но она мои душевные переливы на раз-два просчитывает. Просто поинтересуйтесь, как она. Мне за нее тревожно.

Андрею почему-то показалось, что Ксения Петровна сейчас скажет: «Мне тоже», но она промолчала.

– Ну, ты тут... не унывай один, – улыбнулась Ксения Петровна на прощание. – Я позвоню. И про Анечку, и если что-то будет, я сама узнаю...

Андрей понял, что она говорит о новостях, полученных, так сказать, по нетрадиционным каналам.

Погода, словно сочувствуя его настроению, испортилась. Прелестный вечер сменился нутужно-жарким, но не солнечным днем – таким, которые обычно разряжаются грозой.

Андрей сел посмотреть теленовости, но чужие тревоги до него доходили туго.

Может, он что-то неправильно делал? Не так вел себя с аборигенами? Нарушал их правила? И теперь они решили изжить его как класс... Но иной раз он и за народного героя у населения сходил... А теперь незаметно для себя самого сполз в какую-то трясику, вязкую и смрадную, разинувшую пасть, чтобы его пожрать...

Ну да ладно – он еще и материал из этого сделает. И не для провинциальной газетки – для какого-нибудь шикарного журнала. Ага: «Семь дней под седлом водяного коня».

На балкон не выйти – вдруг заметят...

«Ну и духотища...»

Осторожно, как хищник на охоте, стараясь не высовываться, отворил дверь балкона. Пожалуй, снаружи было еще хуже. Низкие облака упорно надувались сизым – в такую погоду у кого хочешь башню снесет. И если за то время, которое он сидит здесь в полном одиночестве, произойдет какое-то кровавое безобразие, его закономерно припишут беглецу, скрывающемуся от властей...

«Все против меня... Да, но если я буду вот так сидеть и фантазировать, станет еще хуже, – встряхнул головой Андрей. – Надо набраться терпения.

Борода, поди, на работу пришел и уже в курсе событий... Позвонить? А вдруг телефон на прослушке? Засекут – и в кутузку! И не станут мольбы старого чекиста слушать – нужен подозреваемый, так будет! А ну как за мою голову уже и награда назначена? А что – близкие жертв скинутся и назначат! Стимул!»

Кажется, у него бурно развивалась паранойя. Не хватало еще начать подозревать Ксению Петровну, а?... Сегодня пятница? Может, она пораньше придет, покормит и утешит... А вдруг принесет хорошие новости? Скажет, что все случившееся – дикий бред, преступника поймали, Анна ждет, что он приедет за ней в понедельник, и все будет просто замечательно, сказочно и великолепно...

Погода действительно менялась на глазах. Подул ветер. Не подул даже, а пошел мощной воздушной рекой – как гудящая тяга в печной трубе...

Тут Андрей услышал, что в двери завозился ключ. Ксения Петровна? Но еще только половина первого... Или Митька вернулся с гулянки ввиду надвигающегося ненастья?

Это была Ксения Петровна. Только взглянув на ее расстроенное лицо, Андрей понял, что что-то случилось и вряд ли это касается торжественно обставленной, общественно-показательной поимки водяного коня или еще чего-то в этом роде.

– Ты как? – спросила ясновидица, бросив в его сторону короткий взгляд.

– Нормально – насколько можно в таком положении. А вы что пришли?

– Я отпросилась.

Ксения Петровна быстро и нервно прошла в кухню. Когда туда вошел Андрей, она ставила на плитку чайник.

– Ко мне на работу приходили Анины родители, – сказала она, не оборачиваясь.

– Анины? Зачем?! И почему к вам?

Андрей почувствовал, что дверной косяк, на который он оперся плечом, мягко прогнулся под его тяжестью и начинает заваливаться, увлекая его за собой.

– Аня пропала. Вчера.

– Аня?! – выкрикнул Андрей так, что Ксения Петровна вздрогнула и обернулась, а на столе звякнула ложка в стакане. – Что они говорят?! Еще утром она была в полном порядке!

Спросить, связывают ли его с исчезновением Анны, язык не поворачивался.

«А чего спрашивать? Все и так ясно».

– Просили помочь найти ее. Сказать, жива ли...

– И в-вы?

– Сказала, что мне надо остаться одной и подумать. Тогда я могу что-то сказать. Милиция ее уже ищет.

– И меня тоже... Да? Ведь так?

Андрей прошел в кухню и присел на табуретку. Начал распеваться закипавший чайник.

– Да. Все считают, что там, в лагере, ты ее упорно домогался, а потом куда-то завез, ну и...

Она помотала головой и присела к столу, подперла щеку рукой.

– Продолжайте, что вы, – безнадежно сказал Андрей. – Одно к одному.

– Ну и скрылся. Вот вас обоих и ищут.

– Это чушь! Мы расстались утром, затем я еще два часа был в Первомайском, потом до полудня сидел в редакции. Борода должен был все рассказать.

– Ну, раз ты пропал, сам понимаешь... В городе только об этом и говорят.

– Что? Что все эти девушки – моих страшных лап дело?

У Ксении Петровны задрожали губы, и она только кивнула.

– О, черт!

Андрей схватился за голову, опустил на табуретку напротив.

– Может, стоит хоть позвонить, рассказать, ну хоть твоему начальству?... А? Андрюша? Раз тебя потом видели...

– Пока я буду все это рассказывать-доказывать, что с Аней-то будет? Они же сразу бросят ее искать и скопом примутся за меня! Чистосердечное признание выбивать, и все дела! Вы что, нашей милиции не знаете? Нет, для нас обоих это не выход! Во всяком случае, не для нее – точно!

Андрей вскочил и, поскольку в кухне не было места, принялся бегать по крошечному коридорчику до прихожей. Расстояния для пробежки было только на три его шага, и расслабляющего эффекта бег не оказывал.

– Ну почему, почему это должно было случиться именно со мной?!

– Что суждено... Андрей резко остановился.

– Это то, что вы мне напророчили здесь полгода назад, да?

– Наверное, – пожала она плечами. – Наверное. Что делать собираешься?

– А вы... меня не выгоните? Если вы опасаетесь, я уйду.

– Ох, Андрей, не о том ты говоришь! – досадливо тряхнула русой головой Ксения Петровна.

– Да, извините. Вы-то людей насквозь видите.

– Да и куда ты пойдешь?

Андрей чуть встрепенулся:

– Да нашелся бы один человечек...

Эта мысль чуть его взбодрила. Не так легко загнать его в угол. Раз судьбе было угодно подвергнуть его испытанию – пожалуйста. Только вот при чем здесь Анна? Или ей мало досталось? По мнению этой самой «судьбы»?

С судьбы он спросит отдельно. Но потом.

– А вы... Аню сейчас чувствуете?

– Нет... Мне надо сосредоточиться.

– Ну так сосредоточьтесь, пожалуйста... Хотите – я в ванной запрусь, чтобы вас не сбивать? Только скажите... Я антенной у вас работать не смогу?

– Ах, – чуть раздраженно отмахнулась Ксения Петровна. – Давай поедим? У меня от головы оттянет, и я все скажу. Не думаю, что с ней... так все плохо.

С огромным трудом Андрей заставил себя замолчать. Пусть пророчица наберется сил, а он пока...

Он прошел в большую комнату и, мучительно беспокоясь, как у него с деньгами и зарядом, отбил сообщение Павлючку: «Сергея, срочно позвони. Андрей», дал номер Ксении Петровны и сразу же отключил мобильник.

«Не поверил мой духовный наследник, что я злодей, а? Хотя еще один друг у меня остался?»

То, что адрес его съемной квартиры ментам дал Борода, Андрей теперь не сомневался. Признался глав-вред бывшим коллегам, что ошибался, покаялся в политической близорукости...

«А Валя-то, поди, как сейчас рада – когда еще разглядела во мне врага рода человеческого! Вспомнила мои хищные улыбки...»

– Андрюша, – послышался из кухни голос Ксении Петровны. – Иди, чаю попьем.

– Я Павлючку депешу отправил. – Андрей присел за столик.

Ничего, кроме варенья, в горло ему не пошло.

– А, это тот парнишка...

– Да, парнишка-воришка. Но мы с ним дружим. Он в общем-то неплохой. Просто у него своеобразные взгляды на этику и справедливость.

– А он не?...

В прихожей зазвонил телефон.

– Это, наверное, меня... Но лучше подойдите вы.

Ксения Петровна сняла трубку:

– Алё?... Здравствуйте... Сейчас.

Это был действительно Павлючок.

– Привет, Серега! Спасибо, что позвонил.

– Ой, дядь Андрей! Тут такое про вас гоня-а-ат, такое гонят!

– М-да, я в курсе... И ты как – веришь?

– Ну чё вы! Я что – глупый?

– Нет, ты-то не глупый... А ты можешь сейчас ко мне подойти?

Андрей обернулся на Ксению Петровну. Она кивнула.

– Могу. Только домой за курткой запрыгну, а то дождик начинается.

«Дождик?»

– Слушай, а ты ко мне на квартиру можешь зайти?

– А чё нет-то? – хмыкнул Павлючок.

– Но там могут быть... Э-э...

– Мусора, что ли?

– Фу, Серега, не надо. Но если б ты мне принес куртку с капюшоном, зеленую, она в прихожей висит, и зарядник для мобильного, это было бы очень неплохо.

– Да это ерунда! Еще чё надо?

– Ага, – смеха ради добавил Андрей, – если б тачку какую-нибудь не приметную подогнал и ствол какой-никакой – вот это бы в самый раз.

– Ладно, не проблема, – хихикнул Павлючок.

Андрей положил трубку и вернулся в кухню.

– Ты чего задумал? – захлопала светлыми ресницами Ксения Петровна.

– Ну, не могу ж я так сидеть... Вы хоть меня сориентируйте – куда двигаться, а?... Пойду Анну искать. Не впервой. Помните?

«Если не получу направления, просто поеду в Первомайский – пусть мне любящее сердце подскажет, ага!»

Андрей попытался улыбнуться, чувствуя, что улыбка вместо снисходительно-самоуверенной, как задумывалось, выходит жалкой и беспомощной.

– Да, помню, как мы катались... Погодка тогда тоже была!..

По жестяным подоконникам гулко били крупные капли.

– ...А я вас правильно понял – как-то вы Аню почувствовали? – все-таки решил уточнить Андрей, когда от нечего делать они перешли в «залу» и уселись перед телевизором, который искрил на каждый разряд молнии.

Было только половина четвертого дня, но из-за непогоды сделалось почти сумрачно.

– Могу сказать только, что она, кажется, жива... Когда человека нет, я какой-то холодный провал чувствую... Сейчас – нет.

– А... сигнал, хоть какой-то, есть?

– Ну, пока вроде нет...

– О-о-о-иии. – Андрей откинул голову на спинку дивана, взял руку Ксении Петровны в свою и устало прикрыл глаза.

Она ответила пожатием.

– Надо надеяться на лучшее, Андрюша.

– Ох надо, надо!.. Знаете, если б не Анна, я бы в вас влюбился – как мне с вами хорошо.

– Ну, вот то хорошо, что ты еще шутить способен.

– Какие уж тут шутки!.. – начал было Андрей, но тут в дверь позвонили.

– Я открою.

Ксения Петровна встала и вышла, Андрей услышал, как в прихожей раздался голос Павлючка.

– Здравствуй, тетя Ксень. Андрей здесь?

– Да где ж мне быть-то? – нервно рассмеялся Андрей, выходя в прихожую.

Андрею хотелось взглянуть в глаза приятелю – как, он действительно не держит его за упыря? Не сдал за награду похода? Может, сейчас сюда группа захвата ворвется? Но все было тихо, мирно – прямо семейная сценка...

– Вот, я все принес, – важно произнес Павлючок, отдавая ему куртку-дугик.

«Ну дела! Хотя чему удивляться в этом городе...»

– А... как там обошлось-то?

– У вас на хате-то? – хитро прищурился Павлючок. – Там гости – аж трое.

– Что ты им сказал?

– Что и есть, – невозмутимо пожал плечами Павлючок. – Что вы меня послали за курткой. Зачем врать-то лишний раз? Я врать не по делу не люблю.

Андрей, сам того не желая, издал сухой, кашляющий звук и попытался удержать на месте челюсть, вполне, правда, безуспешно.

– Ну и?...

– А они: где он, где?! У-у!

Павлючок, потрясая загорелыми кулачками, изобразил, как взволновалась милицмейская засада.

– Ну я и сказал, что вы на трамвайной остановке ждете. Это ж тоже почти правда. Они даже не спросили на какой – так рванули!.. Я все взял и пошел. Вот тут, как вы меня учили – фонарь, швейцарский нож... Еще кроссовки ваши – а то сыро на улице. Ствола я настоящего найти не успел, но у меня травмик свой. Подойдет? Обойма есть. Из него, если надо, так шандарахнуть можно!

Павлючок протянул пакет, но от растерянности Андрей не брал его, соображая, что же такое в действительности происходит.

– А может, ты и тачку достал? – откашлявшись, поинтересовался Андрей.

– Да, – просто, без затей ответил Сергей. – Нате.

Он порылся в кармане джинсов и протянул ему связку ключей.

– Угнал? – безнадежно произнес Андрей, боковым зрением замечая, что Ксения Петровна поворачивается, прикрыв рукой рот, и, как-то странно крениась, уходит в кухню.

– Да нет, – благодушно махнул рукой Павлючок. – У соседа за полштуки арендовал. Он частником бомбит, так ему эти бабки сегодня ни за что не отбить. Он и не собирался сегодня выезжать – вон что делается! Кто куда поедет-то?

Сергей был искренне рад, что еще одно преступление совершать не пришлось, и это понравилось Андрею.

– Ну чего, поехали? – слегка подпрыгнул на месте Павлючок.

– Да, сейчас... Я немного мобилу запитаю. Ты похавать на дорожку не хочешь? Я вот хочу. И надо кое-что спросить у тети Ксюши.

Ксения Петровна прибиралась в кухне, но Андрей понял, что делается это для виду – так, чтобы чем-то заняться.

– Так что, Ксения Петровна, что вы скажете: куда нам ехать, где искать?

– Напой Сережу чаем, а я пока оденусь.

– Куда? – не понял Андрей.

– Я с вами еду, – не глядя на них обоих, пробормотала Ксения Петровна и вышла из

кухни, тоже как-то боком.

– Кушай варенье, Серж, – меланхолично сказал Андрей, садясь к столу. – Ксения Петровна велела его добивать, а то новое складывать некуда. И поедем...

«Отправляемся искать Анну. История повторяется».

То, что сейчас история намного страшней и для него, и для Анны, ему думать не хотелось.

Дождь разошелся не на шутку. Облачность была обложная, но гроза так и не пришла, только за горизонтом, далеко, вспыхивали беззвучные зарницы.

– На всю ночь зарядило, – обреченно проговорила Ксения Петровна, неловко загружаясь на заднее сиденье «копейки».

– Как только кто-то скажет, что ему надо домой или устал, я довожу его до нужного места и продолжаю поиски самостоятельно, – четко произнес Андрей, заводя недовольно зачихавшую машинку. – Тачку верну по первому требованию.

– Опять ты не о том, Андрей, – сказала ясновидица, захлопывая дверцу.

– Менты по углам разбежались, – глумливо хмыкнул Павлючок. – Нас ловить некому. Ни одной засады, а?

Они уже вовсю катили через новый центр города к старому.

– Серега, а что б ты сказал, если б тебя со мной застукали? Я ведь под тяжелой статьей сейчас, – чуть покосился на приятеля Андрей.

– Не парьтесь, – махнул рукой Павлючок. – Со мной не застукают. Я везучий.

Развивать эту богатую мысль Андрей не стал из суеверности. Действительно, рядом с Ксенией Петровной и Павлючком давящая, порой истеричная тревога за участь Анны, которая, возможно, находится в лапах восставшего из древних хлябей монстра, слегка отпустила.

«Он неизменно терзал этих несчастных девчонок и тетенок... Почему? Если он вышел из своей берлоги, чтобы завести, так сказать, семью, это нелогично. Я жду логики от какого-то мутанта?... Это у меня чисто нервное. Может, он чуял, что каждая следующая девушка ему чем-то не подходит?... Искал себе что-то особенное... Ага, родное!.. Родное-водяное... Русалку?! Да! Точно... И вот добрался до Анны... Наверное, все-таки она здесь не единственная русалка, но оказалась первой, попавшей в его гнусные мохнатые лапы... Не исключено, заметим, что я элементарно брежу».

– Нам сворачивать, – тихо сказала Ксения Петровна.

– Да? Сейчас, сейчас.

«Но до Первомайского мы не доехали? Хотя... Ксюше Петровне виднее».

Дождь все еще был весьма активен. «Дворники» едва сметали потоки с ветрового стекла.

– Здесь? – уточнил Андрей, увидев какую-то боковую дорогу справа.

– Ну давай здесь, – не слишком уверенно ответила Ксения Петровна.

Они свернули и поехали по неровной дороге, пришлось сбросить скорость. Вокруг не было ни огня, а свет фар выхватывал из тьмы густые, невысокие заросли.

«По сельской местности, к ближайшему орешнику... Да, я брежу».

– Андрюша, остановись, а? Мне определиться надо.

– Как скажете, – пробормотал Андрей, тормозя.

– А где мы? – сразу рванулся открывать дверцу Павлючок.

– Серег, помолчи, пожалуйста, – едва сдерживаясь, осадил Андрей. – Сейчас не наше время. Успеешь на подвиг сбегать.

Павлючок послушно прикрыл дверцу. Мотор Андрей заглушил, «дворники» и фары выключил, а свет в салоне включать не стал.

Все затихло. Струи гуляли по крыше, тупо, сотней нервных пальцев постукивали в стекла. Что делается на заднем сиденье, Андрей не представлял.

Минут через десять Ксения Петровна глубоко вздохнула, даже чуть застонала.

– Андрюша, давай еще немного проедем, а? Сережа, тебя дома не хватятся?

– Да времени только восемь, – хмыкнул в темноте Павлючок. – Фигня.

«Это что – двоих суток не прошло с тех пор, как я видел Анну веселой и ничего не подозревающей, а сам был приличным, законопослушным гражданином, борцом с несправедливостью, криминалом и нечистой силой?»

– Тут остановимся, а? – тихо сказала Ксения Петровна.

– Как скажете, повелительница.

– Выйдем... Может, мальчик в машине останется?

– Какой я мальчик! – возмутился Павлючок, и Андрей неожиданно заметил, что у него ломается голос.

– Простудить тебя боимся, – сказал Андрей. – И не кричи – рыбу распугаешь.

– Какую ры...

– Тихо, Сережа, ну тихо ты! – досадливо попросила Ксения Петровна, выкарабкиваясь с заднего сиденья. – Ты же должен понимать...

Они постояли около машины, пока глаза привыкали к почти полной тьме. Наконец стали различимы кусты, за ними деревья, верхушки которых слегка выделялись на фоне серо-синего неба.

«Там, за облаками, сейчас роскошный алый закат», – подумал Андрей.

Ему ужасно хотелось поторопить ясновидицу, но он не решался.

– Фонарик ведь у нас есть? – словно услышав его нервные вибрации, спросила Ксения Петровна.

– Да уж Серега расстарался, – пробормотал Андрей, нажимая на выключатель.

– Тогда нам туда. Дай я первая пойду.

– Нет, а вдруг там?... Я первым пойду!

– Его там нет, – тихо, но решительно сказала Ксения Петровна и, взяв из его руки фонарь, быстрым шагом пошла куда-то направо от дороги.

Андрею с Павлючком, не ожидавшим такой прыти, пришлось догонять ее почти бегом.

Они углубились в заросли, свет фонаря почти сразу разбивался о ветки и листву. Видно, район этот популярностью у любителей шашлыка не пользовался – не было тропинок, вытоптанных полянок, густая трава цеплялась за ноги. Наконец, кусты стали реже, появились деревья – старые сосны, ветки у которых начинались уже на высоте пары метров. Травы почти не было – наверное, ей не хватало солнца.

– Сереж, – тихо позвал Андрей, как будто не уловив за собой шагов юного приятеля. – Ты где там?

– Туточки... Куда мне деться?

– Что-то здесь есть, – невнятно пробормотала Ксения Петровна, поднимая фонарь почти на высоту вытянутой руки.

Впереди и слева что-то виднелось – может, завал бурелома, может, опять начинался густой кустарник.

– Дайте я один схожу, – предложил Андрей, намереваясь взять фонарь у Ксении Петровны.

– Там... там ничего страшного.

До странного объекта было чуть дальше, чем казалось в уплощавшем пейзаж фонарном свете.

Это оказалось явно творение рук человеческих... Но правда, очень грубых и неумелых рук... Или не совсем человеческих...

– Бомжары такие штуки строят, – заметил Павлючок, чуть наклоняясь, чтобы заглянуть в сооружение из веток, похожее на большое воронье гнездо, поставленное на бок.

– Бомжи так далеко от людей не селятся, – отозвался Андрей. – За добычей ходить не с руки. Дайте-ка я все-таки сам...

Из сооружения при порыве ветра донесся не слишком приятный запах, и Ксения

Петровна без возражений протянула ему фонарь.

Внутри шалаша, если можно было так его назвать, Андрей не смог бы стоять даже полусогнувшись. В кружке желтого света разглядел что-то вроде спального места – кучу примятой травы, теперь совершенно мокрой, пару-тройку пустых консервных банок, цветные обрывки упаковки, еще что-то...

«Не буду трогать – пусть менты ищут, копаются... Может, найдется что-то от пропавших девушек и ребят».

Но вот одну вещь он, холодея от подозрений, разглядел, поднял...

– Дядь Андрей, ну чего там, а? Дядь Андрей... – нетерпеливо заныл Павлючок. – Ну дайте мне поглядеть, а?

– Я сейчас, – выдавил из себя Андрей, собираясь с силами – надо было выползти, пятась из «стойла» на мягких, непослушных ногах.

Выпрямился он тоже с трудом – его пошатывало.

– И чего там, Андрюша? – заглядывая ему в лицо, беспокойно спросила Ксения Петровна.

– Вот. – Он направил луч света на свою находку. – Это я Анне подарил. Оберег. От водяных тварей вроде охранять должен.

– Значит, она здесь была? Была?! Не ошиблась я, да?

Ксения Петровна была рада и этому. Но Андрею этого было явно мало.

– А может, она сбежала? – радостно подпрыгнул на месте Павлючок, выбираясь из логова. – А мы просто не знаем? Может, она уже в городе?!

– Не исключено. – Андрей спрятал кулон в карман куртки. – Что делать будем, Ксения Петровна? Ваше решение? Куда теперь?

– Ну, Андрей, я буду помогать тебе сколько надо, но...

– Вы что-то чувствуете? Сейчас?

– Нет... Ничего!

Она безнадежно всплеснула руками.

– Она, наверное, довольно долго здесь пробыла, поэтому я смогла ее почувствовать. Ну, вроде как место нагрела... Теперь вот... А может, Сережа и прав? Может, она уже дома и разбойника этого уже поймали? Надо с родителями Аниными связаться. Прямо отсюда.

– На... Тьфу ты, я ж мобильник на подзарядке оставил, блин!..

– Так у меня есть! – подскочил на месте Павлючок.

– Я телефона их не помню!.. Ладно, пошли... Поедем в город, узнаем что и как...

Но он-то почему-то знал, что Анны в городе нет. Но и здесь ее тоже не было, так что держать своих самоотверженных друзей под холодным дождем не было практического смысла.

– Все, пошли!

Андрей быстро зашагал к машине. Зная, что его спутники едва поспевают за ним, он не мог остановиться, спотыкался о почти неразличимые кочки, ломился через кустарник, ветви хлестали по лицу, сбили на спину капюшон.

Анну они не нашли.

Он ее не нашел. Должен был найти, но не нашел.

– Серега, тебя куда подкинуть? – спросил Андрей, уже въехав в город.

Голос звучал сдавленно, пришлось незаметно откашляться.

– Да туда, к кольцу. А вы расстроились, да?

– А как ты думаешь?

– Ну, тогда ж мы тоже не сразу...

– Тогда все немного по-другому было.

– Ага, просек.

Андрей затормозил.

– До утра я могу покататься?

– Без проблем. Я договорюсь.

– Ты настоящий друг. Свяжемся прям с утра.

Павлючок, вылезая, сказал напоследок:

– Ну вы, дядь Андрей, не очень... Ладно?

– О'кей, спецкор. Созвонимся.

Дверца захлопнулась. Фигурка Павлючка быстро скрылась в струящейся темноте.

– Ты как, Андрюша? – робко спросила Ксения Петровна.

– Да я то... Где Анна, Анна-то где?

Он в сердцах стукнул кулаком по рулю ни в чем не повинной, чужой и старенькой машинки.

– Сейчас приедем, позвоним родителям. Может, она действительно сама как-то...

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой... А было бы здорово – и Анна спасена, и с меня подозрения были бы сняты. Там, глядишь, все бы постепенно раскрутилось. Э-эх!»

Даже теплая, светлая квартира показалась Андрею неприветливой. Он вот здесь, при ласковой Ксении Петровне с пирожками, а вот Анна... Андрею показалось, что Ксения Петровна как-то чересчур долго снимала резиновые сапожки.

– Вам помочь?

– Сейчас позвоним, сейчас... «С кем я хитрю, а?»

Ксения Петровна бросила куртку на табуретку, провела ладошкой по волосам и взялась за бумажку, которая лежала тут же, на подзеркальнике, придавленная баллоном с дезодорантом.

– Алё... Да, это я... Я у вас спросить хотела... Нет, но я-то чувствую, что она жива.

«Была – несколько часов назад... И она хитрит».

– Ну, вы звоните мне в любое время, как только будут новости... Я тоже, да... И я, да. Ну, у меня такое предчувствие, что в течение суток все прояснится. Нет, а вот так думать вы не должны...

Ксения Петровна мельком взглянула в сторону Андрея.

– Вот в этом я как раз уверена на сто пятьдесят процентов, да... Хорошо, я не прощаюсь.

Она положила трубку и, глянув на себя в зеркало, пошла в кухню. Андрей, постояв в усталом оцепенении, двинулся за ней.

– Может, поешь и приляжешь? – обернулась на его шаги Ксения Петровна.

– Какое уж тут лежание...

– Ты мокрый. Не простудился бы.

– В экстремальных ситуациях люди, как правило, не простужаются.

Андрей слушал, как запекает уютную песенку чайник, сидел и пиялся в пол.

– Ну, что делать-то будем, Ксения Петровна, а?

– Ох, не знаю, Андрюша, не знаю... Может, как-то анонимно позвонить в милицию, сообщить, что мы нашли это убежище, а? Они б какую-нибудь облаву организовали, как ты считаешь?

– Организуют, точно... На меня. И эта штучка, – Андрей вынул из кармана кулон на кожаной веревочке, – только против меня свидетельствовать будет. Нет, это не выход. До утра менты никуда не пойдут, а меня с ба-альшим удовольствием застукают.

– Да, наверное... Давай по бутербродику, а? Может, что-то в голову и придет.

«Ага, прямо нагрянет!.. Ворвется!»

Он, кажется, начал досадовать даже на Ксюшу Петровну – почти единственного сейчас близкого человека.

– Я пойду телевизор включу, – вздохнула Ксения Петровна. – А ты кушай, кушай. Тебе сейчас силы нужны.

Через минуту, когда в большой комнате заговорил телевизор, ясновидица вернулась и положила перед ним его телефон.

– Вот, представляете, – невесело усмехнулся Андрей, – сейчас позвонить Анне, а она

ответит мне как ни в чем не бывало. Просто уехала в гости на денек, а предупредить забыла?

– А ты позвони! – просияла Ксения Петровна.

Андрей безнадежно покачал головой.

– Только себя выдам.

Но еще теплый мобильник он в карман все-таки положил.

– Все, я поехал. Машину Сереге верну.

– Да?... А зачем сейчас? Утром... Сейчас дождь.

– Утром, дорогая Ксения Петровна, мне придется возвращаться оттуда через весь город, да в таком вот виде, да с двухдневной щетиной... Вы же понимаете, что бдительные граждане сдадут меня сразу... Так что...

Андрей безнадежно развел руками.

– И тогда я ни себе, ни тем более Анне помочь ничем не смогу.

– Да... Ну ладно, поезжай тогда. А я тут подумаю.

Она, склонив голову к левому плечу, внимательно поглядела ему в глаза.

– Только ты недолго, хорошо? Я волноваться буду.

Сырые кроссовки были мерзко-холодными, куртка тоже.

«Что, не поняла тетенька, что происходит? Ксюша Петровна не поняла?» – думал Андрей и, стараясь не топать, сбежал по лестнице.

А он-то сам знал, что собирается делать?

Самым логичным и простым было сначала вернуть Павлючку тачку, потом зайти домой, вне зависимости от того, есть там засада или нет. Если есть, то... Если нет, подождать до утра. А потом, если не будет обнадеживающих вестей от Ксении Петровны, идти сдаваться ментам, вести их на место лежки... Пусть ищут!

Вся эта логика разрушалась одним обстоятельством – полной неуверенностью в том, что менты будут искать Анну, а если и будут, успеют ли найти живой. Поэтому, доехав до трамвайного кольца, Андрей не остановился, а продолжил путь к повороту на грунтовку.

Нащупал в кармане диск оберега.

«Непонятно, почему ремешок не оборван... Сняла сама?»

Андрею вдруг представилось, что эта история, вполне, впрочем, невероятная, развивалась следующим образом...

Анна, встретившись с водяным, лешим или кто он там в языческой иерархии, вдруг вспомнила свою изначальную природу, изменила человеческому возлюбленному и сбежала – чтоб поселиться с этим чудищем где-то в потаенном месте. Ведь размножаются эти существа каким-то образом? И оберег сняла добровольно, чтобы он не отпугивал нового поклонника. Или оставила на виду для него – как знак полной отставки.

«О господи, о чем я думаю!» – одернул он себя, вспомнив, что ни в коем случае не должен пропустить поворот, скрывавшийся в невнятно шуршащей струями темноте.

Поворот должен был показаться вот-вот. Андрей сбросил скорость.

«А может, Анна действительно сняла и оставила кулон для меня?! Как знак – я здесь была?! Чтобы я понял и разыскал ее! Она на меня надеется! Она меня ждет!»

В восторге от собственной догадливости, Андрей едва не пропустил поворот.

«Туда я приехал, нет?»

На размокшей глине были видны отпечатки шин, уже налившиеся водой.

Андрей из соображения экономии ресурса выключил фонарь и побрел по просеке, решив пока не углубляться в заросли, которые едва различал в темноте. Дождь выдыхался, лениво шлепал по невидимым листьям.

Андрей замедлил шаги, чувствуя, что дальше под ногами не просто сыро и скользко, но топко, как тогда весной, у озера.

«Постой-постой!»

Он действительно остановился.

«Если я повстречаюсь с этим уродом еще раз, это как мне выйдет?...»

Если считать, что тогда на озере, весной, он встретил водяного коня, пусть в виде

остаточных всплесков на воде, в первый раз... А тот случай, когда они с учеными чуть не переехали какого-то заросшего, мокрого мужика, – это второй раз. То есть, если он сейчас найдет похитителя Анны и это действительно окажется все то же исчадь озерной глубины, это будет третий раз. И последний. Как у славного чекиста Пал Никитича, который знал свою участь и спокойно шел ей навстречу.

А вот Андрей стоял под дождем, не в силах двинуться к своей безвременной гибели.

«Никто не может утверждать, что два первых случая – подлинные. Может, ни разу я с конем этим треклятым не пересекался, может, один только – когда с озера возвращались. И вообще, никакого коня не существует, а Пал Никитичу было за восемьдесят. Но если все-таки эта байка не вымысел? Ведь мне только двадцать семь. Только двадцать семь! И умереть от какой-нибудь труднодиагностируемой болячки теперь, когда у меня есть самая прелестная женщина на земле!..»

Ночной холод начал пролезать ему под куртку.

«Да, но зачем мне жить без Анны?! Что я буду делать всю эту длинную, бесполезную жизнь, если сегодня, сейчас ее не найду?!»

В висках закололо, болезненно гулко билось сердце. Андрей поднял лицо к абсолютно непроницаемо-черному небу.

– Господи, если Ты где-то там есть... Ведь верит же в Тебя почему-то столько людей, а? Ну покажи, подскажи, где мне искать Анну?!

Ни единого звука не раздалось в ответ.

– Что – я прошу слишком много?!

Андрей почувствовал, что, похоже, сходит с ума. А ничего другого ему не оставалось. Логика в этой ситуации не работала. Он нащупал в кармане твердый кругляш оберега и, держа его за ремешок, вытянул руку вверх, в темноту, туда, где, вероятнее всего, мог находиться Бог, который отнял у него его любимую и сделал его злодеем в глазах самых близких людей.

– Ну, что молчишь? Спишь, да? Погода для ангелочков нелетная?

И опять никто ему не ответил, даже не поразил молнией за непочтительность.

Андрей, держа оберег перед собой, двинулся куда-то в темноту, уходя от автомобиля, хоть как-то напоминавшего о существовании цивилизации тускловатыми габаритными огоньками.

– Где ты, гад, мерин?! – закричал в темноту Андрей, оглядываясь, словно кого-то мог увидеть. – Выходи! Ну?! Давай поговорим, как мужчина с мужчиной!.. Да какой ты мужик... Нечисть... Девчонок загулявших ловить... Только и умеешь!

Последний его крик, уже какой-то визгливо-надрывный, гулко разнесся по окрестностям. Дождь кончился, потянуло холодным ветром. Несколько порывов резануло Андрея по горящему лицу.

Не получив ответа, Андрей постоял немного, чувствуя, как погружается в топкую грязь, потом двинулся по кромке относительно твердой земли. Пришлось включить фонарь. От машины он отошел на километр, не менее, и не представлял вообще, где находится. Кричать на кого-то, на Бога, на черта, было бесполезно, да и горло перехватили какие-то подозрительные спазмы. Андрей только изредка рычал себе под нос проклятия в адрес неведомого похитителя, приглашая его выйти и сразиться.

Скоро, а может, и нет, снова пошли кусты. Вероятно, начался тот же пролесок, в котором они обнаружили логово, но оно, скорее всего, осталось ближе к начальной точке маршрута, то есть к машине. Саднило левую щеку – он пару раз сильно оцарапал лицо. Но сейчас это не имело ни малейшего значения.

Вдруг луч фонаря, уже изрядно потускневший, выхватил из темноты нечто, пробежал дальше, снова дал отблеск. Андрей рванул вперед, ища лучом это нечто, споткнулся, едва не упав... И оказался в десятке метров от брошенного на произвол судьбы заемного жигуленка.

Как лошадь на корде, сделав полный круг по лесу и кустарнику, протопав по трясине, он оказался в начальной точке безысходных скитаний.

Анну он не нашел.

Андрей постоял, чувствуя, что едва держится на ногах, но не от усталости, а от отчаяния. Повернуться и снова кружиться по лесу – ведь где-то здесь затаился его лютый враг, где-то здесь он держит в неволе его невесту...

Вдруг навалилась жуткая апатия – он все равно ничего не найдет. Монстр мог давно расправиться с Анной и сбежать в свой омут обдумывать следующее злодеяние. Если такое случится, все это непременно припишут ему... Ведь где он сейчас, что делает, не знает никто. Он сам не знает... Он не знает даже, сколько сейчас времени.

Но ведь скоро рассвет? Тогда он сможет продолжить поиски...

Андрей на негнувшихся ногах двинулся к машине. Фонарик, издыхавший на глазах, выключил – еще пригодится.

Машину он не запирает – от кого? – поэтому просто дернул за ручку дверцы, намереваясь посидеть в салоне, чуть согреться. На часах, увидел он мельком, было двадцать минут четвертого. Через час, даже при облачности, начнет светать. Тогда он возобновит поиски.

Уже наклонившись, чтобы залезть в машину, Андрей явственно уловил чей-то взгляд, сверливший его спину. Мерещится? Уже мерещится... Немудрено.

Или не мерещится?

Он сжал кулак с запутавшимся в пальцах ремешком оберега. И в полной тишине различил тихое и оттого особенно грозное ворчание. Не нарочито-пугающее, нет. Так, скорее довольно, ворчат хищники, заметив желанную, легкую добычу.

Первым его порывом было резко рвануть дверцу, захлопнуть ее за собой и потом разбираться, что это тяжело пыхтит и порывается у него за спиной – тот ли заросший мужик, звероящер ли с монастырской иконы или черный пес, обожающий пугать детишек? Может, просто потерявший человеческий облик бомж будет просить на хлеб...

Или, может, не оглядываясь, бежать, резко вдарив по газам?

Ну нет! Этого ни одна модификация зла от него не дожидается! Он встретит ее как подобает, лицом к лицу, вне зависимости от места на древе эволюции!

Андрей, все-таки не желая спровоцировать нападения, медленно обернулся. К темноте он уже чуть пригляделся и сумел различить на фоне зарослей черное пятно, издававшее хриплые звуки. Также осторожно Андрей, прикидывая, где у этого существа глаза, поднял руку с фонариком... И резко двинул рычажок.

Лучик из фонарика оказался удивительно ярким – вещица явно была на его стороне и постаралась из последних сил. Существо, выхваченное из темноты лучом, рыкнуло и отпрянуло, закрывшись локтем.

Это был явно гуманоид, хотя жутко заросший черной бородой. Его спутанные мокрые волосы висели ниже плеч, и, как ни краток был миг, Андрей увидел, что у незнакомца были светлые, навывкате глаза.

– Ну. – Андрей сделал в его сторону судорожный шаг, не очень широкий и решительный, но сделал. – Ты мою девушку украл, гад вонючий?! Говори, сволочь, а?! Отдавай девчонку! Урою!

Существо вздрогнуло и еще чуть отступило, так же прикрываясь от света.

– Что – не нравится?

Тут Андрей ощутил явственное желание поколотить себя в грудь кулаками и завопить на всю округу. Но не успел. Заросший всхрипнул и, выставив вперед руки (или лапы?), бросился на Андрея. За краткий миг, которым тот летел к нему, Андрей успел разглядеть, что нападавший одет в дико грязные, висящие мешком джинсы и майку в камуфляжных разводах.

«Ага, все-таки ты просто человек!»

Или нападение оказалось внезапным, или Андрей из-за темноты не рассчитал расстояния до соперника, но кудлатый в один миг оказался рядом, выбил у него фонарик,

сбил с ног, и они, сцепившись, покатались по грязи. Кудлатый пытался добраться до его горла, и Андрей яростно брыкался, крепко держа его за костлявые запястья.

Соперник был очень силен, жилист и по-звериному увертлив, но наконец Андрею, хоть и с большим трудом, удалось придавить чудовище к земле – он оказался тяжелее. Из последних сил Андрей перехватил одной рукой обе лапы, старавшиеся добраться до его глаз, а освободившимся на секунду правым кулаком изо всех сил врезал в мохнатую скулу. Противник издал утробный звук, чуть обмяк, но сопротивляться не перестал.

– Что, мало?! Ну, получай! Напросился!

...Сопротивляться волосатик перестал, наверное, после пятого или шестого удара – Андрей хорошо нацелился и от души почесал кулаки о валяющегося в грязи зверюгу. Тот давно не реагировал на удары, даже не издавал угрожающих звуков, но Андрей не мог остановиться.

– ...Андрей, Андрюша! – вдруг донеслось до его, нет, даже не ушей – до сознания.

С трудом отлипнув от монстра, над которым он стоял на коленях, Андрей оглянулся, почувствовал, как дикой болью отозвалась шея. Фонарик, валявшийся поодаль, чуть-чуть, самую малость, освещал границу между просекой и кустами. От этой границы к нему быстро, какими-то рывками, приближалась светлая тень.

– Андрюша, это я!

Андрей начал, с невероятным усилием, подниматься.

«Да это же Анна! – удивился, но почему-то не слишком сильно, Андрей. – Я, наверное, умер, и она встречает меня на том свете... А она тоже... умерла?! Нет, нет!!! Все это слишком плохо, чтобы быть правдой!»

Он сумел, пошатываясь, подняться к тому моменту, когда Анна, подбежав к нему, бросилась на шею.

– Андрюша, родной, миленький, я знала, что ты придешь! Я тебя так ждала!

Андрей не мог придумать ничего лучше, как повторять и повторять ее имя, прижимая к себе снова налившимися силой руками ее совсем невесомое тело.

– А ну, отпусти девушку, ты, сволочь!

В глаза им ударили ослепительные, кинжальные лучи.

– Отпусти девчонку, и на колени, гад! Руки за голову!

Просеку осветил яркий свет фар. Рядом с первой парой почти сразу появилась вторая – очевидно, подкатила еще одна машина.

– Кому сказано?! Стрелять буду!

Свет замигал – к ним быстро шли, скользя по грязи, какие-то люди.

– Это он меня спас! – закричала Анна, вывернувшись из объятий Андрея и встала перед ним, словно прикрывая его от нападения. – Он меня спас!

Прибывшие были совсем близко.

– Там еще одна девушка, еще одна девушка! Там!

Анна показывала куда-то за спину, откуда появилась сама, при этом не забывая держаться между ним и прибывшей «подмогой».

Спасители остановились поодаль. Вдруг стало тихо – только урчали машины.

– Там землянка, на берегу! Недалеко... Там еще одна девушка! – опять крикнула Анна. – Ну же!

Стараясь не смотреть прямо на ослепительный свет фар, Андрей бросил милиционерам, окружившим их:

– Спасибо, что навестили, ребята. Заберете? – Андрей от души пнул все еще лежавшего без движения соперника. – Вы ведь за ним ехали?

Демонстративно, не обращая внимания на смотревшие ему в лоб дула, Андрей открыл дверцу машины.

– Ань, поедем. Тут без нас разберутся. Я прав?

Ему никто не ответил, но и не помешал. Мимо них в темноту пробежали проводник с рвущимся с поводка псом и еще несколько милиционеров.

Уже вырুলывая на шоссе, Андрей оглянулся на быстро наполнившуюся людьми просеку и заметил, что небо над кромкой леса посветлело, отделилось от горизонта оранжевой полоской.

Светало.

– ...Ну, Андрей, ты и нас пойми. – Валя вытирала уголок глаза аккуратно свернутым платочком. – Что нам было думать? Ты так переживал, изводился... Можно было и...

– ...свихнуться, – охотно кивнул Андрей.

«И стать маньяком. Прекрасно, коллеги!»

– Ну да...

Валя всхлипнула и отвернулась.

– Резонансные преступления в таких случаях нередки, – насупился Борода. – В тот раз ведь так же было. Я же тебе рассказывал.

Андрей не появлялся на работе целую неделю, даже не звонил, отлеживался и отвечал на вопросы органов. Расцарапанного лица он уже не стеснялся, ходил по городу с гордо поднятой головой и слышал за спиной восхищенные перешептывания. Как же, это он голыми руками изловил и прикончил серийного убийцу. Правда, потом выяснилось, что тот разбойник, без роду-племени и документов, скончался, по сути, от сердечного приступа. Но кто об этом знал, кроме компетентных товарищей?

Да и насчет «приступа» у Андрея были свои соображения. Но это касалось только их с Анной.

– ...А Анечка сейчас где? – деловито поинтересовалась Валя, решив, видимо, покончить с извинениями.

– У родителей. Отходит от пережитого.

– А в санаторий ей не стоит? Я бы помог, там, договорился, – поднял на него все еще виноватые глаза главред.

– Да нет, врач у нее был, сказал, что особой надобности нет. Теперь я сам о ней позабочусь.

«Боятся спросить – не сделал ли чего с ней этот гад», – брезгливо подумал Андрей и усмехнулся.

– Аня говорит, что этот бомжара даже ухаживать за ней пытался... Ага... Чуть ли не цветы дарил.

– Да ты что?! – излишне оживленно всплеснул руками Борода. – Дела...

Они немного помолчали. Кажется, совсем помирились?

– Да, но ведь второй девушки так и не нашли, ты знаешь? – снова встрепенулся Борода. – Следы есть, а самой нет. Куда делась?

– Как не нашли?! – удивился Андрей. – Аня же говорила... Так и не нашли?

Это было совсем нехорошо.

Анна рассказывала, что, когда похититель приволок ее в свое логово, там уже была одна девушка, совсем еще молоденькая, практически школьница. Он держал их в разных углах и злобно рывкал, если Анна пыталась с подругой по несчастью заговорить. Но Анна сбежала, едва кудлатый поклонник отправился на финальный поединок с Андреем, а та девчонка осталась в землянке на берегу узенькой речки, впадающей в озеро.

Даже имени ее Анна не знала.

– Валь, чайку поставь, а то мне как-то... Борода развел руками.

– Может, ей показалось? – предположила ответственный секретарь редакции, наливая воду в чайник. – Про другую девушку? В такой ситуации...

«Ох, мне б на сухой паек... Пожизненно», – внутренне поежился Андрей, услышав журчание.

– Ну, не до такой же степени, Валя!.. Была там еще одна девушка, точно. И Ксения Петровна все подтвердила. Если б она тогда в ментовку...

Борода поморщился, но промолчал.

– ...не позвонила, неизвестно еще, как бы все это кончилось.
«Хотя меня там чуть не пристрелили. Для профилактики».

Главред вдохнул, чтобы все-таки вставить реплику, но Андрей его опередил:

– Я не отрицаю заслуг наших доблестных органов в этом деле, Михал Юрич, отнюдь.

– Ага, – приободрился главред, глядя на Андрея влюбленными глазами. – А ты вообще эксклюзив-то родной газете дашь? Не обидишь, герой?

Он отхлебнул чаю, ожидая ответа.

– Дайте человеку в себя прийти, Михал Юрич, – досадливо покрутила головой Валя.

– Ну это-то да... Но так... постепенно, – согласился главред, по-прежнему чуть заискивающе улыбаясь.

– Дам, шеф, – кивнул Андрей. – Только я ведь под подпиской о неразглашении.

– Да я договорюсь! – замахал руками Борода. – Не сегодня завтра дело закроют – пиши не хочу! Пока народ трепещет? Повышенный тираж... Серию статей, а, сынок?

«Серию статей»!.. Да у меня на три романа материала набрано!.. О милой, тихой провинции».

К Бороде кто-то пришел, и главред нехотя отправился к себе.

– А... с Аней у вас как? – тихо спросила Валя, забирая у Андрея стакан.

– Пока поживем у меня, а там видно будет. Срок контракта кончается, сама знаешь.

– Ну, это не проблема, – махнула рукой Валя.

– Мне с этой историей разделаться – вот проблема. У меня впечатление, что Загашников со товарищи меня до сих пор пасут.

– Это у тебя посттравматическое. Пройдет.

«Пусть у вас сначала пройдет!» – хотел огрызнуться Андрей, но не стал – только помирились.

Он сел за компьютер – а что еще оставалось делать? Работа есть работа. Драма закончилась, началась спокойная жизнь. Анна переедет к нему через пару дней... Станет совсем хорошо.

Но серию статей – это можно. С глубокой предысторией. От самой мезозойской эры.

– Андрей Викторович, можно вас на секунду? – послышался зычный голос Бороды.

«Ох... Опять по отчеству?! Опять мне что-то навешать хотят?»

В комнате у Бороды никого не было, даже компьютер не работал. Совсем плохо.

– Да, Михал Юрич?

– Ты сядь, сынок...

«Слава те господи! Кажется, никого не убили».

Борода вздохнул. Андрей все еще торчал на пороге.

– Ты сядь...

Андрей присел на краешек стула, где обычно располагался верстальщик. Борода устроился напротив, как-то сгорбившись и глядя в пол.

– Принимай газету, сынок.

– Как это? – искренне не понял Андрей.

– Так... Видишь, старый стал... Нюх теряю, зоркость...

– Да ну, Михал Юрич... Вы еще о-го-го!

– Да нет, нет... Принимай дела. Или в Москву вернуться хочешь?

Главред поднял на него усталые глаза в глубоких морщинах.

«Да, старенький... Это есть».

– Деньги на издание теперь не проблема, так что сможешь развернуться. А Москва от тебя никуда не уйдет.

– А деньги-то у нас откуда? – вяло удивился Андрей.

Сталкиваться с финансовыми проблемами ему хотелось меньше всего.

– Так ведь продась брошечка-то! – взвизгнул от восторга Борода, заметно оживясь. – Что нам бабушка тогда приносила, ага! Ты просто не в курсе. А денежки хозяйка богатенькая хочет в нашу газету вложить! Говорит, другие меня обманут или внуки отберут, а вы

порядочные... Адвокат приходил, который ее дела ведет.

– Да, упустил я радостный момент, – усмехнулся Андрей.

– Это ничего! Ну, ты как – пойдешь на мое место?

– Мм... А вы как же?

– А я что?... Внештатником, по своей тематике – сельхозсектор. Уважишь старика?

– Да это конечно. Да и не старик вы. Но мне с Анной посоветоваться надо.

– Советуйся, сынок, советуйся! – помахал ладошками главный. – Она тебя поддержит!

И сама в газету вернется, вот увидишь... Она же умница! Зачем вам эта Москва? Там на один информационный повод – сто сорок репортеров!

– Ну, это так, да... Но до конца августа я еще могу в корреспондентах побегать? А то у меня личные дела. Многовато получается.

– Да-да! Я понимаю...

Борода вскочил, засуетился, зачем-то бегая по комнате, словно уже собирал вещи на выход, и, кажется, даже не заметил, как Андрей вышел.

Андрей поймал вопросительный взгляд Вали, но ничего не сказал, только выпятил губу и покачал головой – ничего пока не решено.

– Слушай, Валь... Дело, конечно, прошлое... Но все-таки – почему тогда у меня сиденье мокрое было?

– Ну, Андрюш...

– Колись, колись! Я твой будущий шеф!

– А я, – потупилась Валя, – святой водой брызгала... Перестаралась.